Читайте:

3 страница

Алексей ЯБЛОКОВ:

«В экологическом плане ситуация настолько страшна, что мы просто не имеем права быть пессимистами. Надо действовать...».

5 страница

Юрий НАГИБИН:

«Татлин был неустанным тружеником с высочайшей рабочей дисциплиной, молва называла его богемой.

Его вечный художественный поиск толпа называла блажью».

9 страница

Виктор ДЕМИН:

«Второй способ вздернуть Чехова на дыбу—«развить» и «домыслить» его».

12 страница

Виктор АСТАФЬЕВ:

«В первую нашу встречу он, «захваченный кином», сказал мне восторженным голосом: «Если меня погонят с должности, я готов идти в уборщицы, но только в кино, в кино!»

№ 16 (6873)

24 апреля 1993 года

ЦЕНА СВОБОДНАЯ

КУЛЬТУРА

ЧЕЛОВЕК • ИСКУССТВО • ОБЩЕСТВО

Основана в ноябре 1929 г.

РЕФЕРЕНДУМ:

За что голосуем?

Михаил УЛЬЯНОВ

Для меня абсолютно ясно — альтернативы у нас нет. Президент должен победить во имя развития России по демократическому пути. Это уже банальная мысль и банальная истина. Если Президент не победит, непредсказуема наша с вами жизнь, непредсказуемо наше будущее.

Ольга ЯКОВЛЕВА

Конечно, референдум — это очень серьезное. Я думаю, что это гораздо серьезнее, чем то, что вещают нам по поводу референдума средства массовой информации, чем то, что происходит на митингах и многочисленных встречах с представителями той или иной ветви власти. Эти встречи, эти митинги, они зачастую не отражают реальности жизни. Реальность, она во многом — в экономике, в правопорядке, в отсутствии власти. Как взаимосвязано решение всех этих вопросов с итогами референдума, есть ли у нас альтернатива, если есть, то какая. Вот это мне, мне кажется, у нас не прояснено. Серьезная предвыборная кампания, по-моему, должна вестись людьми разумными и профессиональными, должно работать сознание юридическое, экономическое, философское. Люди должны четко представлять, за что они голосуют.

Что касается меня, то я, наверное, буду голосовать за Ельцина, потому что выбираешь всегда из того, что лучше и что хуже, и я думаю, что этот выбор все же лучше. Но что происходит сегодня в стране всерьез, как все будет происходить на самом деле, я, к сожалению, ни в чем не уверена до конца.

Владимир СОЛОУХИН

Я еще не знаю, пойду ли я голосовать на референдум. Когда были выборы первого президента России, я голосовал за Ельцина. Но сегодня мое отношение к нему неоднозначно. Многое в его политике меня смущает. Самое главное, как бы мы ни крутили сейчас вокруг да около, но именно на Ельцина ложится вина за развал государства. Я все время читал, чтобы рухнула коммунистическая, советская система, но я никогда не думал, что она должна рухнуть вместе с государством. Разве мы могли себе представить, что когда-нибудь сможем жить без Украины, без Белоруссии, без Крыма, без Самарканда. Если бы Ельцин во время своей первой предвыборной кампании заявил избирателям, что он развалит Советский Союз, наше государство, неважно, как оно называлось, никто бы не проголосовал за него на этих выборах. Что он наделал! Развалить Союз разделил. Крым отдали Украине! И как теперь вернуть все обратно? Теперь воссоединиться невозможно, если только большой кровью.

Еще меня смущает ведущая сегодня оголтелая критика съезда. Какими только эпитетами не награждают депутатов — и чудища они, и морды. И сам был доверенным лицом отца Алексея, и не считаю, что у него морда. Оскорбляя депутатов, мы оскорбляем тысячи избирателей, людей, которые за них голосовали.

Никита МИХАЛКОВ

Я никогда не был ни в какой партии. И как бы ко мне ни относились мои оппоненты, даже при огромном желании они не могут упрекнуть меня в том, что я прислуживал той или иной политической доктрине, генеральному курсу партии или конкретному руководителю. Все, что я говорю и делаю, выражает только мою личную точку зрения.

Я режиссер. И привык в какой-то степени мыслить образами. Когда говорят о референдуме, когда нам постоянно твердят, если у власти будут эти демократы, то к ней обязательно придут только коммунисты (хотя абсолютно очевидно, что коммунисты к власти не придут никогда), я почему-то представляю себе такую картину. Вы входите в темный подъезд, а там здоровенный верзила подходит к вам и говорит: что стоишь? Ну-ка скидывай пиджак, штаны снимай, рубаху, сапоги. А теперь иди голосовать, а то коммунисты придут, знаешь, что с тобой будет. И очумалый голый человек, босой и в одних трусах, боясь прихода коммунистов, которые с него еще и трусы снимут, идет голосовать за этого парня.

Что вызывает у меня тревогу? Отсутствие достоинства у нашей творческой интеллигенции. Я не представляю себе Толстого, Достоевского, Гончарова, которые, взявшись за руки, кричали бы: «Чтоб не пропасть поодиночке», как восклицали наши деятели искусств, шаманствуя на манифестации в Доме актера. В одном английском словаре есть объяснение слов «интеллигент» и отдельно — «русский интеллигент». Я не помню, как толкуется там первое понятие, но хорошо помню объяснение второго: русский интеллигент — это человек, который по любому поводу имеет собственное независимое мнение. И это действительно так. Российская интеллигенция всегда была индивидуальна, она отвечала за свои слова и поступки и никогда не пряталась за чужие спины. Коллективная безответственность — это абсолютное продолжение большевизма сегодня.

Я был поражен, когда услышал, как на встрече с Борисом Ельциным большой музыкант, художник порекомендовал ему разбираться со своими оппонентами канделябрами. На что Президент ничтоже сумняшеся поблагодарил за предложение и пообещал исправиться, быть более жестким. Заметьте, речь шла не о коррупционерах, не о бандитах, не о ворах, а об инакомыслящих, именно с ними предлагалось расправляться силой. Уверен, когда начнутся репрессии по отношению ко всем несогласным, автор предложения о канделябрах, как у нас водится, конечно же, подпишет коллективное письмо с просьбой помиловать кого-нибудь из своих коллег. И власть предержащий логично ему ответит: в чем дело? Я вас собрал. Вы об этом попросили, я исполнил вашу, дорогая интеллигенция, волю.

И вот это самое страшное: непонимание ситуации, всех последствий, которыми она чревата, и безответственность за свои слова. Только достоинство и ответственность и тех, кто живет в стране, и тех, кто ею руководит, суть единственная гарантия того, что мы будем жить в безопасности. Коллективная безответственность никогда не приводила к добру, особенно в России.

Вера ВАСИЛЬЕВА

Я очень переживаю за то, чтобы все избиратели пришли на референдум. Поскольку в этот день действительно решается судьба России. Сейчас мы находимся на переломном моменте, и мне хочется, чтобы все люди поняли это, так как за нашими нынешними сиюминутными невзгодами и бедами мы можем просмотреть перспективу.

Борис Ельцин вызывает у меня абсолютное доверие. Я верю, что только с ним, если, конечно, мы все будем всячески помогать ему, мы сможем выйти из того тяжелого, кризисного положения, в котором оказалась наша страна.

Михаил ЖВАНЕЦКИЙ

Референдум — это защита самого себя. Поддерживая Президента, мы защищаем самих себя. Я защищаюсь сам и прошу всех также подумать о себе. Если каждый в себе уже уверен, пусть он подумает обо мне, а я подумаю о других. У меня полное убеждение, что нам нужно голосовать: да, да, нет, да.

Я пока еще не видел у власти более мужественного человека, чем Борис Николаевич Ельцин, вместе со всеми его ошибками, его промахами. Но сейчас совершенно не в этом дело. Если мы будем записываться на прием к Руслану Имрановичу, куда мы с ним тогда попадем, я просто не знаю.

Интервью взяла
Л. КОНОНОВА.

Целая когорта актеров и музыкантов собралась 21 апреля вечером на Васильевском спуске, чтобы заявить о своей поддержке Президента России в его борьбе за реформы.

«Идти надо дорогой свободы, — сказал выступивший перед собравшимися Михаил Ульянов. — Свободу и право, цивилизацию и талант народа — на службу Отечеству»,— призвал собравшихся народный артист. Юрий Любимов поблагодарил всех пришедших за то, что они выразили свою поддержку Президенту. А популярный певец Крис Кельми исполнил вместе с Ольгой Кормухиной свою песню «Россия воскресает», написанную на стихи Андрея Вознесенского.

● *На Васильевском спуске. Поэт Ольга Кормухина.*

Фото В. Машатина и Н. Горбикова.

ПРОБЛЕМЫ И СУЖДЕНИЯ

Алексей Кива, политолог

Растерянные поколения

Голосовать за Бориса Ельцина! Отказать в доверии народным депутатам! Одобрять или не одобрять нынешнюю социально-экономическую политику! Вот вопросы, которыми живут сейчас люди.

Вряд ли все, но политически активные — это уж точно. Вопросы непростые. Как на них ответить? Если бы можно было «...с одной стороны.., но с другой стороны...» Здесь же надо: «да» или «нет».

Многие из нас растерялись: как быть? А главное, как оценить нынешнюю ситуацию в стране, политику реформ? Сторонники Ельцина говорят: реформы идут неимоверно тяжело, но идут в правильном направлении, и уже, кажется, виден свет в конце туннеля. Его противники — те, кто составляет большинство на съезде и в парламенте, утверждают прямо противоположное: реформы ошибочны, они провалились. Надо все начинать сначала.

РАСТЕРЯННОСТЬ в обществе достигла катастрофических масштабов. Растерялись политики, ученые, политологи, журналисты. Растерялись целые поколения людей. Вот и драматург Виктор Розов в прошлом номере газеты «Культура» честно заявляет: «Я не скажу ничего нового, если отвечу, что мы растерялись. Смена системы ценностей гораздо серьезнее смены экономических формаций. Наши нравственные принципы оказались вдруг устаревшими и никому не нужными...». И далее: «Я ничего не понимаю в этом времени и не хочу в нем участвовать. Воспевать гобсеков и скупых рыцарей — по-моему, непристойное занятие».

Что ж, это — позиция, и она достойна уважения. Но и у меня на этот счет есть позиция, и суть ее в следующем. Советская интеллигенция — по принуждению, убеждению или в силу заблуждения и конформизма — играла нередко крайне реакционную роль, насаждая в народе ложные ценности, выдвигая ложные задачи, цели, нравственные ориентиры. Когда герой одной из пьес Виктора Сергеевича крушил отцовской шашкой мебель, я, сидя в театре, аплодировал вместе с залом крушению символов махрового мещанства.

Так и мы десятилетиями крушили бескрылые идеалы мещанства, накопительства, вещизма, воспевали бедность, бессребреничество, прославляли в красивых упаковках лень, пассивность. Создали про запас целую философию бедности, лености, иждивенчества. И все говорили о высоких идеалах, возвышенных целях, глобально-эпохальных задачах нашей мировой миссии. А мир тем временем упорно созидал. И вот как-то неожиданно для всех или почти для всех стало ясно: король-то голый. Как мыльный пузырь, лопнула социальная утопия. А мы сидим, простите, по уши в дерьме. Убогость. Грязь. Даже прокормить себя не можем. Стыд. Позор.

Развенчав под флагом высокой духовности и социальной справедливости частную собственность, жажду накопительства и прочие «социальные язвы», мы такое страшное преступление совершили перед собственным народом, что, по-моему, до сих пор этого не осознаем.

Дискредитация института частной собственности — это именно то звено, которое потянуло за собой один тяжкий вид общественного недуга за другим. «Обессобственнивание» в конечном итоге привело к бездуховности, деградации личности. Произошло как в поговорке: пошли за шерстью, да сами оказались стриженными.

Но одно дело — растерянность художника, другое дело — растерянность политика или политолога. Представителям этих профессий надобно было бы знать, что когда на глазах у людей обвально происходит крах общественной системы, при которой выросло три поколения, и распад государства, существовавшего в веках, то обществу не избежать глубочайшего кризиса. По-иному просто не бывает. Точно так же, как взрыв прежней системы ценностей неизбежно приводит к взрыву аморальности, что мы сейчас и наблюдаем. Но зачем же при этом «большим дядям», вроде бы вполне взрослым и вполне разумным, заламывать руки и закатывать истерики, как это делает на страницах того же номера «Культуры» Анатолий Бутенко?!

И вообще негоже Анатолию Петровичу так поверхностно, так, простите, непрофессионально судить о нынешнем переходном этапе нашего развития, сплошь и рядом смешивая божий дар с яичницей. Как можно не понимать принципиальных различий между Китаем и Россией? Как можно не понимать того, что начатые Ельциным — Гайдаром реформы в лучшем случае могут дать очевидные результаты лишь через 3—5 лет после их начала?! Ведь речь идет о полной замене обанкротившегося строя. Типичный образец выплескивания на страницы газеты недовольства, злости, злобы и, простите, собственной растерянности вместо того, чтобы попытаться вникнуть в суть происходящего, выявить закономерности, увидеть сильные стороны и изъяны реформ.

О чем идет речь?

Во-первых, истории пока известны две модели перехода от централизованной экономики к рыночной. Это авторитарная, условно говоря, государственно-капиталистическая модель. И вторая модель, и тоже условно, либеральная в рамках демократических структур. Первая модель характерна практически для всех новых индустриальных стран, Чили и некоторых других. Вторая — это модель постсоциалистических стран Европы. Пока это и наша модель. Каждой модели присущи свои закономерности, свои правила игры.

Во-вторых, никто модель не выбирает сам. Модель, если можно так сказать, сама себя навязывает обществу. Ясно, что в Китае демократическая модель не проходила ни по каким параметрам. Даже если бы не было событий на площади Тяньаньмэнь. Точно так же, как китайская модель ни при каких условиях не могла бы пройти в России, тем более после августа 91-го. И прежде всего потому, что дискредитировали себя партия (КПСС), ее идеология, появились новые силы, новые идеи. Если бы Ельцин захотел тогда установить авторитарный режим ради более плавного, менее болезненного перехода к рынку, скажем, по китайской модели, то он бы остался один, как перст, и вся затея провалилась бы.

В тех конкретных российских условиях состоялась та модель, которая только и могла состояться, — то есть нынешняя модель, как и в Польше, Венгрии, Болгарии, Чехии, Словакии. Разница только в уровне обнищания на исходном рубеже и в соотношении политических сил. Безусловно, в худшую сторону сказываются и наше тяжелое историческое прошлое, и то, что мы были империей или квазиимперией, империей в мире страной побежденного социализма», родной большевизма. Страной, в которой нередко больше в

(Окончание на 4-й стр.).

ЭКСПРЕСС-НЕДЕЛЯ

МИНИСТРЫ КУЛЬТУРЫ СТРАН СНГ И БЫВШЕГО СССР собрались в Санкт-Петербурге, чтобы обсудить широкий круг вопросов.

НА ГРАНИ ДУХОВНОЙ И ФИЗИЧЕСКОЙ ДЕГРАДАЦИИ находятся малочисленные народы Крайнего Севера России после того, как рухнули все системы их поддержки. К такому выводу пришел Р. Абдулатипов после поездки по Чукотке.

СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТОЙ АКТЕРОВ КИНО будет заниматься новый благотворительный фонд. Сопредседателями его попечительского совета стали А. Баталов и Л. Филатов.

ЗАМЕСТИТЕЛЕМ МИНИСТРА культуры России назначен доктор искусствоведения Михаил Швыдкой.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ ЖЕНСКОГО КИНО, второй по счету, открылся в Минске.

ДНИ ВЛАДИМИРА НАБОКОВА начались в его родном городе Санкт-Петербурге.

ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСА МОЛОДЫХ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ названы на завершившемся в Сочи празднике популярной музыки.

Дорогие читатели!

Напоминаем вам, что продолжается подписка на нашу газету на второе полугодие. Стоимость подписки вы найдете в каталоге в своем почтовом отделении. Почти половину этой стоимости составляют почтовые расходы. Так, москвичи при подписке на почте должны заплатить за 6 месяцев — 578 руб.

Для тех же москвичей, которые пожелают подписаться в редакции, подписная цена будет другой — за 6 месяцев — 312 руб. Газету они будут получать в редакции.

Подписка принимается ежедневно, кроме субботы и воскресенья, в редакции с 10 до 18 часов.

С 10 по 23 мая в Москве будет проходить фестиваль балета и музыки в честь Владимира Васильева, одним из организаторов которого стала газета «Культура».

Это наш фестиваль! Потому что его проводит творческое объединение «Дом Вивальди», которое вместе с Российским государственным камерным «Вивальди-оркестром», Государственной коллекцией уникальных музыкальных инструментов, Международной ассоциацией содействия культуре (МАСК), Государственным музеем изобразительных искусств имени А. С. Пушкина и Итальянским институтом культуры в Москве «строила» и наша газета. «Дом Вивальди» — дом музыки, дом искусства — наш дом. А значит, и ваш, наши уважаемые читатели. Добро пожаловать!

Виват, Вивальди! Виват, Васильев!

Пять балетов Владимира Васильева с участием его самого и Екатерины Максимовой, артистов труппы Андрея Петрова и Театра имени Станиславского и Немировича-Данченко, выступления «Вивальди-оркестра» и Оркестра русских народных инструментов имени Осипова, Ансамбля Игоря Моисеева и «березки», Камерного хора под управлением Владимира Минина, солистов хора имени Пятницкого и хора имени Свешникова, пианистов из Австрии и Италии, квинтета из США и Квартета имени Бородина, ...но всего, как всегда, не перечислить, на самом деле программа куда обширнее.

Торжественное открытие фестиваля состоится в Центральном концертном зале «Россия», а закрытие — в Большом зале консерватории. Развернется же он в Государственном Кремлевском Дворце (балет, то есть спектакли) и в Музее имени Пушкина (музыка, то есть концерты, а также выставка экспонатов из Госколлекции уникальных музыкальных инструментов). Деньги на этот праздник искусства дали объединение «Гжель», совместное предприятие «Метрополь» и совместное предприятие «Москва — Макдональдс». А генеральным спонсором стал «Мосбизнесбанк».

«Дом Вивальди» предполагает проводить свой фестиваль ежегодно, всякий раз посвящая его творчеству какого-либо выдающегося художника.

Председатель правления «Дома» Владимир Мочанов напомнил, что 45 лет назад гениальный танцовщик впервые вышел на сцену и 35 лет назад начал свою творческую деятельность, а также пообещал сделать трехчасовую фестивальную телепередачу и снять все балеты Васильева.

Н. ШАДРИНА.

Ф. СП-1

Министерство связи

АБОНЕМЕНТ на газету КУЛЬТУРА — 50126 (индекс издания)

Количество комплектов — 1

на 1993 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда (почтовый индекс) (адрес)

Кому (фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

пв | место | экз. | на газету 50126 (индекс издания)

КУЛЬТУРА

Стоимость: подписная — руб. — коп.; переадресовки — руб. — коп. Количество комплектов — 1

на 1993 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда (почтовый индекс) (адрес)

Кому (фамилия, инициалы)

Еженедельная газета «Культура». Номер подписан в печать в 14.00. По графику — в 14.00.

С ДАЛЬНЕГО БЕРЕГА

Лев Наврозов

ЗОЛОТЫЕ ПЕРЬЯ ЗАПАДА

Газета «Московские новости» воспела приехавшего лет двадцать тому назад из России в Нью-Йорк Владимира Козловского, как «золотое перо Нью-Йорка», а приехавшего примерно в то же время из России в Нью-Йорк Петра Вайля московская газета преподнесла как литературную знаменитость «дальнего зарубежья». В действительности, Козловский и Вайль подвизаются лишь в русскоязычной прессе этого «дальнего зарубежья». Какое же отношение имеет она к западной культуре? Не большее, чем русскоязычная пресса Рыбинска или Житомира. На Западе русскоязычные издают свои газеты, журналы и книги. Как венгры, арабы и армяне — свои. Населению западных стран, говорящему на западных языках, эти газеты, журналы и книги могут быть так же неизвестны (или неинтересны), как газеты, журналы и книги, издающиеся в СНГ, Венгрии или Сирии.

Многие русскоязычные «мастера пера» проживают в США, а не в СНГ потому, что ничтожные по западным понятиям гонорары, которые платит русскоязычная пресса в США, она платит все же в долларах, и эти ничтожные гонорары (50 или 100 долларов за газетную статью) оказываются внушительной суммой по сравнению с российскими гонорарами (5 или 10 долларов за статью). Поэтому эти «мастера пера» зарабатывают свои ничтожные гонорары в русскоязычной прессе Запада, а тратят их с шиком в России, пуская местному населению пыль в глаза как западные литературные знаменитости — «золотые перья» Запада.

Я не хочу сказать, что талант среди пишущих на русском языке на Западе никогда не встречается. Например, в открыв среди них блестящую эссеистку и подающую большие надежды писательницу Ирину Муравьеву, которая проживает в США. Фридрих Горенштейн, проживающий в Германии, писатель неровный, но его лучшее — литература по мировому счету. Однако русскоязычных, приехавших в США в последние тридцать лет,— менее полумиллиона. А русских, проживающих в СНГ,— свыше 150 миллионов, не считая русскоязычных, которые числятся евреями, поляками или итальянцами. Значит, вероятность найти талант среди русских в США по крайней мере в 300 раз ниже, чем среди русских в СНГ.

Однако «Московские новости» напечатали (28 марта с. г., с. 58) поразительно бесцветную статью вышеупомянутого Петра Вайля только потому, что тот подвизается в русскоязычной газете, расположенной в «далеком зарубежье», а не в Рыбинске или Житомире. Словно русскоязычная газета в Нью-Йорке, Париже или Тель-Авиве — это часть западной культуры в противоположность русскоязычной газете на территории СНГ. В действительности, большинство русскоязычных в Нью-Йорке живут в русскоязычном районе, где можно прожить всю жизнь, не услышав ни одного нерусского слова и не съев за всю жизнь ничего, кроме импортированных из России бычков в томатном соусе или баклажанной икры под русскую же водку. Пишущего в русскоязычной газете можно назвать «золотым пером» этого района (с чем его жители могут отнюдь не согласиться), но весь Нью-Йорк в целом или все «дальнее зарубежье» тут совершенно ни при чем.

Я нисколько не порицаю тех русскоязычных, которые, проживая на Западе, не желают знать никакого языка, кроме русского, и никакой культуры, кроме русской, проводя время в Славянском отделе Нью-Йоркской публичной библиотеки. Наоборот, я ценю их чистую русскость. Но почему они должны считаться причастными к западной культуре и потому заведомо более талантливыми, чем русскоязычные, проживающие в СНГ?

Кроме себя самого, мне неизвестен ни один человек, приехавший из России на Запад в XX веке, который бы жил на гонорары, получаемые за свое постоянное сотрудничество в западной периодике, издающейся на западных языках, а не на жалованье, получаемое за преподавание русского языка или русской литературы, статьи на русском языке для русскоязычной печати или службу в организациях вроде радиостанции «Свобода», которая представляла собой гигантскую бюрократическую кормушку для русскоязычных «золотых перьев», но которая ныне закрывается.

Когда писатели преследовались в России, преследование создавало сенсацию, и писатель, выехавший из России на гребне этой сенсации, мог сделать себе состояние на продаже своих книг, запрещенных в России и бросавших вызов угрожавшей Западу сверхдержаве. Ныне западный издатель будет искать русскую книгу для перевода на западный язык скорее в СНГ, чем среди русскоязычных, проживающих на Западе.

Прошли времена, когда русскоязычный на Западе был политическим эмигрантом. Ныне русскоязычный «мастер пера» проживает на Западе обычно потому, что писать для русскоязычной прессы на Запада все же выгоднее, чем для таковой в России. Но это не прибавляет ему таланта, если таковой у него вообще имеется.

ЭХО ЧЕРНОБЫЛЯ

Ветер беды

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ ИЗ БЕЛАРУСИ

Седьмой год гуляет по земле ветер Чернобыля. И не несет с собой добрых перемен. Наоборот. В десятки и сотни раз увеличив зону всеобщего бедствия, поначалу — то ли по незнанию, то ли по лукавству — ограниченную 10 и 30 километрами. В отличие от «шагреневого» лоскута чернобыльский со временем разрастается. А может, точнее — увеличиваются наши представления о масштабах его беды. Сейчас им охвачены десятки областей прилегающих славянских государств — Беларуси, России, Украины. Миллионы людей.

◇

Вначале народ бодрился.

— Пережили войну, переживем и Чернобыль,— оптимистично-снисходительно говорили белорусы.

Сегодня, когда заходит разговор о жизни, интонации другие. От тех, кто живет в зоне, слышишь иронично-обреченное:

— Привыкли.

Понятно, нельзя жить с постоянно обостренным ощущением опасности. Ощущение притупляется, если опасность не отступает. Спасает мягкая самоирония народа. Она неистребима. Если бы то же можно было сказать о здоровье...

◇

— У моей бабушки было много детей. Выжили шестеро. У моей матери было четверо. У каждой из нас, сестер, по двое. Ни больше ни меньше.

— У моей старшей дочери после Чернобыля родились двое. Ни один не выжил. Она сначала — все, хватит. Не надо больше мне никаких детей. У младшей один родился полугодный, а второй — негодный.

— Вот и прикиньте, куда мы идем, белорусская нация,— горько рассуждала в автобусе попутчица, направлялась из Гомеля к себе домой, в чернобыльскую зону, в колхоз имени Карла Маркса.

◇

Седьмой год в зоне появляются на свет дети, еще до материнского молока причастившиеся к чернобыльской беде. За что им такая участь? Только ли по неразумению взрослых чернобыльская зона стала им родной?

◇

В выселенной деревне Соболи вновь открыли школу — начальную. На занятия из окрестных деревень свозят на автобусе 10 учеников. Наталья Федоровна Осипенко, сельская учительница с тридцатилетним стажем, учит ребят русскому и белорусскому языкам, чтению, математике, рисованию, пению, труду. Всю жизнь она проработала здесь. Выезжала после аварии и снова вернулась. До Чернобыля Соболи были большим, в несколько сот дворов, зажиточным селом с двухэтажной средней школой. Была здесь передовой колхоз «Путь к коммунизму». Едва ли не полдеревни Соболи населяли Соболевки.

Сейчас вернулись несколько десятков семей, в основном старики, как их теперь называют, «самоселы». Открыли в полупустой деревне для них один магазин. Почта не работает, клуб закрыт — не набирается публики, да и нет поводов для веселья. Возобновила работу школа, размещавшаяся в обычном жилом доме, в котором для ее учеников есть и класс (один на всех), и столовая, и комната отдыха с игрушками, и спортзал. Все для детей, вот только длительное пребывание на воздухе, под солнцем, здесь для них небезопасно.

Одно окно, как аквариум, вместило всех учеников школы. Они были чуть больше своих кукол. Их лица сияли чистой радостью...

Что они знают — дети зоны — о своем будущем?

◇

Переселение для пострадавших мест было задумано как спасение, хотя и запоздалое. И все же значительная часть людей продолжает жить в зоне. В одном узле здесь переплелись проблемы отселения, проживания, возвращения, выживания.

В Брагинском районе, соседнем с Чернобылем, где не осталось ни одной чистой деревни, до сих пор проживают около 23 тысяч человек. Примерно половина — пенсионеры. В самом Брагине из 2.200 семей половина выехала в чистые области Беларуси. Остались старики. Их держит в основном родные погосты.

Улицы полупусты. В разбитых окнах школы гуляет ветер. В районном Доме культуры старые афиши напоминают — крутили американское кино, а директор ДК затрудняется назвать мероприятия на воскресенье — не ходят люди.

Зато в трехстах метрах от ДК маленькая церквушка, построенная после аварии на пожертвования прихожан, а это же воскресенье полна народу. Проповедь молодого осиянного священника доступна и привлекательна. Житие святых и Евангелие органично переплетаются у него с мирскими проблемами его прихожан и сложными вопросами сегодняшнего мира.

Здесь люди находят недостающие покой, внимание, умиротворение и надежду.

◇

На календаре время весны. Земля освобождается от снега. Распустилась верба. Побежали ручьи.

Вот только птиц не слышно, и пустуют в зоне скворечники. Раньше даже зимой здесь летали «тучи воронья». Сейчас и они «куда-то подевались».

По обочинам дороги, на пригреве первая зелень озимых соседствует с полями чертополоха. «Грязные» поля остаются нетронутыми седьмой год. Пустует земля, пустуют деревни, обнесенные «колючкой». Некоторые, как в войну, сровнены с землей — «захоронены». На их месте многократно встают монументальные бетонные кресты, отмечающие гибелью, не пригодное для жизни место.

Сегодня специалисты утверждают, что для оздоровления пораженной земли, для восстановления ее плодородного слоя понадобятся десятилетия.

Сколько же нужно времени, чтобы на этой земле вновь зазвучали песни?

◇

Вопросы, вопросы, вопросы. Зона изобилует ими. Как прошлогодние листья, носит их ветер Чернобыля над Беларусью, Россией, Украиной. И, кажется, сообща было бы легче решать их сегодня. Пока же остались одни куклы в пустых домах. Пока не накрыл всех саркофаг равнодушия.

Вспоминается горестный вопрос немолодой белорусской крестьянки, направлявшейся из Гомеля домой, в чернобыльскую зону, в колхоз имени Карла Маркса:

— Куда же мы идем?..

В материнской боли за свой род, в четырех поколениях которого нашла свое выражение судьба народа, была печаль за весь свой народ. Да только ли за свой?

Владимир САЧЕК.

Фото автора.

ПО ПОВОДУ...

С УЛЫБКОЙ, НО ИСТИНУ

Отношения художника с властью по традиции двойственны. На сущностном уровне чаще всего — противостояние. На бытовом — светская любезность, как-то незаметно соскальзывающая в искательство, в лукавое искушение простодушно выхлопотать себе как можно больше льгот и поблажек.

Эти соображения невольно приходят на ум после недавней встречи Президента с авторитетнейшими представителями российской художественной элиты.

То, что тон выступающих был чрезвычайно лестен для главы государства, удивления не вызывает, если осознать, в какой исторический момент состоялась данная встреча. Если вспомнить о том, какому остракизму, какому поношению и оскорблениям подвергался Б. Ельцин на недавнем съезде народных депутатов. Понятно желание как бы искупить это беспардонное хамство «народных избранников», несовместимое ни с какой логикой парламентской борьбы, безотчетно согреть в который уж раз «держащего удар» Президента теплом своих искренних человеческих симпатий. В первую очередь человеческих, а потом уже политических, творческих и, так сказать, концептуальных.

И все же... До чего же жива в наших нравах практика несколько эйфорического общения с «высочайшими лицами», с «отцами» и «учителями», с «нашими дорогими», с «лично товарищами»! Приходит на память ироническое наблюдение известного режиссера о том, что актеры — женская часть человечества. Неужели оно относится и к прочим деятелям искусства? Слишком уж заметен спонтанный искус непременно попасться на государственные глаза, запомниться, приглянуться быть отмеченным.

Тут и великий бас, бухнувшийся на колени перед государем-императором, приходит на память. И беспартийный литератор, ловко ввернувший на кремлевском банкете свою льстиво-чеканную формулу о партии, которая якобы все на свете «права дала писателю, кроме права писать плохо». И журналист, ставивший на свой редакторский стол собственное фотоизображение, освященное присутствием самого Леонида Ильича... Нет человеческих слабостей, которых бы не был чужд художник. Но славен он все же не ими, а способностью силой воображения и таланта проникать в суть вещей, недоступных порой самому острому аналитическому уму.

Вот в каком смысле плодотворны контакты облеченных властью государственных мужей с ясновидцами гармонии, поэтами, артистами и музыкантами. И если глава государства приглашает властителей дум для обмена мнениями, для совета, для дружеского без чинов разговора, право же, не стоит разыгрывать версальские церемонии и упражняться в искусстве лукавого царедворства.

Светские комплименты — хороши и уместны, но вряд ли могут фигурировать в качестве серьезной политической и общественной аргументации. Точно так же, как и статьи, написанные в манере давней сахарной задушевности. В классической заповеди «в истину царям с улыбкой говорить» понятие «истина» давно непременных условностей и хороших манер.

В конце концов в нынешних наших условиях поддержка Президента — это проявление нормального инстинкта самосохранения со стороны культуры, желающей свободно себя осуществлять. А не случай наладить для себя выгодные связи.

А. М.

Подаст ли министр в отставку?

Пришли времена, когда кончились гонения на церковь. И вот тут-то в полный голос зазвучало требование — вернуть верующим храмы! Требование по сути своей справедливое: богу богово. Однако в «концертные залы, картинные галереи, которые там сейчас находятся, ходят не только люди нерелигиозные, деньги на реставрацию тратили все налогоплательщики. Так справедливо ли лишать их жизненно необходимого? Люди церкви считают — справедливо. И действуют решительно, напористо.

Последовательно разрушается музыкальный комплекс в Полоцком заповеднике. После передачи церкви Спасо-Евфросиньевского монастыря был отвоеван Богоявленский собор, а картинная галерея из него была выкинута буквально на улицу. Претендуют верующие и на Софийский собор, где размещены музей и органный зал...

А вот совсем недавно, вскоре после празднования католической пасхи, которое проходило по договоренности с Минкультурой, в том числе и в концертном зале костела Святого Роха, что на Золотой горке в Минске, верующие захватили храм, прервав концерты международного фестиваля «Минская весна».

Споры между прихожанами и Министерством культуры из-за зала на Золотой горке возникли не сегодня. Пикетчики требуют вернуть костел в полное распоряжение общины, а артистов, музыкантов, зрителей — вон из зала!

А ведь филармония давала возможность регулярно проводить в костеле службы, более того, готова в воскресные дни полностью предоставить костел верующим. Лояльная позиция! Каждый непредвзятый человек согласится — лояльная. И в понимаю министра культуры Республики Беларусь Евгения Войтовича, который собирается обратиться в суд, потому что нарушается сразу несколько законов Республики Беларусь — о культуре, об охране историко-культурного наследия, об имуществе, о религиозных организациях и свободе вероисповедания. Более того, в случае, если власти без согласия Минкультуры уступят верующим, министр пообещал подать в отставку.

Будем надеяться, что до этого не дойдет.

Т. АБАКУМОВСКАЯ.

(Наш соб. корр.).

МИНСК.

МНЕНИЕ

Нужен закон об архитектуре

Жили мы до сих пор без подобного закона и как-нибудь обходились. Строились города и села, общественные здания и сооружения, промышленные и иные предприятия. Некоторые здания, комплексы, ансамбли были признаны выдающимися, их авторы отмечались высокими премиями и званиями. Так-то оно так, да не совсем...

Реформы, естественно, серьезно коснулись и нашей деятельности. Архитектор пытается порвать путы. Удалось ли добиться творческой свободы? Нет. До сих пор архитектура находится «под железной пятой» строительного комплекса, его руководителей и производственников.

Архитектура не может нормально развиваться в таких условиях. В цивилизованном мире отношения общества и архитектора регулируются специальными законами. Они нужны не только для зодчих, но для всех нас, если мы заинтересованы в формировании жизненной среды человека в гармонии с природой, экономикой, законами красоты. Россия не имеет такого закона. От этого мы много теряем, и потери особенно скажутся завтра и в отдаленном будущем. Поэтому Союз архитекторов России совместно с Комитетом Верховного Совета, ведающим архитектурой и строительством, а также Госкомитетом по этим вопросам разрабатывает серию соответствующих документов.

Верховным Советом уже принят в минувшем году Закон «Об основах градостроительства в Российской Федерации». Его продолжением и должен стать законодательный акт, защищающий конституционные права граждан на полноценную среду жизни и деятельности, дающий гарантии на профессиональную творческую работу архитектора, в которую не могут вмешиваться государственные и местные органы власти.

Беспокоит нас и вопрос об авторском праве архитектора, ибо в законе об авторском праве, который составляли без консультации с нашим союзом, не учтен ряд профессиональных особенностей.

Союз архитекторов России совместно с Госкомитетом по вопросам архитектуры и строительства четвертый год ведет лицензирование наиболее опытных мастеров, что дает им право самостоятельной творческой работы и право руководить персональными творческими мастерскими. Это должно защитить общество от непрофессионалов. В результате возникает здоровая конкуренция крупным проектным институтам, прежде созданным при министерствах, ведомствах и административных органах на местах.

Но не успела укрепиться наша система лицензирования, как в виде надстройки над ней возникла иная — уже государственная система лицензирования строительных и проектных организаций. Она введена в 1992 году при участии того же Госкомитета и заключается в том, что лицензирование должны пройти все организации — от крупного проектного института, действующего десятилетия и имеющего солидную материальную базу, до недавно созданной мастерской, не имеющей ни кола, ни двора. Причем лицензирование архитекторов поручено неспециалистам в этой области. Так ростки нового могут погибнуть, ведь в налоговом отношении мастерские поставлены на одну доску с институтами - монополистами. Обещанные же правительством льготы для творческих союзов так и не реализованы.

Профессия архитектора — одна из древнейших и вечных. Покуда жив человек и живо человеческое общество, будут нужны и архитекторы. Но их деятельность должна быть введена в строгие рамки закона и охраняться им.

Ю. СДОБНОВ,
заместитель председателя правления Союза архитекторов России, заслуженный архитектор Российской Федерации;

А. ЖУРАВЛЕВ,
член президиума правления Союза архитекторов России, кандидат архитектуры.

УВАРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

В городе Муроме Владимирской области прошли вторые Уваровские чтения, названные так в честь и в память графа Алексея Сергеевича Уварова, выдающегося русского археолога, одного из основателей Русского и Московского археологических обществ, Исторического музея в Москве и российских археологических съездов. Участники съехались из многих городов страны.

(Соб. инф.).

АУКЦИОНЫ

СКОЛЬКО СТОИТ КЛАССИКА

Закончился зимний сезон антиквариа - художественных аукционов. Многие фирмы, не имея возможности собрать приличные коллекции для торгов, впали в длительную спячку, другие вынуждены были делать большие перерывы между аукционами, что не способствовало успеху их торгов.

Самым деятельным и успешным на этом безрадостном фоне был аукционный дом «Альфа-Арт», который ежемесячно выставлял на торги новую коллекцию классического русского искусства XVIII—XX вв.

На последних аукционах (февраль — март) самой дорогой картиной стала «Гавань» И. Айвазовского. Ослепительно золотое море на закате, золотое небо, лодки, мачты... «Золотой» Айвазовский продан за 16.000 долларов! Эта сумма уже приблизилась к стоимости картин Айвазовского на международном рынке: по каталогу «Кристи» он стоит до 25 тысяч фунтов.

На аукционах «Альфа-Арт» чаще всего мелькали имена художников московской пейзажной школы рубежа XIX—XX веков, так или иначе связанных со знаменитым Училищем живописи, ваяния и зодчества. Это были ее ученики или преподаватели. Приведу список лотов с ценами, зафиксированными в долларах из-за инфляции:

Михаил Нестеров «Троица», акварель—2.600; Иван Шишкин «Задворье», офорт на шелке—2.200; Николай Крымов «Купальщицы», холст, масло — 6,500; Василий Поленов «Облачный день», холст, масло — 3,600; Исаак Левитан «Лес», холст, масло — 2.400; Павел Корин «Вазуза». Сорренто», холст, масло — 900; Владимир Маковский «В шинке», холст, масло — 1.400; Константин Коровин «Натюрморт. Розы», холст, масло — 10.000.

Колебание цен на аукционах «Альфа-Арт» было очень прихотливым. Не берусь объяснить, почему за сангину (набросок трех женских фигур) Зинаиды Серебряковой было уплачено 3.000 долларов, тогда как не вызвали никакого интереса рисунки Чижикова и резцовые гравюры XVIII в. отменного художественного качества? Их стоимость была 70—80 долларов.

Трудно разгадать еще одну загадку: почему красивая по живописи жанровая картина Василия Катарбинского «Музыкальный час» пошла почти без борьбы за 2.400 долларов? «Жанр» ведь так редок на аукционах.- По стартовым ценам были проданы добротные пейзажи Николая Дубовского, часто появляющиеся теперь на аукционах: «Крымский вид»—1.000 долларов, «Околица» — 2.000 долларов.

Почти нет спроса на серебряную посуду, даже такой знаменитой фирмы, как Фаберже. Однако гарднеровские статуэтки на «крестьянскую тему» были куплены за довольно высокую цену: от 350 до 400 долларов за каждую. В рублях это фантастическая сумма.

К стихии рынка искусства неприложимы правила так называемого здравого смысла. Что здесь важно? Эпоха, имя, техника?.. Все и ничего. Рынок поставил рядом Рубенса и Моне. А наши любимые, старинные мастера XVIII века — Левицкий и Боровиковский на аукционе «Кристи» имеют цену 3.000 фунтов стерлингов, Верещагин—15.000, а А. Экстер— до 500.000. Такова конъюнктура рынка, а она складывается из многих факторов. Один из них: русское искусство плохо знают на Западе. Многие дорогие для нас имена там—пустой звук. Авангард известен хорошо, поэтому в большой цене в Европе и Америке не только А. Экстер, но и В. Кандинский, К. Малевич, Н. Гончарова и М. Ларионов.

Может быть, наши еще не окрепшие аукционные дома, впервые появившиеся в России после длительнейшего перерыва, разовьются до международного уровня и станут устанавливать адекватные цены на русское искусство?

Никогда еще в России не продавали русских художников за миллионы. А сегодня продают.

Н. ДАНИЛЕВИЧ.

МАСТЕР НАЦИОНАЛЬНОГО ТАНЦА

На 72-м году ушел из жизни известный балетмейстер, заслуженный деятель искусств Туркменистана и Кабардино-Балкарии Леонид Маркович Смелянский.

Творчество Леонида Смелянского неразрывно связано с Туркменским ансамблем народного танца, который он возглавил в 1960 году и в котором работал до последних своих дней.

Танцы, созданные Л. Смелянским, вошли в золотой фонд туркменской национальной хореографии. Талантливым постановкам большого мастера аплодировали зрители многих стран Европы, Азии и Америки.

Как балетмейстер и танцовщик Л. Смелянский начал карьеру в 1939 году. Он работал в Московском профсоюзном ансамбле, в Ансамбле войск противовоздушной обороны. Воевал, награжден орденами и медалями, защищал Москву. С фронта был откомандирован в Государственный ансамбль народного танца Союза ССР.

Был главным балетмейстером Московского ансамбля песни и пляски железнодорожников, ансамблей народного танца Кабардино-Балкарии и Адыгеи, Казахского варьете на Мадае, Государственного ансамбля песни и танца Казахстана, создателем детских центров хореографии в Туркменистане. Осуществлял постановки в кино, драматическом театре, цирке и на эстраде.

С уходом из жизни Леонида Марковича Смелянского многонациональное искусство понесло большую утрату.

Т. УСТИНОВА, Н. МОИСЕЕВ, М. ЭСАМБАЕВ, Н. ШАРОЕВ.

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонементе должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штемпеля отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах Союзпечати.

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ — МЕСТО» производится работниками предприятий связи и Союзпечати.

ЗЕМЛЯ ТРЕВОГИ НАШЕЙ

Природа на осадном положении

«Планета Земля гибнет. Едва ли не первыми погибнут те страны, которые еще недавно составляли социалистический союз, и среди них — бывшая социалистическая, а ныне перестроечная Россия».

Читая книгу американских ученых Мерри Фешбаха и Альфреда Френдли-младшего «Экоцид в СССР», понимаешь, что приведенные выше слова не преувеличение, не метафора, а лишь констатация фактов, жестокий прогноз, основанный на выявлении закономерностей в возникновении экологических бедствий, обрушившихся на шестую часть суши.

Профессор демографии Джорджтаунского университета Мерри Фешбах и бывший шеф корреспондентского пункта журнала «Ньюсуик» в Москве Альфред Френдли-младший в течение нескольких лет исследовали экологическую ситуацию в СССР, изучали слухи, часто вызывающие недоверие данные о заштатности, рождаемости, смертности, заболеваемости населения Союза, сопоставляли эти данные с другими цифрами — показателями предельно допустимых концентраций загрязнения поверхностных вод, почвы, воздуха. Вывод, к которому пришли исследователи, категоричен: «Ни одна другая промышленная цивилизация не отравляла столь давно и планомерно свою землю, воздух, воду и народ. Никто, столь громко декларируя свои усилия по совершенствованию здравоохранения и защите природы, не довел до такого жалкого состояния и то, и другое. И ни одно передовое общество не встречало экономический и политический кризис, обладая такими студными ресурсами для восстановления».

Казалось бы, в последние годы на нас обрушилось столько негативной информации о том, в каких жутких, с экологической точки зрения, условиях мы живем, какими грязным воздухом дышим, какую вредную продукцию употребляем в пищу, что ничем ни напугать, ни потрясти, ни заставить нас действовать уже невозможно. И все же вдумаемся в приведенные в книге факты.

Средняя продолжительность жизни в стране снижена до уровня Парагвая. Мы — единственная из промышленно развитых стран, в которых отмечено повышение показателя детской смертности.

Распыляя на поля тонны ДДТ длительное время спустя после того, как это средство было запрещено в других странах, мы добились того, что десять с лишним миллионов гектаров плодородной земли у нас до сих пор насыщены этим ядом.

Три четверти московских заводов и фабрик не имеет средств для контроля загрязнения окружающей среды. В результате почва насыщена цинком, свинцом, молибденом и хромом до такой степени, что играющие в песочнице дети рискуют заболеть.

Почти три четверти открытых водоемов страны загрязнены, одну четверть уже невозможно очистить.

Но весь пафос книги направлен на то, чтобы помочь нам остановить разрушение, спасти то, что еще не изгажено и не убито. Авторы высказывают осторожный оптимизм по поводу того, что в России больше не замалчиваются данные о масштабах экологических катастроф, что в стране появляется все больше граждан, в том числе и среди тех, кто облечен властью, понимающих, насколько тяжелый кризис мы сегодня переживаем. Издание книги «Экоцид в СССР» (в выпуске ее НПО «Биотехнология» и Издательско-информационное агентство «Голос»), безусловно, увеличит число таких понимающих и жаждущих скорейшего выздоровления России.

Л. МИХАЙЛОВА.

СПАСАЯ — СПАСЕМСЯ!

С советником Президента Российской Федерации по вопросам экологии и охраны здоровья Алексеем ЯБЛОКОВЫМ беседует наш корреспондент Л. Кононова.

— Алексей Владимирович, в 1988 году во время поездки по Швеции на вопрос: что бы вы сделали, если бы вам была дана политическая власть в вашей стране? — вы ответили: «Самое главное — это вернуть реальную власть Советам, в том числе и в области природопользования». Теперь вы занимаете высокий государственный пост, а Советы располагают настолько большой властью, что самые актуальные разговоры сегодня о необходимости ее ограничения. Следовательно, все, о чем тогда мечталось, сбылось. Означает ли это, что ситуация с природопользованием кардинально изменилась к лучшему?

— В вашем вопросе я чувствую некий ехидный подтекст: вот, дескать, как вы были недальновидны, уповали на Советы, а прогнозы ваши совершенно не оправдались. Говоря тогда о необходимости реальной власти Советов, я имел в виду необходимость сильной реальной, сосредоточенной в одних руках государственной власти в области природопользования. Олицетворением такой власти для меня в то время были Советы. Дело в том, что в те годы, как и во все предшествующие семьдесят лет, главным врагом природы России и всего Советского Союза была ведомственность. Каждое ведомство, будучи озабоченным выполнением собственных планов, абсолютно игнорировало природоохранные интересы. Если отрасль добывала уголь, то для нее было главным любой ценой увеличить производство угля. То, что из-за несовершенной технологии его разработки наносился ущерб окружающей среде, никого не волновало.

Сегодня ситуация изменилась. Да, у нас еще сохранилось государство в государстве — атомная промышленность, сильным монополистом остается военно-промышленный комплекс, но в целом такой ничем не ограниченной, безусловной властью ведомства уже не обладают.

Однако обозначилась новая беда — местничество. Каждое удельное княжество, преследуя свои сиюминутные, материальные интересы, готово извести находящиеся на его территории лесок, рощу, озерко. Местные Советы зачастую выступают не гарантами сохранения природы, а инициаторами ее уничтожения. Причина такого положения та же — отсутствие сильной государственной власти, способной организовать неистощительное природопользование в интересах всего общества.

— Простите, но можно ли подумать, прежде чем распорядится сбросить в воду грязные отходы, и суммы всех возможных штрафов он посчитает раньше, чем вырубит несколько деревьев в лесу.

Однако вы понимаете, что подобным образом владелец завода (частное лицо, трудовой коллектив) будет себя вести лишь в том случае, если угроза возмещения нанесенного ущерба станет неминуемой и неизбежной. И здесь мы переходим к самому слабому звену в той триаде властей, что вы перечислили, — к власти судебной. Если представительная власть у нас худо-бедно, но работает, если власть исполнительная, пусть на троечку, но действует, то судебная власть сегодня у нас не работает вообще. Нет, на криминально-бытовом уровне судебная власть себя еще хоть как-то проявляет, но вот защитой наших прав на жизнь в чистом, не загрязненном вредными отбросами воздухе, на потребление в пищу безопасных для нашего здоровья продуктов суды не занимаются совершенно. У нас пока не подают иск на владельца цементного завода, не построившего очистные сооружения и отравляющего живущих в округе людей. Кроме того, у нас не сформированы в достаточном количестве и не работают эффективно налоговые инспекции. В Москве в 1991 году исходя из того ущерба, который был нанесен здоровью города промышленными предприятиями, в экологический фонд должно было поступить четыре миллиарда рублей. Поступило же только сто сорок миллионов! И это во многом и из-за слабой деятельности налоговых служб.

Итак, бездействие судов, отсутствие налоговых инспекций, противоречивое законодательство, неподчинение ему местных администраций — все это порождает правовой нигилизм и на личностном уровне. Браконьерство приобрело сегодня невиданные масштабы. В пору такого примитивного, дикого накопления капиталов больше всего страдают живые природные ресурсы. Добудешь желчь медведя — и ты сразу заработываешь на автомашину. Больше пятидесяти процентов провозимых на Дальнем Востоке контрабандных товаров — это шкуры и другие части медведей, тигров, кабарги. Идет жуткое расхищение природы, безмалостное ее истребление, и бороться с ним очень трудно, порой легче приостановить внедрение широкомасштабного экологически вредного проекта (его по крайней мере трудно осуществить незаметно), чем поймать за руку отправляющегося на охоту одного человека.

— А внедрение каких экологически вредных проектов удалось вам приостановить? Что вы вообще считаете своим самым большим достижением?

— Самое большое достижение ни в коей мере не мое личное, а наше общее, что в президентской структуре появилась такая должность — советник по вопросам экологии. Создан Совет по экологической политике при Президенте, куда входит около двадцати руководителей разных министерств и ведомств. На заседаниях совета мы имеем возможность более подробно, чем на заседаниях правительства, обсуждать экологические проблемы. Рекомендации совета я довожу до сведения Президента. Дальше его дело: принимать или не принимать их, давать кому-либо конкретные поручения или не давать, но одно то, что Президент постоянно находится в курсе экологической ситуации в стране, что он не воспринимает эти проблемы как второстепенные, уже немаловажно. В структуре Совета Министров теперь есть мощное Министерство охраны окружающей среды и природных ресурсов. У нас созданы наконец независимые надзоры, те, о которых мы раньше только мечтали в СССР, — Госатомнадзор, Санэпиднадзор, Гортехнадзор. Эти федеральные надзоры независимы и подчиняются только Президенту. Это очень важный момент, поскольку любые природоохранные службы, работающие в системе отраслевых министерств, обычно малоэффективны.

Созданы также разнообразные экологические структуры на всех уровнях представительной и исполнительной власти. Кое-где — это мощные отделы в советах, кое-где — отделы в администрации. Пока система еще не выстроена окончательно, идет ее становление, и в зависимости от местных условий приоритет отдается той или иной службе.

Понимаю, вы можете сказать: отделы насоздавали, но если они бездействуют, тогда какой в них прок? Замечание резонно. И все же считаю, если мы хотим решить какую-либо проблему, мы прежде всего ищем людей, которые могут с ее решением справиться. А нет таких людей, не с кого и спрашивать, проблема провисает.

Думаю, если бы мы не создали соответствующие структуры, нам до сего времени не удалось бы составить специальные карты радиоактивного загрязнения территории нашей страны, карты загрязнения воздуха, водных ресурсов. Еще менее эффективно работала бы система платы за загрязнение и за пользование природными ресурсами. Сейчас нам удалось добиться того, что каждое предприятие, осуществляющее, скажем, вырубки в лесу, вносит соответствующую плату, необходимую для восстановления леса, разработчики недр — плату за пользование недрами.

Что касается приостановки внедрения экологически вредных проектов, так к этой проблеме надо подходить чрезвычайно взвешенно. В каждом регионе, в каждой местности существуют свои болевые точки. Кроме того, каждый проект крупномасштабного развития может превратиться в опасный проект. Скажем, для Москвы таким опасным проектом уже стало строительство Северной ТЭЦ, для Севера — может стать разработка Ломоносовского месторождения алмазов, для Алтая — строительство Катунской ГЭС.

Огромная проблема — проблема захоронения особо опасных токсичных отходов. Мы никогда не обращали внимания на строительство специальных полигонов, на создание условий захоронения вредных веществ. Хотя весь мир, промышленные страны регулируют эту проблему жесточайшим законодательством. Сейчас мы также разрабатываем законопроект об особо опасных токсичных отходах.

Но мне бы хотелось говорить не о своих победах и достижениях, а о том, что пока сделать не удалось. Мое самое крупное поражение последнего времени, моя главная неудача в том, что мы не смогли поставить преграду той концепции развития энергетики, которая была принята правительством Гайдара и обсуждается сейчас в Верховном Совете. В русле этой концепции правительство Черномырдина в конце декабря прошлого года приняло постановление о развитии атомных электростанций. Постановление опасное с экологической, экономической и социальной точек зрения. Видимо, я и мои единомышленники, занимаясь этой проблемой, несколько преувеличили свои силы и недооценили силы тех, кто стремится развивать нашу энергетику, атомную промышленность старыми методами, строя крупные станции, не заботясь об энергосбережении ресурсов.

— И витязи-экологические силы победили?

— В данном случае — да.

— Вопрос в продолжение этой темы. Часто ли испытываете вы ощущение собственного бессилия, бесплодности ваших действий? Вот и законы, и постановления принимаются не те, а будь они даже те, что нужны, все равно их никто не выполняет. И промышленность разрушает природу, и человек по натуре своей хищник. Кажется, все так безнадежно...

— Знаете, минуты, когда опускаются руки и все представляется в черном цвете, конечно, бывают. Но нельзя поддаваться таким настроениям. В экологическом плане ситуация настолько страшна, что мы просто не имеем права быть пессимистами. Надо действовать, надо делать все возможное и невозможное для спасения природы, человека и его здоровья. Опыт промышленно развитых стран убеждает: развитие цивилизации вовсе не несет с собой гибели всему живому. Напротив, оно создает условия для гармонии, для совершенной защиты. Значит, и нам не заказан такой путь. Наивно было бы рассчитывать, что у нас сразу слаженно заработают все звенья государственной власти, правовой системы. Благо, что эти звенья созданы. Не будем преувеличивать роль хищнических начал, разрушительных инстинктов в человеке. Давайте апеллировать к началам здоровым и добрым. Будем разумны и нерасточительны, только тогда экологическая катастрофа нас минует.

Фото В. Машатина.

Георгий Полонский

ИЗГНАНИЕ СТИХОВ

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ О СЕБЕ

По убеждению Бориса Михайловича Парамонова (радио «Свобода», программа «Русские вопросы»), в несчастьях России едва ли не наравне с коммунизмом виноваты стихи. Речь идет о том, как совпали, как слились воедино две величайшие искусительницы — Идеология и Поэзия; как вместе они готовили свою аппетитную лепту, чтобы вешать ее на уши людям, чтобы отвлекать их от прозы жизни, от скучноватых, но необходимых бытовых глав этой прозы, от проблем кошелька и огорода, кастрюль и постели, от скромного, но до тонкостей вникающего в детали ремесла, надежного профессионализма... Слишком многим было почти наплевать на содержимое их холодильников и бумажников — были бы души богаты, было бы о чем толковать на кухнях, под жидкий чай или под стопку с килькой.

А дело, по Б. Парамонову, нам там чахло, а неисправные краны текли, а заменить разбитую лампочку в подъезде — «денег все не соберем», а небывалые оскомину дошь газет и собраний вроде бы меньше уже оскорбляла, заслуживала усмешек, но более: в главных отсекая души у одних мог царить Пастернак, у других — Евтушенко, у третьих — Цветаева, у четвертых — Эдуард Асадов... И Высоцкий — у большинства!

Призрачная жизнь, говорит нам из нью-йоркской студии радио «Свобода» Б. М. Парамонов. Липа. Туфта. Пшено. (Этой молодежной терминологии он не использует, но смысл — тот самый).

Призрачная жизнь! Но только такая и возможна — для интеллигента, во всяком случае — в тоталитарном государстве, только эта призрачность и оберегала голову от почти повседневных, высекающих искры из глаз контактов с его железобетонными стенами. Да, поролоновыми подушками, которые амортизировали эти удары, были стихи, а точнее — стихомания наша. Дальнейшее рассуждение подводит к мысли, что в подушках тех содержался некий газ, для жизни несмертельный, но на разум действующий неблаготворно. Сам же диагноз — стихомания — не оспаривал даже один из ведущих поэтов той эпохи:

Да того стихом обожрались,
что очередное поколенье
обнаружит к рифме
отвращенье
и размер презрит.
(Б. Слуцкий)

Насколько требовалось, настолько и туманила мозг Музы в комиссарской кожанке, самая искренняя максималистка коммунистического агитпропа. А иногда это выходило у Музы с перелестом, с запасом, какой еще и сегодня аукается в речах и поступках ее поклонников. Только представьте себе, как будет решать проблему спорных территорий с соседями такой российский деятель, который с детства затвердил и полюбил строки, принадлежащие автору знаменитой «Бригантины»:

Но мы еще дойдем до Ганга,
Но мы еще умрем в боях,—
Чтоб от Японии до Англии
Сжала Родина мой!

Была поэзия и краткими курсом казенной истории. Таким кратким и таким чеканным, что лишь тупица или, того хуже, реваншист поганый мог не принять безоговорочно, не принять к сердцу эту и только эту философию истории! Вот, скажем, в 1949 году, когда Пушкину исполнялось полтораста лет, к нему обращался Ярослав Смеляков:

...Мы твоих убийц не позабыли:
в знойный день, под зарею
небес,
мы царю России возвратили
пулю, что послал в тебя Дантес.

Вот как кругло, как исторически и нравственно симпатично получалось у вершителей того ужаса в Ипатьевском доме! По этой логике, бернеевские стрелки в Катынском лесу, вероятно, истинно полякам за ...Иване Сусанине!

Но не об этих очевидностях, все еще мучительных для нас, хлопочет Борис Парамонов — здесь, он считает, мы сами разобрались. Его беспокоит, представьте, стихи вообще в сегодняшней России. Старательно принимая в радиоприемнику и дурно декламируют, и гумилевское «Шестое чувство» знают, а один при мне «Заповедь» Киплинга вполне достойно отрапортовал — ну и какой от этого ущерб рынку и демократии? Да он шутит, должно быть, этот Парамонов, он же умница, ему ли всерьез ждать с огнеметом на томики Беллы Ахмадулиной, Элюара, Ли Бо, на Тютчева и Мандельштама, черт возьми, на кассеты Галича и Окуджавы?! Не приснилось ли? Огнемет действительно приснился: уровень и стиль парамоновских радиолекций исключают такие инструменты. Но и шутки тут не было, а была цельная, дотошно доказанная мысль: Россия не может позволить себе продолжать питать слабость к стихам, вжели хочет экономических успехов и преодоления совковой бестолочи. Выражаясь фигурально, у нас по-прежнему будут капающий кран и безотрадно пустующий холодильник, если мы будем пестовать свою духовность, определенную в поэтический размер и рифмовку.

При этом подразумевается, что сам философ и люди его круга на Западе отнюдь не вынуждены садиться на духовную диету: лишь с российским воздухом соединяясь, вирус поэзии плодит бездельников и графоманов, напитанное лебядкиных, алкоходовых с маниным словом, и я после изрядных колебаний решаюсь: по-моему, это слово — идеализм. Преподаватели общественных наук, миллионы раз повторявшие нам, а потом слышавшие от нас, что материя первична, сознание вторично, — они не преуспели, бедные: не становилось это нашим мировоззрением, нет. Пароль для беспрепятственного прохождения к аттестатам и дипломам, не более.

В дальнейшую очередь выстроились на Кузнецком мосту интеллигенты, когда объявили подписку на четырехтомного Платона. Материалисту Фейербаху такой успех у нас и наполовину не светил. Но та очередь — разумеется, еще не ручательство за то, что Платон был осилен, освоен; это лишь вектор интереса, жажды духовной... а если еще точнее — тоски.

Тоска легче утоляется стихами, конечно, нежели многотомной и древней философией. Не «лучше», говорю я, а легче. Может, так же эфемерно, как боль от ушибе — холодным пятаком, но утоляется все же. А кроме того, всегда у нас была, представленная в разные годы, то богаче, то бедней, серьезная поэзия. Кафедральным философам поэт как бы говорил: дозвольте теперь мне, кустарю... оспоя ваших и на трону, оправдываясь и защищаясь, говорю философу из Нью-Йорка, внушающему мне искреннее и пылкое почтение. Если же пассаж мой выглядит так, будто я в контратаку перешел, то это случайно и невольно вышло, намерения не заходили так далеко...

Поэзии я выстраиваю, выпариваю, гоню из себя идеализм. К чему, казалось бы, такие напряженные глаголы, если сама наша действительность успешно работает на это? А вот мой идеализм, представьте, цепок и упорен: выгонишь его в дверь, а он — в окно, ни в каких пожарных лестницах не нуждаясь. «Пошел вон, — говоришь ему. — Мне кормить тебя нечем. Проверь сам: ничего такого, чем идеализм питается, не осталось в моих закромах: мыши выживут, тараканы выживут, а ты — сдохнешь!» — «Не твоя забота, — отвечает. — Я неприхотлив, как сексуал. Вот ты без меня — точно сдохнешь!».

С феноменом этим (как и со всеми другими, случающимися с людьми!) знакома поэзия. Евгений Винокуров думал, наверное, что объясняет себя, а объяснял многих — меня в том числе:

Я дневника не вел.
Я фактов не копил.
Я частность презирал.
Подробность ненавидел.
Огромный свет
глаза мои слепил.
Я ничего вокруг себя
не видел.
Не годы шли.
И в дружеском кругу
Хотел я рассказать
о дальней дали.
Но ничего я вспомнить
не могу.
Ни черточек случайной,
ни деталей.
Хоть малость бы какую!
Нет как нет!
Передо мною лишь одно,
не боле,
Один лишь белый тот
слепящий свет,
Глаза, как бритва,
режущий до боли.
1961 г.

Все годы перестройки и гласности размышляют публицисты и социопсихологи и политики над «спектральным анализом» этого света. Понятно уже: завороженность такого рода лучами рождает страсти и химеры, диктующие отнюдь не стихи, в строки истории. Ответы, например, на вопросы референдумов, на воззвания Президента, на воинственность парламента, на боевые трубы фронтов и ассамблей... Какими могут быть эти ответы масс, когда слепят их большие прожектора, зовущие в полярно противоположные стороны?

Поэт лишь с глубоким покаянием мог признать такое: «Я частность презирал. Подробность ненавидел». Частностью могла оказаться судьба друга, женская судьба, «подробностью» — ребенок. Вовремя отпрянул человек от искусов того слепящего света и говорит нам: я, братцы, таких дров мог наломать... даже и не припомню, каких именно, но мог, мог!

Дело этим не исчерпывается, однако: перед нами стихи о восторженном состоянии души, даже если это восторг сомнамбулы. О счастье верить, веровать поверх фактов, независимо от них!

Необязательно от «социалистического выбора» исходил тот слепящий свет. Он мог идти, скажем, с Парнаса. Но так или иначе, эти скромные, не щеголяющие метафорическим оперением двенадцать строк — про сладость и пагубность романтического сомнамбулизма. Сколько еще требуется доказательств пагубности? У многих до сих пор слезятся от того «огромного света» глаза. Но уже вновь выходят политзатейники, объясняющие: «Но ведь то были слезы счастья — вы вспомните получше... Сче-сть»! Нет, огорчений тоже хватало, кто спорит? Но счастье-то доминировало! Нет! Ну, значит, будет доминировать! Вот выправим деформации еще разок — и будет доминировать счастье. Такое, что слезы умиления, вот увидите, слезы чистой благодарности потекут у нас всех! Что? Нет-нет, совсем не те, что 73 года текли... И чтобы разглядеть выражение лиц, запомнить возражающих — направит на нас этот политзатейник «слепящий свет, глаза, как бритва, режущий до боли».

Изгнание стихов из повседневного обихода и даже из психофизиологии нашей — безусловно, насилие. На врачующим нас философе из Нью-Йорка так и мерещится клеенчатый передник поверх белого халата, от этого, конечно, не по себе. Даже если потерпеть, то какими мы выйдем из этого процедурного кабинета? Вот я, к примеру, — если из моей памяти убрать, смыть все строки, вошедшие, кажется, в кровь и плазму, — я ли это буду? А нельзя ли поладить с профессором вот на чем: он со шлангом, а я со своей сосредоточенной волей — мы удалим из моей ментальности лишние стихи? Ведь спору нет — пришло время чистить наши личные библиотеки. А значит, и память заодно. В нее, впрочем, заложен какой-то механизм самоохраны: многое позабылось без всяких спецпроцедур.

А так радикально, как вы, Борис Михайлович, советуете, — так не получится просто. Не все, боюсь, помните вы о России, если предлагали ей сдать, сбыть, уступить всю поэзию узникам «Матросской тишины», когда они еще находились там. Графомании — пожалуй, можно, почему бы и нет? Но поэзию...

Интересно, повторили бы вы свое предложение, даже и смягченное шутливой интонацией, если бы знали, что в Ленинграде вас слушает живая Ахматова, а в Переделкино — Борис Пастернак?

Да, знаю, — ваша забота не о поэтах, она — о стране и обществе, которым полезнее сейчас углубиться в маркетинг и банковское дело, в пособия по ремеслам, в починку текущих кранов и непролезных — почти, как при Гоголе, — дорог. Справедливо. Если б еще знать, куда и как пристроить при этом душу... Может быть, этот полувопрос-полуваздох и для экономического возрождения немаловажен, может быть, перспективы возрождения туманны именно в связи с неприкаянным, беспризорным состоянием слишком многих душ? Ясно ведь: масштаб предстоящих преобразований немыслим без воодушевления! Какого качества оно будет, кто станет «на растопку», отпихнув поэтов? Жириновский?

В одном фантастическом рассказе истощились у некоего государства ресурсы жизнеобеспечения для всех его граждан, сохраняются пока лишь для половины, затем — для одной трети... И вводятся «талоны на жизнь» — точь-в-точь, как карточки на хлеб. Израсходовал — значит, сроки твои земные исполнились, государство посодействует твоему бесшумному уходу.

Так вот, я передумал просить у философа Б. Парамонова «талоны на жизнь» для российских поэтов и стихолюбов. Боюсь, мастера и поклонники симфонической музыки или балета подумают, что следующая очередь — их! Да и не распределяют философы таких талонов, что за вздор! Ну написал человек и прочел по радио эссе «О вреде поэзии для жизни», — ну и что? Эссе талантливое. А поэзия все равно никуда не денется. Что же касается вреда, поэт Михаил Светлов любил говорить так:

— Жить тоже вредно, вы знаете? От этого умирают.

Пусть, на худой конец, поэты и стихолюбы останутся последним и единственным препятствием на подступах к правовой демократии, к цивилизованному рынку. Последним и единственным! Тогда и разберемся.

Растерянные поколения

(Окончание. Начало на 1-й стр.).

почете были мечтательность, завлекательные идеи, утопически-мессианские устремления, нежели хлопотливый труд, здравый смысл, прагматизм, одним словом, дело полезного дела, мало окрашенного героикой, пафосом борьбы за счастье народов вселенной, за приближение «светлого будущего», да непременно в мировом масштабе.

В-третьих, мне кажется, что до нашего сознания еще не дошел принцип разделения властей. Мы не только закоренелые утописты, но и все еще, похоже, царисты. Требуем того, чем она (исполнительная власть) в принципе не должна заниматься. Этим должны заниматься милиция, прокуратура, суды. Этим должны заниматься наши достославные советы.

Мы часто ждем и даже требуем от Президента, его структур принятия таких мер в борьбе против коррупции, преступности, «приватизации» и т. п., которые возможны только в условиях жесточайшей диктатуры, например сталинской или северокорейской. Такой подход имеет право на существование, но не имеет ничего общего с правовым государством, которое мы решили строить. В конечном итоге мы должны уяснить, чего же мы хотим: уничтожить мафиози, бандитов, коррупционеров, а заодно «спекулянтов», «нечестных лавочников» и т. д., уничтожив при этом — по ошибке, навету, корысти — столько же или примерно столько же честных людей, уничтожив неизбежно и ростки новых экономических отношений или же, продвигаясь вперед, бороться с социальным злом в рамках правового государства, как это делается во всем мире?

В конечном итоге надо определиться: мы за диктатуру или демократию? Иначе растерянное сознание приводит к курьезам. Как говорил герой Михаила Булгакова, разруха начинается в голове. В самом деле: съезд настоял на том, чтобы среди вопросов референдума 25 апреля был и вопрос о доверии или недоверии социально-экономической политике, «осуществляемой Президентом Российской Федерации и Правительством Российской Федерации с 1992 года».

По-моему, депутаты даже не поняли, в какую ловушку они себя загнали. (Но поняли ли мы?). Одно из двух: либо парламент и съезд никакого отношения не имеют к понятию судьбоносной для страны политике, которая касается всех и каждого, следовательно, не выполняют своих функций; следовательно, не нужны обществу; следовательно, должны исчезнуть с политической арены в лице своих нынешних институтов. Либо они, законодатели, ответственны наравне с Президентом и правительством за осуществляемые реформы системообразующего характера, меняющие экономическое и общественное лицо страны. И если эти реформы действительно провалились, то законодатели должны разделить судьбу Президента. Как же иначе!!

Понятие «все смешалось в доме Облонских»... Вот и Анатолий Бутенко, критикуя в хвост и гриву демократов, не без неподдельного гнева вопрошает: «... в чем заключается легитимность осуществляемой сегодня смены «общественного строя»?». Нам бы ваши заботы, Анатолий Петрович. А в чем суть легитимности любой революции? Великой английской? Великой французской? Да той же Великой Октябрьской? Наверное, в крахе существовавшего общественного строя, в том, что развитие страны зашло в тупик.

Увы, мы часто не способны понять самих себя. Мы как бы пропускаем мимо ушей факт поголовного воровства в стране. Придумываем при этом эвфемизмы: говорим о «несунах», о том, что колхозники и совхозники не воруют, а просто компенсируют то, что им официально недодается за труд и т. д. Но когда сталкиваемся с коррупцией на высших этажах власти, страшно возмущаемся: ворюги-партократы, «дерьмократы», «демократы». Откуда-де они берутся? Естественно, предполагается, что мы сами, весь наш народ, чисты и невинны. Как ангелы.

Мы проклинаем непрофессионализм, некомпетентность, нерасчетливость, неумение заглядывать в будущее, тщательно все взвешивать. Это когда касается властей. А сами-то мы умеем все это делать? Именно в Ельцине, его команде, пожалуй, в наибольшей степени проявляются и наши сильные, и слабые стороны. Нам, всему обществу, явно не хватает самокритичности, самоанализа. А еще — умения брать на себя ответственность за свои поступки, за то, что происходит в стране. Отсюда этот злосчастный русский вопрос «кто виноват?», повторяющийся из поколения в поколение, из века в век. Может быть, пора остановиться? Это я к тому, что мы уж слишком строги к властям, но идайте снисходительны к себе. Получается так: кто больше делает, того и больше бьют.

Или возьмем вопрос о нравственности. О достоинстве. Об уважении и самоуважении. Александр Руцкой, выступая недавно перед парламентариями, говорил об очень серьезных вещах — о нарастании в стране преступности, о должностных преступлениях. Причем Руцкой говорил, по-моему, не как вице-президент, а как собиратель «компромата» на человека, помощником которого он фактически является. Разве вице-президенту где-либо, скажем в США, позволено вести себя подобным образом, да еще иметь собственный политический курс, отличный от курса Президента?

А как можно относиться к спикеру, который в любой момент готов отказаться от своих же собственных слов, как в случае с «червями», готов предать лидера демократических сил Бориса Ельцина, которому он обязан своим нынешним возвышением?

О ЧЕМ все это говорит? Прежде всего о глубоком моральном кризисе в обществе. А еще больше о том, что строительство социально справедливого, гуманного и демократического общества, включая формирование эффективных производственных отношений,— это целая историческая полоса. Если не быть утопистом, то нельзя не признать: нынешним поколениям лидеров эта задача не по зубам. Мы несем на себе слишком много родимых пятен тоталитаризма. Отсюда корни того нравственного и политического инфантилизма и просто аморализма, о чем говорилось выше. Но, увы, история не позволяет нам стоять на месте, поэтому в пору повторить слова из известного фильма: «В тапера не стрелять, он играет, как может».

«Я за цивилизованный рынок, но против базара», — утверждает то один, то другой противник реформ. Бог ты мой, сколько пошлости в этой фразе! К цивилизованному рынку нам идти десятилетия.

Давайте хоть чуточку умерим свой губительный максимализм, проявим больше понимания, больше доброжелательности к тем, кто «дело делает», пусть не всегда наилучшим образом, но все-таки делает, в отличие от тех, кто занимается демагогией, подстрекательством, нагло спекулирует на национальной струне, на наших трудностях, действует по принципу «чем хуже, тем лучше». Ради дестабилизации страны и прихода к власти. Им власть нужна как самоцель. Как самоценность. Так поступали большевики. Так поступают необольшевики. Давайте вспомним судьбу Александра II, Столыпина. Судьбу всех наших реформаторов.

ГОРЕ нам, советским, русским, российским людям, если за нынешним беспределом (коррупция, спекуляции, мафия и т. д.) начального перехода к экономическим и общественным отношениям, за временным резким снижением жизненного уровня (что не столько плата за будущее, сколько расплата за прошлое) мы не увидим исторической перспективы антитоталитарной, антикоммунистической, демократической революции. Революции, открывающей перед обществом подлинный прогресс. Если не поймем, что рождение поистине принципиально нового всегда сопровождается муками и не свободно от грязи — социальной, нравственной и прочей. Оглянитесь вокруг — закономерности те же. Во всех странах бывшего реального социализма.

Еще накануне начала «шоковой терапии» я несколько раз высказывал опасения, что у нас может не хватить выдержки, терпения. Не хватить национальной воли вынести неимоверные трудности начального этапа перехода к рынку. На примере других стран, прежде всего Польши, было ясно, что ждет нас впереди.

Так это и произошло на деле. Многие сломались. Испугались. Ударились в панику. В поиски простых, легких решений. Все того же «особого», более легкого, но нигде не изведанного в мире пути развития, облегченного перехода к рынку, к новому обществу.

Некоторые затосковали по застою, по гарантированной пайке. Многие недавние заметные фигуры в демократическом движении захотели отмежеваться от крайне непопулярной, по моему глубокому убеждению, в конкретных условиях нашей страны безальтернативной «шоковой терапии». Кстати говоря, путь «феномену Хасбулатова» прокладывали многие известные демократы, в том числе «три Юрия» — Власов, Афанасьев, Буртин. Последний, адресовав Ельцину гневное «не наша власть» и вызвав активный отклик среди неокоммунистов, тем самым оказал серьезную услугу силам контрреформы, вдруг испугался. Он увидел, что реальностью может стать власть «наших» — анпиловых, зюгановых и прочих.

В деятельности Буртина, может быть, как никакого другого радикального интеллигента, отразилось целое общественное явление. Максимализм устремлений, утопизм искомого общественного идеала, схематизм мышления, социальный маргинализм, политическая и мировоззренческая неустойчивость и даже склонность к истерикам, паническим настроениям и эсхатологическим пророчествам. Это феномен нашей интеллигенции. Особенно той, которая является радикальной, большевистской по духу и менталитету, но выдает себя за либеральную, западническую.

Впрочем, хрен редьки не слаще. Консервативная антизападная, в особенности фундаменталистская интеллигенция, используя слова классика, вообще «взбеснилась от умасов» исторически-разломного этапа. Стала жертвой начавшей «политической шизофрении», ибо по большей части то, что она говорит и делает и предлагает,— это вздор и бред, часто замешанный на тупом фанатизме, патологической злобе, ненависти, мизантропии. Вся ее «логика» находится за рамками здравого смысла и понятий хоть сколько-нибудь цивилизованного общества.

А ВООБЩЕ-ТО, господа-товарищи, реформы стали тестом на общественную зрелость, тестом на политическую волю. Тестом на мужество и просто на порядочность. Оговорюсь. Я далек от апологии «гайдаровских реформ», в ходе которых были допущены серьезные просчеты и которые, конечно же, надо «корректировать. Да они уже корректируются. Вижу и то, что не все реформаторы сами выдержали испытание на нравственность. Им самим не хватает терпимости и многого другого. Но речь сейчас не об этом. Речь о том, как своеобразно распределились роли политических и социально активных людей в это исключительно трудное для молодой России время.

Одним, образно говоря, досталось вытаскивать голыми руками каштаны из огня. Это те, которые взяли на себя всю грязную и на редкость неблагодарную работу по расчистке завалов, извините за выражение, тупоумной экономической политики Рыжкова—Павлова. Этих двух джентльменов надо в первую очередь благодарить за разгром потребительского рынка, валютно-финансовой системы, опустошение золото-валютных запасов. Прежде чем огульно критиковать «шоковую терапию», вспомним, что страна к исходу 1991 года уже была в глубочайшем шоке: магазины напоминали «черные дыры», талоны не отоваривались, деньги не работали, набирала темп доисторическая натурализация хозяйства, что грозило неминуемым крахом экономики, развалом страны. Место «шоковой терапии» могло занять разве только жестокое, силовое планово-централизованное распределение не иначе как с помощью террора. Хотел бы я видеть того, кто бы этот курс предложил и смог претворить в жизнь. Что-то охочих не нашлось.

Многие другие (естественно, в одеждах демократов) быстренько пристроились к реформам в корыстных целях. Третьи заняли выгодную позу наблюдателей. Дескать, посмотрим, как дело дальше пойдет. Таких оказалось немало и среди демократов, многих из них мы знаем в лицо. В оппозицию «гайдаровским реформам» с ходу встали некоторые видные «горбачевцы». Я долго ломал голову: почему? Из ревности, зависти? Может быть, из неприязни к Ельцину? А может быть, просто потому, что им не удалось реализовать себя в ходе перестройки? То что не удалось им, удается «мальчишкам» в розовых штанишках». По-другому, правда, не так, как представляли себе «горбачевцы», но удается. И тогда следует железная логика—не верь глазам своим. Вступает в силу известное российское: «У Ивана сгорела хата! Так спалим хату и Петру». Гиперболизирую, конечно, но в этой гиперболе, к сожалению, много правды.

Но самая выгодная позиция оказалась у депутатов. У съезда. Ответственности практически никакой, зато возможностей хоть отоваривай. Можно устроить разнос хоть самому Президенту, можно провалить самый прогрессивный законопроект или программу. Можно держать под постоянным напряжением правительство, произвольно ставить вопрос об импичменте Президенту. Можно вообще поставить крест на исполнительной власти. Можно по своему разумению, к своей выгоде, в том числе и со слуха, кроить и перекраивать Конституцию, расширять до беспредела, как выражается Валерий Зорькин, неконституционное поле». Власть советская. Она же полная и беспредельная. Власть, которая сама творит законы, сама же их хочет осуществлять и сама же себя контролировать. Власть некомпетентная и уже только поэтому безответственная.

ЕСТЬ ЛИ у меня претензии к Борису Ельцину и его команде? Вне всякого сомнения! После того, как он победит на референдуме — а он не может не победить, ибо в конкретно сложившихся условиях его поражение стало бы и нашим поражением,— я ему непременно их выскажу. Немедленно улучшить нашу жизнь я не буду требовать — это нереально. Резко менять нынешний курс — Боже упаси! Нельзя каждый раз начинать сначала. А вот обрисовать контуры того общества, которое мы намерены построить взамен реального социализма, наметить пути, методы и последовательность его достижения — это то, чего нам явно не хватает. Люди должны быть уверены, что наши нынешние трудности не напрасны. Что мы действительно сумеем построить не просто рыночные, а социально-рыночные отношения. Что государство наше будет не только правовым, но и социальным. Оно будет не только давать широчайший простор для самореализации талантливых, сильных, активных, но и будет заботиться о слабых, малоконкурентно способных.

И, конечно же, я, несомненно, потребую от Президента, получившего наше одобрение, развернуть самую беспощадную борьбу против криминальных элементов нашего общества — будь то бандит с большой дороги, насильник, банальный вор-ворюга, чиновник-взяточник или министр-мздоимец.

По городам и весям

НАЧАТА ПОДГОТОВКА К ПЕРВОЙ В РОССИИ ВЫСТАВКЕ-ЯРМАРКЕ ЮВЕЛИРНЫХ ИЗДЕЛИЙ, ДРАГОЦЕННЫХ И ПОДЕЛОЧНЫХ КАМНЕЙ.

Первая в России международная выставка-ярмарка ювелирных изделий, драгоценных и поделочных камней откроется в Новосибирске 11 мая. В экспозиции будут представлены бриллианты, ювелирные изделия из золота и серебра, самоцветы, жемчуг и кораллы, палеонтологические образцы и окаменелости. Смотр должен способствовать более эффективному освоению уникальных запасов камнесамоцветного сырья Сибири, развитию межрегиональной и международной кооперации, показать экспортные возможности региона.

В СУЗДАЛЕ ОТКРЫЛАСЬ ПЕРВАЯ РОССИЙСКАЯ ЯРМАРКА ТУРИСТСКИХ МАРШРУТОВ И ПУТЕШЕСТВИЙ.

Она организована Владимирским бюро путешествий и экскурсий совместно с акционерным обществом «Туристский центр Суздаля».

Представители множества туристских фирм России, а также ближнего и дальнего зарубежья заключили здесь договоры на обслуживание туристских групп и частных лиц в предстоящем сезоне. Маршруты их путешествий и экскурсий, предложенные местными фирмами и организациями, охватывают Владимир, Суздаль, другие города «Золотого кольца России».

АДМИНИСТРАЦИЯ ХАБАРОВСКА ОСВОБОДИЛА ЧЛЕНОВ СОЮЗА ХУДОЖНИКОВ ОТ АРЕНДНОЙ ПЛАТЫ ЗА МАСТЕРСКИЕ.

Улучшается условия для творчества хабаровских художников. Решением городской администрации они освобождены от арендной платы за мастерские, установлены льготные тарифы за коммунальные услуги. Непомерно высокая арендная плата заставляла художников превращаться в ремесленников и заниматься далеким от искусства делом. Льготы отчасти решат проблемы членов творческого союза.

ОДНА ИЗ ЦЕЛЕЙ ОТКРЫВШЕГОСЯ В РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ ФЕСТИВАЛЯ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА — ПРИВЛЕЧЬ ВНИМАНИЕ К ПЛАЧЕВНОМУ ПОЛОЖЕНИЮ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ ИЗ-ЗА НЕДОСТАТКА ВЫДЕЛЯЕМЫХ ГОСУДАРСТВОМ СРЕДСТВ.

Фестиваль народного творчества состоялся в Рязанской области. Кроме признанных фольклорных ансамблей города и села, в нем приняли участие вновь созданные, в основном из числа фермерских семей, коллективы. Большинство участников фестиваля вышли на сцену, чтобы привлечь внимание общественности и властей к плачевному положению учреждений культуры из-за мизерности выделяемых им бюджетных средств, от чего страдает самодеятельное творчество.

УНИКАЛЬНАЯ ВЫСТАВКА ЦАРСКИХ РУЖЕЙ ОТКРЫТА В ТУЛЕ.

Ее экспонаты — изделия тульских мастеров, изготовленные в честь посещений оружейного завода правителями России и членами царской семьи. Следует сказать, что высокие гости, как правило, оставляли в заводской коллекции подносимые им подарки. Среди них — изысканно украшенное ружье императора Александра Первого с прикладом удивительно тонкой резьбы, изображающей охотничьи сцены. Изящный дамский карабин весом немногим более килограмма, сделанный для Екатерины Великой, выглядит как дорогая игрушка, но обладает сильным и точным боем. Последнее ружье царской коллекции было изготовлено в честь Марии Федоровны Романовой. Все эти уникальные изделия представлены широкой публике впервые за многие десятилетия.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОЙ БИБЛИОТЕКИ ВЫПУСТИЛО ИССЛЕДОВАНИЕ ОБ ОСИПЕ МАНДЕЛЬШТАМЕ.

Впервые в России издана книга Никиты Струве «Осип Мандельштам», которая ранее выходила только в Лондоне. Это исследование опубликовало издательство, учрежденное Томской областной библиотекой имени Пушкина.

(ИТАР—ТАСС).

ШКОЛА ВЫЖИВАНИЯ

АХ УЖ ЭТИ НАЛОГИ...

Библиотекари и музейщики, клубные специалисты и концертмейстеры, артисты муниципальных театров живут сейчас трудно. Экономический кризис особенно больно ударил по работникам бюджетных учреждений культуры, получающих по-прежнему низкую зарплату и минимальную пенсию. Бесконечно привязанные к любимому делу, многие из них все-таки вынуждены в последнее время уходить в коммерческие структуры.

Есть ли просвет? Дождемся ли, когда обещания лучшей жизни станут реальностью? — с этими вопросами к нам постоянно обращаются читатели. Мы переадресовали их вопросы секретарю профсоюза работников культуры России Геннадию Павловичу ПАРОШИНУ.

— Сбудется ли надежда на повышение зарплаты?

— В последний день марта центральные комитеты профсоюзов работников культуры, здравоохранения и образования провели переговоры с правительством и Министерством труда о размере тарифной ставки 1-го разряда. Установлено, что с 1 апреля это 4,5 тысячи рублей. Введение новой ставки в соответствии с указом Президента «О неотложных мерах по стабилизации уровня жизни населения Российской Федерации в 1993 году» поможет едва-едва повысить зарплату работникам государственных театров, библиотек, музеев, клубов, редакций. Тогда же удалось достичь договоренности о начале пересмотра тарифной сетки. Надо сказать, что работники культуры восприняли введение новой единой тарифной сетки без эйфории, но и не в штыки. Они требуют смягчить некоторые квалификационные характеристики. Действительно, требования к образовательному уровню, стажу выглядят чрезмерными, в понятие «творческого потенциала», на которое обычно опираются руководители, определить трудно, и это чревато конфликтными ситуациями. Правительство проявило готовность рассмотреть наши предложения уже в мае.

— Что вы предлагаете?

— Поднять максимальный разряд для библиотечных работников с одиннадцатого до двенадцатого; узаконить норму, при которой библиотечным специалистам, имеющим стаж работы не менее 10 лет, ступенька разряда повышается автоматически, то же правило мы предлагаем установить и для журналистов. Кстати, это предложение поддерживают Министерство информации и печати и Союз журналистов России.

Мы предлагаем расширить шкалу разрядов до 23. И уже принято решение повысить ставку на один последующий разряд всем работникам, имеющим почетные звания.

Хотел бы подчеркнуть, что в результате переговоров тех же трех профсоюзов с комиссией по социальной политике Верховного Совета РФ вводится новый минимальный размер оплаты труда. Речь идет не о минимальной ставке 1-го разряда (4,5 тыс. руб.), а о новом минимуме зарплаты для любого наемного работника на предприятиях всех форм собственности. Если это предложение получит дальнейшую поддержку, то уровень зарплаты в сфере культуры начнет приближаться к заработку работников производственной сферы. Пока же производственники получают примерно в 1,6 раза больше. Приходится постоянно напоминать властям о том, что внеквартальный пересмотр минимума зарплаты — это законодательная норма.

— Налоговые льготы — едва ли не самый жизненно важный вопрос для учреждений культуры. Продолжает ли профсоюз отстаивать налоговые льготы?

— Да, постоянно, и частично наши предложения учтены в принятом в декабре новом налоговом законодательстве. Освобождены от платежей с прибыли библиотеки, музеи, филармонические коллективы, государственные театры. С организаций снят налог на имущество, платежи за землю теперь не будут вносить ни они, ни туристские и спортивные организации.

Спонсорам же разрешено направлять часть суммы, изымаемой в виде налога (до 3 процентов) на счет учреждений культуры. Теперь и кинорганизации, не признанные бюджетными и пока в основном убыточные, могут иметь спонсоров. Раньше этого права у них не было.

— Раньше дотации учреждениям культуры помогали удержаться на плаву, гастролировать, выпускать премьеры, готовить новые выставки. Теперь рассчитывать на это трудно. Дотации стали делом необязательным, особенно скупятся на них местные власти. Что же — опять «остаточный принцип»?

— Известно, что местные власти в законодательном порядке могут направлять на развитие культуры до 6 процентов своего бюджета. Практически же ни на одной территории этот принцип, заложенный в Основы законодательства о культуре, не реализуется. Это тот случай, когда до пленки в 6 процентов не дотягивает никто. Местные власти предпочитают самую нижнюю ступеньку. В Московской и Ярославской областях, например, она близка к полуторе процентам, в Твери — около 2,5 процента. Несколько выше — в Пскове.

К сожалению, и федеральный бюджет не выдерживает своего обязательства по отношению к культуре. По известным нам данным, на культуру выделяется уже менее 1 процента бюджета. Вот почему приходится все больше полагаться на внебюджетную поддержку, на спонсоров и меценатов. И пока трудно надеяться на бюджетную помощь, мы хотим обеспечить учреждениям культуры правовую стабильность хотя бы в отношении занимаемых ими помещений. Это избавит от самоуправства местных властей, которые все активнее вторгаются под крышу культучреждений, пользуясь своим правом распоряжаться нежилыми помещениями.

Профсоюзы же, пользуясь своим правом законодательной инициативы, намерены предложить в уже действующие законодательные нормы твердые гарантии на этот счет. Ни библиотеки, ни клубы не должны страдать от растущего аппетита коммерческих структур.

— А есть ли надежда увеличить вознаграждение отдельных категорий культпросветработников, особенно тех, кто в большей степени пострадал от инфляции?

— Да, есть. Уже удалось уравнять диапазон разрядов в единой тарифной сетке для концертмейстеров детских школ искусств наравне с преподавателями. Рассчитываем, что добьемся увеличения отпуска «концертмейстерам» до 48 дней. Министерство труда отнеслось к этим нашим просьбам положительно.

Журналистам теперь пенсия будет исчисляться со среднего заработка с учетом гонорара.

Мы продолжаем отстаивать право редакционных коллективов на имущество, приобретенное в совместной деятельности с типографиями, поддерживаем создание инвестиционного журналистского фонда, бьемся и за их безвозмездное право на имущество и оборудование, изношенное на 70 процентов. Надо лишь принять инструкцию о порядке такой передачи.

Как видите, упорная совместная деятельность профсоюзов, их постоянное обращение к властям дают свои результаты.

(Наш корр.).

Фирма «Звезда Альфа» организует восьмидневные туры для бизнеса и отдыха:

Арабские Эмираты (Дубай, Шарджа, Аджман) 300 $ и авиабилет.

Египет (Каир, Александрия плюс пляжи Красного моря) 240 $ и авиабилет.

Контактный телефон: (095) 125-39-78. Телефон-факс (095) 125-20-61.

САЛОН У ЮЛИИ

тел. 285-57-46; 214-62-12

ВЫСОКОЕ КАЧЕСТВО — НИЗКИЕ ЦЕНЫ ДЛЯ ВСЕХ — впервые

производственная фирма «Арис» расширенно предлагает продукцию своих партнеров — ВЕДУЩИХ фирм ВЕЛИКОБРИТАНИИ — изготовителей электроакустической аппаратуры.

aris ACOUSTIC

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ МИКШЕРНЫЕ ПУЛЬТЫ
фирмы «Professional Audio» серий «Crystal» и «Mynah»,
типов: 8/4/2/1; 12/4/2/1; 16/4/2/1; 24/4/2/1; 32/4/2/1,
фирмы «Soundcraft» серий «Spirit LIVE», «Spirit STUDIO», «Spirit AUDIO», «Delta SRe»
низкий уровень шумов и нелинейных искажений, широкий динамический диапазон, масса дополнительных сервисных возможностей заставит Вашу аппаратуру звучать кристально чисто.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ АКУСТИЧЕСКИЕ ИЗЛУЧАТЕЛИ
фирмы «Protek Sound Systems»
— боксы различных типов с высоким звуковым давлением и широким частотным спектром мощностью от 200 до 1200 Вт.

На их базе мы составляем комплекты различной конфигурации, оснащенные усилителями «Fuzion», звуковой мощностью от 1 кВт и выше. (рублевая стоимость 1кВт:1285$х тек.курс ММВБ)

ПРЯМЫЕ ПОСТАВКИ фирм-изготовителей обеспечивают НИЗКИЕ ЦЕНЫ, сопоставимые с уровнем цен аппаратуры производства СНГ.
НАДЕЖНОСТЬ, КАЧЕСТВО
ПРЕКРАСНЫЙ ДИЗАЙН, ГАРАНТИЯ 3 ГОДА

ТРАДИЦИОННО предлагаем собственную продукцию ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКТЫ электроакустической аппаратуры

Комплект	Область применения	Муз.мощность Вт.	Цена млн. р.
CL-270	Кафе, бары, фойе, залы до 100 мест	500	0,34
CL-770	Небольшие дискотеки, рестораны, бары, залы до 130 мест	1100	0,48
M 1.44	Сельские клубы, небольшие залы до 200 мест	1400	0,59
CL-1300	Дискотеки, дома культуры, театр.студии, залы до 400 мест	2000	0,86
1M/18	Открытые площадки, стадионы, театры, залы до 1200 мест	2600	1,27
M 3.6	Эстр. площадки, дворцы культуры, стад., залы до 2000 мест	4600	2,15

Любой из предлагаемых вам комплектов может быть дополнен микшерными пультами, мониторами, микрофонами «Байтон», ревербераторами, супрессорами, лимитер-компрессорами, усилителями мощности «Fuzion» AE 330, AE 600, AE 880 в необходимом количестве.

Увидеть и услышать, выбрать или сделать заказ Вы можете по адресу: Балаклавский пр-т, 28 «В». Проезд: м. «Севастопольская», авт. 168, ост. АТС.
Форма оплаты любая.

Заявок: 117526, Москва, а/я 105. тел. (095): 318-93-90. 318-16-91.

Московская государственная филармония объявляет конкурс на замещение вакантных должностей в *Академический симфонический оркестр Московской государственной филармонии*

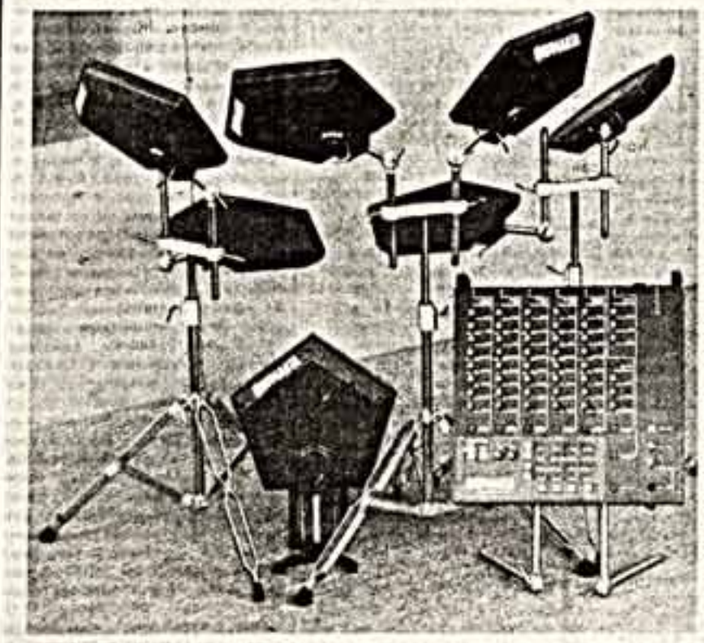
В группу 1-х скрипок — 2 места
В группу 2-х скрипок — 2 места
Клавишные инструменты (фортепиано, челеста) — 1 место

Конкурс состоится с 15 по 18 мая 1993 г.

Прием заявлений и документов до 1 мая 1993 г. в отделе кадров МГФ (ул. Тверская, д. 31, комната 713).

Справки по телефону: 299-27-35.

ФОРМАНТА УДС-11 электронный ударный синтезатор



Электронный ударный синтезатор «ФОРМАНТА-УДС» предназначен для исполнения партий ударных инструментов в профессиональных и самодеятельных ансамблях, озвучивания танцевальных вечеров и дискотек. Может использоваться в качестве имитатора шумовых и ударных эффектов на студиях звукозаписи, радио и телевидения. УДС имитирует звучание натуральных ударных инструментов: литавры, барабаны, бонги, тарелки, деревянные ударные (ложки, клавес, ксилофон), а также синтезирует различные электронные звучания ударного характера.

Основные технические характеристики

Напряжение питания переменного,	В220+22
Потребляемая мощность не более,	ВХА25
Амплитудное значение выходного напряжения не более, В	2,4
Отношение (сигнал)/(шум), не менее,	ДВ65
Число каналов	1
Количество запрограммированных тембров	5
Количество запрограммированных ритмических рисунков	16

Комплекты поставки модификаций УДС-11, УДС-12, УДС-13, УДС-14, УДС-15

Наименование	Количество, штука				
	11	12	13	14	15
Пульт управления	1	1	1	1	1
Ритм-гриф	1	1	1	—	1
Датчик удара	7	4	2	7	—
Стойка	4	2	1	4	—
Ножная педаль хай-хэта	1	1	1	1	—

Наш адрес: 624356. Свердловская обл., г. Качканар, ул. Тургенева, 1.

Телефон: (34341) 24769. Телекс: 221520 «Топаз». Телефакс: (34341) 23543. Телетайп: 721264 «Кварц».

Юрий Нагибин

ХУДОЖНИКИ XX ВЕКА

ВЛАДИМИР ТАТЛИН

Помните, у Некрасова: «Распалась цепь великая, распалась и ударила одним концом по барину, другим по мужику». Это — о крепостном праве. Распад «империи зла», как нас окрестил Рейган, тоже ударил одним концом по нам самим, другим по остальному миру. За рубежом, в Европе, исчез образ врага цивилизации, против которого надо вооружаться, гнать военную продукцию, создавать союзы, наращивать армию, флот, авиацию, атомную мощь, и наступил резкий спад производства, увеличилась безработица, понизился жизненный уровень.

Это, естественно, ударило по культуре, которая, что там ни говори, не может существовать за счет самой себя. Культура всегда содержанка. Неважно, кто ее содержит: государство или частные лица — меценаты, или она держится совместным доброхотством того и других.

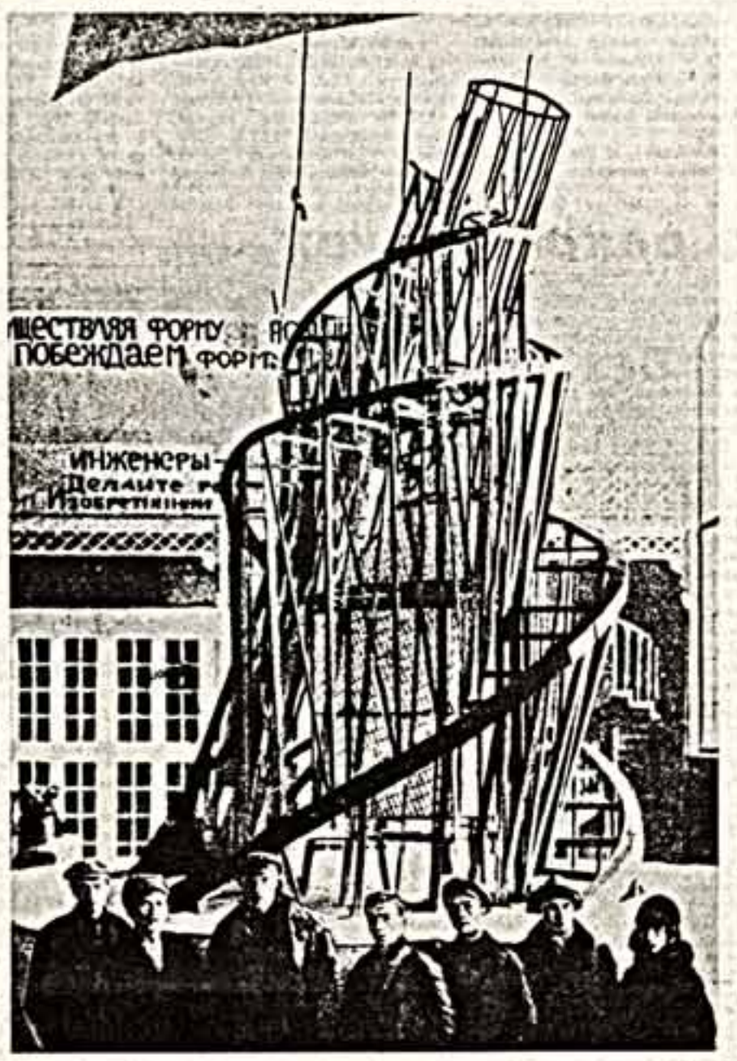
И вот стали пустеть музеи, театры, концертные залы, читальни, книжные магазины, кино и видеосалоны. И заволновались государственные люди, которым народ доверил свою судьбу. Стали искать выход. Мне лучше всего известно, как это происходило в Италии. Я связан с итальянскими издательствами и киностудиями, поэтому скажу, что делали для оживления культуры там. Государство выделило средства для создания новых получастных кино- и видеостудий, стало поддерживать театры и издательства, выпускающие хорошие серьезные спектакли и книги.

А вот итальянский издатель, писатель, психолог и общественный деятель Армандо Вердиньоне придумал то, что я в шутку называю «искусствоведением с человеческим лицом» (исходя из нашей формулы о социализме). Большие, многомудрые, прекрасно изданные книги о художниках и скульпторах очень плохо расходятся. Они трудны для мало искушенного в искусстве читателя и не привлекают людей в музеи, на выставки—скорее отпугивают. И он решил заказывать небольшие монографии не специалистам, а писателям, любящим изобразительное искусство. В их число попал я. В Италии вышел каталог знаменитого Сальваторе Фиуме с моим предисловием и каталог одаренного, но менее известного Паренцельо тоже с моей вступительной статьей.

В каждую книжку входят два художника: старый и новый. Я выбрал для начала такие пары: «Тинторетто—Шагал» и «Вермеер Дельфтский—Татлин». Обе книги уже на выходе. Удалось ли мне создать «искусствоведение с человеческим лицом» — судить читателям.

Мне бы хотелось, чтобы эти строки попали на глаза нашим правителям и они вспомнили о культуре. Если природа — среда физического обитания людей, то культура — среда духовного обитания. И то, и другое равно необходимо для жизни. Плохое физическое здоровье нашего народа — от бесчинств в природе, упадок народного духа — от культурной заброшенности. К сожалению, наши «меценаты» куда охотнее вкладывают деньги в презентации разной чуши, тусовки с шампанским, рулетку, лотереи и балы, нежели туда, где создается черный хлеб культуры. Значит, эту заботу должно взять на себя с полной ответственностью государство. В дичающем обществе никакие реформы невозможны.

Сегодня «Культура» публикует работу Ю. Нагибина о В. Татлине с некоторыми сокращениями.



Книга об этом художнике (1885—1953) пристало бы появиться под одной обложкой с рассказом о Леонардо да Винчи, ибо при всей несхожести их он, как никто другой, схож с великим тосканцем многообразием дарований, редчайшим сочетанием художественного и научно-технического гения и тем, что нередко отдавал предпочтение изобретательству перед творчеством. Посудите сами: Татлин, как и Леонардо, был живописцем, графиком, скульптором, архитектором, оформителем торжеств, музыкантом, автором трактата по изобразительному искусству и наконец изобретателем. Леонардо считают творцом первого летательного аппарата (вертолета), Татлин придумал и построил деревянную летающую птицу, дав ей имя ЛЕТАТЛИН, которая должна была передвигаться по воздуху силой человеческих мышц, управляющих крыльями.

Во всем другом Татлин и Леонардо несхожи: загадочный, непонятный для окружающих, старательно скрывающий свою внутреннюю жизнь (даже писал справа налево) итальянец и открытый, доверчивый, компанейский, громкий русак до мозга костей. К концу жизни Леонардо обрел покой и независимость. Безбытный Татлин (семьи не было, но сын был — погиб на фронте в Отечественную войну) не обрел леонардовых скромных благ — советская власть не позволила.

Конечно, у Татлина была горькая, сумрачная старость, но он не был расстрелян, как Древин и Мейерхольд, не сидел, как Куприн, Шухаев, Ротов, не знал гибельной нужды Фалька, Осмеркина, Удальцовой. Он имел работу, имел кусок хлеба, мог немного писать для себя. Об участии в выставках, конечно, нечего было и думать.

Однажды, году в 50-м, я столкнулся с Татлиным на лестнице старого московского доходного дома: я спускался, он тяжело поднимался наверх — не работал старый лифт. Я без числа видел фотографии и автопортреты Татлина, но скорее угадал, нежели узнал, великого художника, рослого, крепкого мастерового сложения человека в длинной сгорбленной фигуре с помятым, хвалым лицом и глазами старого больного пса. Боже мой, и это бывший лихой матрос (ведь картина, принесшая Татлину мировую славу с таким вот названием, была его автопортретом), — какое бедное, изношенное лицо, какие обвисшие, сдвинутые плечи! Вскоре его не стало...

В молодости и во всю расцветную пору жизни у Татлина была стать, лицо и руки рабочего. Это странно: он происходил из интеллигентной семьи. Отец его был инженер-путеец. Он окончил технологический институт в Петербурге; поступив на службу, быстро выдвинулся и был отправлен за границу для совершенствования в железнодорожном деле. Прекрасный инженер, Евграф Татлин отличался широтой культурных интересов, особенно любил и хорошо знал поэзию. Эта любовь привела его на похороны знаменитого поэта Якова Полонского. У отверстой могилы срывающимся голосом читала стихи, посвященные памяти усопшего, молодая поэтесса, выпускница Бестужевских курсов. Стихи были в благородной некрасовской традиции, особенно ценимой Татлиным. Инженер и юная поэтесса познакомились, влюбились друг в друга, поженились, родили сына, и тут жизнь, обещавшая быть такой долгой и счастливой, внезапно рухнула: молодая женщина скоропостижно умерла, не ведая, какое странное чудо оставила после себя на белом свете. Ничего-то мы не знаем о тайне человека. Почему от союза двух милых, но вполне заурядных людей: трудяги-инженера и слабенькой поэтессы, перепевающей Некрасова, получился мужиковатый монстр, который ничего не захотел взять из наготовленного человечеством в живописи, рисовании, скульптуре, строительстве, музыке, сценическом искусстве, а все должен был придумать сам, наново, так, как еще не было? Если бы меньше летали на Луну, запускали ракеты к Юпитеру, изощрялись в придумывании глобальных способов уничтожения жизни, может, и знали бы ответ на этот вопрос.

Отец его надолго пробыл холостяком. Новая семья переехала из Москвы в Харьков. Татлин не знал материнского тепла, не чувствовал под собой семьи и рано стал бродягой. Семнадцати лет, едва окончив Харьковское реальное училище, он сбежал из дома, добрался до Одессы и ушел юнгой на парусниках к берегам Турции.

Домой он из плавания не вернулся, а поехал в Москву, где пристроился к молодым художникам-богемазам. Он стал писать иконы и готовиться в художественное училище, куда и поступил. Учителями его были великие Валентин Серов и Константин Коровин. Но, видимо, учителя не очень-то были нужны Татлину — свои занятия он продолжал в Пензе у местных провинциальных художников: И. Горюшкина-Сорокопудова и А. Афанасьева — иллюстратора сказок. Учился он лениво, но упоенно копировал в летние месяцы древнерусские церковные фрески.

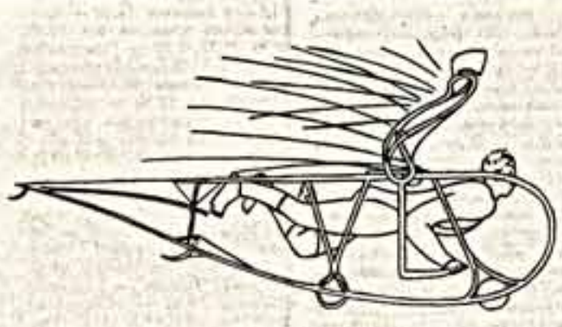
Татлин как личность покрыт тремя слоями вранья, и реставрировать его подлинную судьбу дело не такое простое. По чистой случайности мне довелось узнать многие обстоятельства его жизни, мало кому известные. Первый слой вранья — самый бесхитростный — может быть назван фольклорным. Он возник очень рано, едва Татлин обрисовался на фоне художественной жизни Москвы. Появлению его Татлин обязан своей необычности: в нем странно сочетались тонкость с авантюрной предприимчивостью, скромность с внутренней свободой и полной независимостью от чужих мнений, погруженность в себя с раскованностью и готовностью где угодно отстаивать свою правду. Он не признавал авторитетов, но был в плену у Хлебникова: грезил его стихами, смотрел на мир его глазами, но не из подчиненности, а потому, что Хлебников зорче видел то, что открылось ему самому. Татлин формально не входил в группу футуристов, сложившуюся вокруг Давида Бурлюка и Хлебникова, но исповедовал ту же веру, был так же устремлен в будущее. «Будетланином», то есть человеком будущего, называл себя Хлебников. Татлин был его другом, постановщиком, иллюстратором, портретистом, вдохновенным пропагандистом. Он оставался верен его памяти и после ранней смерти поэта, устраивая хлебниковские торжества. Хлебников был из породы высоких безумцев, отсвет его нереальности, сдвинутости падал на душевно здорового Татлина. Странности, порой диковатые, поведения Хлебникова, безбытного, бездомного, неухладного, молва переносила на Татлина. Обыватели с некоторым испугом косились на рослого рыжего молодца с пудовыми кулаками молотобойца.

Он виртуозно играл на бандуре (инструменты делал сам своими на редкость узловатыми и каждому ремеслу руками), пел низковатым голосом, и, как сказано в песне: «Через ту бандуру бандуристом стал». Он съездил со своей бандурой в Берлин и получил там приз, а молва послала его в странствие по просторам России в компании слепых бандуристов.

Татлин, подобно Хлебникову, был безразличен к одежде, охотнее всего обходился старым свитером с растянутым воротом, обвислым пиджаком и мятыми брюками, но, как и на Хлебникова, на него вдруг находил щегольской стих, он покупал модное пальто, перчатки, тросточку и не идущее к этому ансамблю летнее канотье. Это тут же становилось темой усмешливых пересудов, сплетня переходила в молву, молва — в легенду.

Татлин не был бабником, скорее уж человеком целомудренным, но в какой-то счастливый момент юности позволил себе несколько летучих увлечений и стал «севильским обольстителем».

Татлин был неустанным тружеником с высочайшей рабочей дисциплиной, молва называла его богемой. Его вечный художнический поиск толпа называла блажью.



Во всем этом не было большой беды, Татлин, если и ведал о сопутствующих ему слухах, то не придавал им значения. Были дела поважнее...

Более протяжна официальная легенда, которая начала складываться во второй половине шестидесятых годов, когда с искусства Татлина сняли табу и в Доме архитекторов состоялась небольшая выставка, посвященная его восьмидесятилетию. Окончательно оформилась легенда в исходе семидесятых — о Татлине стали говорить, писать, и молодая советская популяция с удивлением узнала, что был такой громадный художник, который не только писал картины и создавал скульптуры, но строил башни, самолеты, изобретал новые формы домашней утвари, ставил спектакли и играл на бандуре. Оказалось, что он был первоиллюстратором Хлебникова, Маяковского и Хармса, опередил Кальдера в создании висячей скульптуры и Иофана, архитектора так и не возведенного гиганта — «Дворца Советов»,—в замысле высочайшего здания в мире. И пошли Татлину принялись делать благополучную советскую судьбу.

Судьба трагическая была превращена в беспрерывный советский праздник. Такова вторая легенда.

Теперь перейдем к третьей, самой, пожалуй, удивительной. Личная жизнь Татлина погружена в туман. У него был сын, погибший в Отечественную войну, но я и слова не слышал о его жене. В моем представлении он всегда был человеком бессемейным, как и его друг Велимир Хлебников. В молодости он постоянно был окружен ученицами и поклонницами, среди которых оказалась незадачливая балерина и начинающая художница, юная Александра Корсакова — Шура. Она дебютировала на сцене крайне неудачно: при кажущейся гибкости стройной, высокой фигуры она выглядела деревянной, и даже влюбленный в нее рецензент, известный искусствовед Сидоров, с трудом выдавил что-то насчет «безукоризненно красивой Корсаковой», не упоминая о танцах. А вот Татлин обнаружил в ней несомненный графический талант. В девушке странно сочетались упорство и лень. Последнего не выносил фанатик работы Татлин. Он бы отказался от нее, да уж больно хороша! Она волновала его своим загадочным присутствием-неприсутствием, казалось, Шура все время думает о чем-то находящемся в бесконечной дали от того места, где она физически пребывает. Это беспокоило и влекло, как всякая тайна. По-моему, тайна Александры Никифоровны Корсаковой заключалась в легкой форме шизофрении, не знаю, догадывался ли об этом Татлин. Безумие в небольших дозах красит женщину, у Татлина с его ученицей начался роман и длился несколько лет, пока она окончательно не убедилась, что он на ней не женится.

Тогда она сошлась с довольно известным в московских кругах молодым человеком Борисом Семеновичем Лунным. Недоучившийся студент Петербургского университета, Лунин не имел профессии. Очень худой, длинный, умный, с легким характером, довольно остроумный, хотя не понимал чужих шуток и анекдотов, он показался Шуре удобным спутником в жизни. Они поженились. Татлин изредка наведывался к ним, искренне полюбив Бориса Семеновича.

В середине тридцатых годов она начала приобретать имя как талантливый иллюстратор. Но вскоре левое искусство прикрыли, и Шура без особых душевных мук забросила карандаш. Во время войны, когда сильно припекла нужда, она занималась ретушью, позже Татлин, желая помочь милым ему людям, привлекал ее в качестве художницы по костюмам к своим театральным работам. У Татлина не было ни одного родственно близкого человека, и, умирая, он сделал наследницей Александру Николаевну. Ей досталось несколько картин, рисунков, довольно много театральных эскизов. В пятьдесят третьем году ей в голову не могло прийти, что это не только богатство, но и судьба. Затем Борис Семенович умер...

Чем больше ширилась слава Татлина, тем значительнее становилась судьба его наследницы. Это заставило ее крепко задуматься. В 1976 году на Большой Молчановке возникла вдова великого художника Татлина. Меня поражала ее дерзость, это была хлестаковщина чистой воды. Но на Руси любят хлестаковых, любят обман, нелепицу, вздор, это наша национальная черта.

Пересказывая татлинские легенды, я невольно познакомил читателей с основными вехами его творческой и житейской биографии. Осталось несколько белых пятен.

Значительным в жизни Татлина был 1912 год. На выставке Московского училища живописи и ваяния, куда Татлин дважды поступал, так и не окончив, он выставил свои лучшие работы: «Матрос» — масло, «Продавец рыб» — клеевая краска и двадцать три эскиза к народной драме «Царь Максимилиан и его непокорный сын Адольф». В России «Матрос» стал так же знаменит, как рублевская «Троица» или «Черный квадрат» Малевича, но значительно живописнее последнего, хотя, возможно, не столь глубокомыслен. Это автопортрет, выполненный в предельно лаконичной манере, на очень условном фоне, дающем намек на оснастку парусника. Сколько существует матросских портретов, но для всякого, кто видел татлинского морячка, хотя бы в репродукции, существует только этот сапога: надежный, с мощной шеей, так хорошо обрезанной чуть растянутым воротом штормовки, знающий себе цену, сильный и скромный человек.

Но, конечно, главное достоинство портрета не психология, а живопись. Неяркие, приглушенные краски, жестковатая манера — кажется, что он не кистью написан, а сбит, сколочен на века рукой гениального столяра. Этот портрет, поддержанный чудесным «Продавцом рыб», как-то сразу поставил все на свои места в авангардном искусстве, выведя Татлина в безоговорочные лидеры. Затем Татлин уехал в Берлин, а по возвращении с головой ушел в новое и непривычное дело — монументальные рельефы. В связи с этим был выброшен новый лозунг: вместо «Улучшить глаз» — «Ставим глаз под контроль осязания». Он был уже так влиятелен в это время, что лозунг, не понимая толком его смысла, подхватили чуть не все молодые художники.

Сам Татлин разделял эти работы на три самостоятельных ряда: «живописные рельефы», «контррельефы» и «материальные подборы». Все это были варианты художественного конструирования. В советском искусствоведении к этому определению неизменно добавляется слово «экспериментальное», чтобы, упаси Боже, не подумали, что произведения этого рода могут иметь абсолютную художественную ценность и претендовать на самостоятельное место в ряду других искусств. Нет, это всего-навсего эксперимент, попытка что-то придумать, игра взрослых людей, блажь, наконец, но довольно безобидная, если не принимать ее всерьез и не допускать в парадные комнаты искусства. Возможно, в силу такого вот отношения к этим работам Татлина они не дошли до наших дней, во всяком случае мне не удалось отыскать их местопребывание, за исключением одного материального подбора в Третьяковской галерее. Он сделан из лакированного красного дерева и кровельного оцинкованного железа. Работа находится в запущенном состоянии, но чувствуется «глаз, проверенный рукой» и тот изящный дух, который ее породил. Впрочем, пренебрежение и недоброжелательство пришли уже во дни советской власти, а в пору, когда Татлин с огромным воодушевлением и продуктивностью создавал свои «рельефы», отношение к ним в художественных кругах было заинтересованное, хотя и неоднозначное. Ретроградов во все времена хватало.

Меж тем в «терновом венце революции» наступил 1917 год, окрылив Татлина смелыми надеждами, открыв (и быстро закрыв) новые возможности, сообщив (обманно) неслыханный масштаб его творчеству,— я, конечно, говорю о «башне Татлина», чья печальная судьба нам известна.

Татлин прошел через жесточайшие разочарования, связанные с «башней Татлина», оставшейся моделью, с художественным конструированием, выродившимся не по его вине в бытовую мелочевку, а там и вовсе в дизайн одежды, с механической птицей «Летатлин», так и не поднявшейся в небо, со сценографией, медленно, но неуклонно превращавшейся в натуралистическое подобие быта, а для него самого — в халтуру.

В тридцатые годы его окрылил вернувшийся после долгого перерыва интерес к живописи. Нет, интерес—слишком вялое слово, то была истинная страсть, не знавшая утоления. Чаще всего он пишет натюрморты, как никогда, щедро расцвели татлинские цветы и заблагоухали с холстов дивные букеты, но были и пейзажи: «Лето», «Весна», «Сумерки», несколько выразительных портретов. Особенно хорош портрет неизвестного — и живописно, и почти пугающим проникновением в страшноватую суть человека. Тогда же написана лучшая из обнаженных Татлина — «Купальщица».

Что думал Татлин, угасая, о революции, от которой ждал расцвета человеческой личности, расцвета культуры, искусства, рождения новых форм творчества,— мы не знаем. До самой смерти Сталина о таких вещах не говорили, даже не шептали, о них плакали наедине. А Татлин ушел в один год со Сталиным. Но когда я встретил его на лестнице дома, где жила Корсакова, не нужно было слов, чтобы понять всю печаль, боль и разочарование этого огромного, чистого, мудрого и наивного человека.

● *Башня Третьего Интернационала.*
● *В. Е. Татлин.*
● *Матрос.*
● *Летатлин.*
● *Обнаженная.*

ПОДВИЖНИКИ

День, улица, старинный особняк...

Хватит ли у вас духа разбить пополам свое долгожданное воскресенье и часам, так, к четырем отправиться — да по весеннему московскому бездорожью — в библиотеку? И не за книжкой, нужной позарез, а чтобы послушать русские народные песни и рассказ о роли женщин в русской культуре, о княгине Тенишевой, например? Да чего уж там! Если б легко нас было «завлечь», достаточно было бы афишу в библиотеке вывесить...

Александра Борисовна Бараш, директор музыкально-литературной гостиной (и зав. сектором искусства) московской Центральной библиотеки имени И. З. Сурикова, очень хорошо понимает, что афише с нами «не справиться». Перед каждым концертом она обзванивает и лично приглашает чуть ли не половину будущих гостей.

Не подумайте только, что Александре Борисовне — лишь бы зал заполнить. Она-то уверена: придам — не пожалеем, и очень хочет, чтоб мы убедились: здесь все всерьез, самодеятельностью не пахнет. Зрителям-то, между прочим, перед началом билет предлагают купить. (А стоит билет 150 рублей. И пусть в гостиной лишь 108 мест, зато пустых не бывает!).

Билетом «официальная часть» исчерпывается — далее все проистекает в исключительно уютной, почти домашней обстановке. Проходят театрализованные представления, отмечаются христианские праздники с соблюдением и объяснением их ритуала, фольклорные ансамбли вовлекают зрителей в игру. В перерывах между отделениями концертов радушные хозяева поят гостей чайком со всевозможными спиртами (на масленицу даже угостили блинами собственного изготовления). А по окончании зрителей-слушателей «обращают» в читателей — так что не только библиотека «работает» на гостиную, но и гостиная — на библиотеку.

Все это, конечно, очень здорово, но, чтобы все организовать, немало приходится потратить сил и нервов. Ну и зачем ей это надо? — может возникнуть вопрос, в данном случае совершенно неуместный. Потому что Александра Бараш — энтузиаст. Истинный, по призванию.

Мы сейчас с почтительным восхищением вспоминаем великих подвижников дореволюционной России — деятелей науки и культуры, промышленников, меценатов. Вот, к примеру, княгиня Мария Клавдиевна Тенишева — героиня последней «гостиной» нашей библиотеки. Женщина гордая, ранимая, но чрезвычайно целеустремленная. Княжеское богатство употребила на просвещение своего народа. Основала Училище ремесленных учеников под Брянском, несколько начальных школ в Петербурге и Смоленске. Во Фленово, вблизи имения Тенишевых Талашкино, что было не менее знаменито, чем мамонтовское Абрамцево, открыла сельскохозяйственную школу для крестьянской молодежи и при ней Затейный театр, балалаечный оркестр и мастерские кустарных промыслов. В Смоленске волею Тенишевой было построено здание для музея «Русская старина», которое вместе с многочисленными бесценными экспонатами она передала в дар городу. Помимо всего прочего, княгиня была превосходным эмальером и написала диссертацию «Эмаль и инкрустация».

Об этом и прочем — всех деяниях Тенишевой при всем желании в один «заход» не перечислить, рассказала посетившим гостиную Т. Исаченко, сотрудник Смоленского художественного музея. А концертная программа была составлена словно «по заявке» самой Марии Клавдиевны. Л. Симонова, Ж. Рябчикова и Л. Абрамова исполнили романсы из ее репертуара — княгиня была еще и прекрасной певицей. И наверняка покривилось бы ей выступление задорного фольклорного ансамбля «Славянка».

Близко «познакомившись» с Тенишевой, сотрудники библиотеки, естественно, очень к ней прониклись. И все же она здесь — лицо эпизодическое, «побывала» — и «ушла». Другое дело — Алексей Петрович Боголюбов, известный русский художник, меценат, основатель Саратовского художественного музея имени Радищева (и, кстати, его внук). К нему здесь интерес постоянный и совсем не праздный: Боголюбов был владельцем особняка на Сущевской улице, в котором и размещается суриковская библиотека.

Особняк очень любим его «жильцами», они ощущают ответственность за его судьбу и очень хотели бы привести в порядок, отреставрировать, а библиотеку преобразовать в центр культуры. «Сочту за честь стать членом президентского совета в столь благородном деле, как учреждение общественного Центра культуры имени А. П. Боголюбова»,— так откликнулся на инициативу сотрудников библиотеки Дмитрий Сергеевич Лихачев. Подобные инициативы у людей безынициативных, как вы понимаете, не возникают. Так что Александра Бараш среди своих коллег не одинока.

Директор Ольга Николаевна Астраханцева (она руководит всеми десятью библиотеками Центральной префектуры) так наладила работу, что «суриковка» уже сейчас может претендовать на столь притягательное для нее звание. При библиотеке создан информационный центр славянской культуры, где можно получить сведения о литературе, выходящей на славянских языках. Совместно с Министерством образования и московскими издателями проводятся «круглые столы» по проблемам воспитания молодежи. Детская «Академия книжных наук» учит ребят, как «делать» книги. Надежда Анатольевна Шавыркина держит связь с другими библиотеками и устанавливает контакты со всеми заинтересованными, способными оказать моральную и материальную поддержку организациями.

И все-таки, чтобы развернуться по-настоящему, необходимо учредить Центр. Во-первых, предполагается, что он объединит все библиотеки префектуры, и каждая получит свою специализацию — бизнес, семейное чтение, «женская» литература (Суриковской должно «достаться» искусство). Во-вторых, для того чтобы осуществлялись все начинания, надо хорошо зарабатывать. Деньги нужны и для того, чтобы приватизировать здание, и для того, чтобы отреставрировать его. Короче, нужен новый статус. И есть надежда, что не сидящие сложа руки библиотечные работники его добьются.

Столько раз повторила я слово «энтузиаст», что оно, наверное, вам уже оскомину набило. Тем более что и слово это — какое-то «советское».

Тенишевых и Боголюбовых мы им, как правило, не определяем, хотя скорее именно нынешних наших энтузиастов, а не бизнесменов-меценатов (в массе своей) можно считать их духовными наследниками. А к нашим нынешним по советской же традиции привыкли относиться весьма неоднозначно. Они вызывают у нас уважение и восхищение, или чувство сострадания, или чувство безысходности, или недоумение и досаду. Помните, Григорий Александрович Печорин говорил, что присутствие энтузиаста обдает его крещенским холодом? И с нами это тоже случается. А что если потеплеть и сделать шаг навстречу? Библиотека-то хочет выжить, воспользовавшись возможностями, которые открывает нынешний день, и хочет, чтобы выжили, духом воспряли мы, потому и пытается возродить то замечательное, что осталось в дне вчерашнем.

Руководитель хора «Талант» Борис Тужилкин, выражая благодарность Александре Борисовне за «тенишевский» вечер, которым в высшей степени остались довольны и публика, и артисты, предположил, что, может быть когда-нибудь доведется чествовать и ее саму. Возможно, и ни к чему проводить параллели, да только они «проводятся» сами. Александра Борисовна тоже ведь человек незаурядный. Физик-теоретик, она вдруг оставляет науку и становится директором хорового коллектива, а теперь и сама учится пению (вспомните княгиню!), и целеустремленности ей не занимать — пришла вот в библиотеку с целью открыть гостиную и открыла. Наконец, она прекрасная ведущая и очень красивая женщина, что тоже немаловажно.

Послушайте, к ней в гостиную из Зеленограда ездят, а вы, может статься, живете на соседней улице. Так за чем же дело стало? Представьте себе: воскресный день, старинный особняк. Он — центр культуры...

Н. ШАДРИНА.
Фото Н. Самойлова.

С ЧИТАТЕЛЕМ

ПЕРЕПИСКА

АМЕРИКА РОССИИ ПОДАРИЛА ПАРОХОД...

Я, наверное, одна из самых молодых ваших читательниц. По вечерам включаю 4-й канал, который в народе называют «сагаловским»: мужчины во фраках и дамы в вечерних туалетах говорят друг другу одни и те же фразы. Я даже не сразу поняла, что это не очередной сериал, а «ровесник» Рузвельта». Стоит ли так много времени уделять «старикам-близнецам»?

В. ПАНИНА.
МОСКВА.

Телегид: Дорогая Валя! Я прошу вас учесть, что с этими фильмами, с этим временем, связаны самые светлые воспоминания тех, кому в последнее время тяжелее всех живется. Может быть, это редкая возможность сохранить в этих людях доброту и веру в лучшее будущее. А потом, поймите, в нашем положении многое телевидению не по карману, а почти «даренному коню» в зубы смотреть как-то неприлично.

И КТО ЕГО ЗНАЕТ...

Дорогой Телегид!
Увидела, как в программе «Водолей» ведущий прямо с тележки окатил себя водой из ведра через край до дна! С Ипполитом из кинофильма З. Рязанова, кажется, подобное уже было. Бедный ведущий! Мне лично было не до смеха. И для чего ему это?

А. ТЕТЕРИНА.
Ферганская область.

Телегид: Честно говоря, сам я не знаю, зачем он это сделал, а спросить постеснялся. Может быть, у ведущего, как у Ипполита, настроение плохое было, может быть, у него дома воду отключили, а еще это мог быть творческий замысел. Иногда, знаете, словами всего не скажешь, а как подмигнешь или ведерко опрокинешь — и нет мак понят.

ПРЕДПОЧИТАЮ ДРУГУЮ «ПИЩУ»

Уважаемый Телегид! Наверное, настанет время, когда мы поймем, что в «мексиканском бульоне» вариться ежедневно совсем не обязательно. Я в это верю. А ты? Я предпочитаю другое: в последнее время посмотрела прекрасные фильмы — «Ванкершве», с удивительными Р. Шнайдер и Ж.-Л. Трентиньяном, «Ургах», «Вабочка», «Анкор», еще «анкор!» и, представьте, «Увидеть Париж и умереть!» Ах, Прошкина.

В. ГРИГОРЬЕВА.
МОСКВА.

Телегид: И я в это верю. И предлагаю вам, в помощь нашим читателям, назвать еще и адрес кинотеатра, где такие чудеса случаются. Спасибо.

ШИРОКА СТРАНА МОЯ РОДНАЯ

Как ты думаешь, Телегид, почему западные программы о природе и путешествиях смотрятся намного интереснее, чем аналогичные наши? И природа у нас вроде не хуже, и о чем рассказать хватает. А все не то...

О. КУЧКИНА.
САРАТОВ.

Телегид: Это точно: все не то. Камеры не те, пленка не та, и возможности тоже... А главное, не каждый квадратный метр их чуда природы — десятки творческих единиц. Кто лучше удивится чудесам и других очарует, тот в эфир и выйдет. А с нашими-то просторами такой скученности еще долго ждать придется.

АХ, АЛЕКСАНДР ГЛЕБОВИЧ...

Товарищ Телегид! Разве можно так изнываться над пенсионерами, да еще в нашей «колыбели революции»?! Посмотрел репортаж А. Г. Невзорова о моей ровеснице, продавшей свои волосы за 100 рублей, которых ей и на кусочек масла не хватило. Я сострадаю этой женщине вместе с бескомпромиссным Невзоровым.

И. П. ФИЛИМОНОВ.
ВЫБОРГ.

Телегид: Радует, что у вас, несмотря ни на что, сохранилось чувство сострадания. У меня, смею надеяться, оно тоже есть. Подозреваю, что и главная мишень «питерского санитара» А. Собчак этого качества не лишен. А вот после репортажей Невзорова мне не хочется задать вопрос: почему это происходит? Я просто раздражаюсь и очень на Дворцовую площадь тянет. Пострелять. Неважно в кого. А вдруг выбегу! Через час ведь наверняка прозрею, а там и на почту дорогу вспомню, чтобы старушку материально поддержать. Вы, кстати, адресок ее не помните? И вы тоже прослушали! Странное у нас какое-то сочувствие получилось: кого ненавидеть — усвоили, а кого полюбить надо — забыли... А может, любви-то от нас и не требовалось? Ах, Александр Глебович, совсем вы нас запутали.

Телегид

ДНИ И ВЕЧЕРА С БОЛЬШИМ ТЕАТРОМ

В не столь отдаленные времена для меня поездки в Москву из Нижнего на спектакли Большого не представляли большой сложности. Увы, все это кануло в Лету... Поэтому появление телесериала «Большой театр. Дни и вечера», мне кажется, своевременный и роскошный подарок всем, кто смотрит 1-ю программу «Останкино». Искусство было и остается соединительной нитью для людей, оно не знает границ и барьеров. И нам дали возможность прикоснуться к высокому искусству мастеров, заглянуть за кулисы, увидеть репетиции. Хорошо, что фильм задуман как сериал — в 12 томах, он, как летописец, неспешен, неторопливо. Авторы выбрали, на мой взгляд, удачный прием кратких сюжетов, калейдоскопа, который дает широкую панораму жизни этого замечательного коллектива. Хочется поблагодарить создателей сериала и попросить их: пишите новые сказания, чтобы как можно дольше Большой театр оставался в гостях в наших домах.

Вяч. ЖУЧКОВ.
Н. НОВГОРОД.

программа передач

Понедельник
26 апреля

1 канал. Останкино. 9.00, 12.00, 15.00, 18.00, 21.00, 0.00 — Новости. 15.25 — «Телемнисты». 16.10 — «Блокнот». 16.15 — Мультфильм. 16.30 — «Хочу стать звездой». (Таллин). 17.00 — «Атомная энергетика без тайн и секретов». Док. телефильм. 18.25 — Технодром. 18.35 — «Гол». 19.10 — «Эхо недели». 19.45 — «Молитва Сергию». Хронікально-документальный телефильм. 20.40 — «Спокойной ночи, малыши!» 21.40 — «Горячее и другое». Телесериал. 22.10 — «Пресс-клуб»: «На следующий день». 0.20 — «Монтаж». 0.25 — «Днем-сейчас», оркестр «Вильдфи».

Россия. 8.00, 14.00, 20.00, 23.00 — Вести. 8.20, 14.20, 19.55, 22.55 — Реклама. Программа передач. 10.05 — Мульти-пульти. 10.20 — Если вам за... 10.50 — «Впереди паровоза». 11.10 — Досуг. «Друзья наши кошки». 11.25 — «Зеркало для героя». Худ. фильм. 13.40 — Крестьянский вопрос. 14.25 — «Продлись, продлись, очарованье...» 15.50 — «Дикая природа Америки» (США). 16.40 — Мегаполис. 17.10 — «Сотворение». 20.25 — Телесериал «Санта-Барбара». 21.15 — Соло. Балетмейстер Николай Боярчиков. 22.00 — Кабаре «Оконеница». 23.20 — Звезды говорят. 23.25 — Спортивная карусель. 23.30 — Господа-товарищи. 23.45 — На сессии ВС РФ. 0.00 — Арт-обстрел.

Телеканал «2×2». 6.30, 7.30, 8.30, 9.30, 10.30, 11.30, 12.30, 13.30, 14.30, 15.30, 16.30, 17.30, 23.33, 0.30 — Новости «2×2». 7.33 — Мультфильм. 8.00 — Программа «Вордиэт» (США). 9.45 — «Видео: последние новости». 10.00 — «НЛО: необъявленный визит». 10.33 — Мультфильм. 11.08, 17.08 — «Зеленый коридор». 11.33 — «Шансы». Телесериал. 12.33 — Новости «ITN». 13.03 — «Берег его жизни». Худ. телефильм. 15.10 — «Радио-труба». 15.45 — «Музыка и выборы». 16.15 — «Автошоу».

Московская программа. 18.00, 22.00 — Московский телетайп. 18.05—Частный сектор. 18.50 — «Подмосковье». 19.30 — «Добрый вечер, Москва!» 19.45 — «Лицом к городу». 20.30 — Мультфильм. 20.45 — «Шансы». Телесериал. 22.30 — Приглашает Борис Ноткин.

Телеканал «2×2». 23.00 — «Зеленый коридор». 23.43 — 14.38 — «Музобоз». 16.00 — «Образ моды». 16.39 — Музыкальная программа.

Московская программа. 18.00, 22.00 — Московский телетайп. 18.05 — «Окно». 18.35 — Верность клятве Гиппократа. 18.50 — «Москвичи». 22.30 — «Флаер».

Телеканал «2×2». 23.00 — «Европа плюс». 23.41 — «Невесты империи». Худ. фильм.

4 канал. Останкино. 22.00 — Хоккей. Чемпионат мира. 1/4 финала. Трансляция из Германии.

TV 6. Москва. 19.00, 23.30 — Новости «CNN». 19.30 — Кинотеатр TV 6: «Нога». 21.30 — Золотая фильмотека: «Ангелы с грязными лицами».

Четверг
29 апреля

1 канал. Останкино. 6.00, 9.00, 12.00, 15.00, 18.00, 21.00, 0.00 — Новости. 12.20 — Худ. телефильм «Сентиментальный гусар». 13.30 — «Лебединая песня». Док. телефильм. 13.55 — Док. фильм «Повелитель мух». 14.50 — «Месть кота Леопольда». Мультфильм. 16.15 — Мультфильм «Война слонов и носорогов». 16.20 — «Весна на таджикской земле». 16.50 — «Будьте счастливы. Вас любят». 17.20 — «Это вы можете». 18.25 — «...До шестнадцати и старше». 20.40 — «Спокойной ночи, малыши!» 21.40 — Лотто «Миллион». 22.10 — Худ. телефильм «Путь героина». 2-я серия. 23.10 — «Музыка в эфире». Часть 1-я. 0.25 — «Музыка в эфире». Часть 2-я. 1.45 — Футбол. «На пути к Уэмблиу».

Россия. 8.00, 14.00, 20.00, 23.00 — Вести. 8.20, 14.20, 19.55, 20.20, 22.55 — Реклама. Программа передач. 9.15 — Мульти-пульти. 9.25 — «Время и личность». 10.10 — Сам себе режиссер. 10.40 — Экзотика. 11.40 — Устами младенца. 12.10, 20.25 — «Санта-Барбара». 13.00 — Паломник. Российское бюро путешествий. 13.40 — Крестьянский вопрос. 14.25 — «Варвара-краса, длинная коса». Худ. фильм. 15.45 — Азы карьеры. 16.00 — Алгоритмы. 16.30 — Там — там — новости. 16.45 — «Игра без проигрыша». 17.05—Мультфильм для взрослых. 17.15 — Трансросэфир. «Штрихи к портрету». 18.00 — «Хроника одной аферы». 18.30 — М-трест. 18.45 — Парламентский час. 21.15 — В мире авто- и мотоспорта. 21.45 — «ЭКС». Экран криминальных сообщений. 22.00 — Тихий дом. 23.20 — Звезды говорят. 23.25 — Спортивная карусель. 23.30 — Тихий дом. Продолжение. 0.30 — Концерт джазовой музыки.

Телеканал «2×2». 6.30, 7.30, 8.30, 9.30, 10.30, 11.30, 12.30, 13.30, 14.30, 15.30, 16.30, 17.30, 23.33, 0.30 — Новости «2×2». 7.00, 17.33 — Новости «BBC». 7.33 — Мультфильм. 8.00 — Новости «CBS». 8.33 — «Бизнес». 8.43, 10.09, 16.33 — «Афиша». 9.00 — «Вордиэт» (США): «Заповедная Америка». 9.45 — «Видео: последние новости». 10.15, 15.45 — «Магазин 2×2». 10.33 — «Ну, погоди!». 11.00 — «Экспресс-камера». 11.08 — «Зеленый коридор». 11.33, 20.45 — «Шансы». Телесериал (Австралия). 12.33 — Новости «ITN». 13.03 — «Берег его жизни». Худ. телефильм. 3-я серия. 14.38 — «Шейп-шоу». 16.00 — «Звездный дождь».

Московская программа. 18.00, 22.00 — Московский телетайп. 18.05 — «Всегда с вами». Сберегательный банк России. 18.50 — «Подмосковье». 19.30 — «Добрый вечер, Москва!» 20.30 — Мультфильм. 22.30 — «Голос депутата».

Телеканал «2×2». 23.00 — Программа религиозной корпорации «Аум-синрикио». 23.41 — «Невесты империи». Худ. фильм.

4 канал. Останкино. 22.00 — Норма. 22.10 — «У войны не женское лицо». Спектакль Московского драматического театра на Таганке.

TV 6. Москва. 19.00, 23.30 — Новости «CNN». 19.30 — Кинотеатр TV 6: «Хомо Новус». 21.30 — Золотая фильмотека: «Последняя охота».

Суббота
1 мая

1 канал. Останкино. 8.00, 15.00, 21.00, 0.00 — Новости. 10.45 — «Собака, остановившая войну». Худ. фильм (Канада, 1987 г.). 12.40 — Мультсериал «Шекспириада». 13.10 — «Звезды эстрады сегодня и завтра». 14.35 — Мультфильм «Принц и Русалочка». 15.25 — «Укротительница тигров». Худ. фильм. 17.15 — «Красный квадрат». 17.55 — «Счастливый случай». 18.55 — «Шире круг». 20.40 — «Спокойной ночи, малыши!» 21.40 — «КВН». 23.35 — «Танцы, танцы, танцы». 0.40 — «Ленинград. Ноябрь». Худ. фильм.

Россия. 8.00, 14.00, 20.00, 23.00 — Вести. 11.00 — Рассказы И. Бабеля читает С. Юрский. 11.45 — «Признание...» (Ф. Хитрук). 13.25 — Танцевальный марафон. 14.20 — «Дайте жалобную книгу». Худ. фильм. 15.45 — «Звезды Америки». 16.15 — XX век в кадре и за кадром. 16.45 — Футбол без границ. 17.40 — Репортаж. 18.30 — Комики XX столетия. Бестер Китон. Программа З. Рязанова. 19.45 — Праздник каждый день. 19.55, 20.20, 22.55 — Реклама. 20.25—«Мадо, до востребования». Худ. фильм. 22.15 — Контрасты. 23.20 — Звезды говорят. 23.25 — Спортивная карусель. 23.30 — Программа «А» на Международной фиесте воздушных шаров. Трансляция из Орла. 1.30 — Чемпионат мира по хоккею. Матч за 3-е место. Передача из Мюнхена.

Телеканал «2×2». 6.30, 7.30, 8.30, 9.30, 10.30, 11.30, 12.30, 13.30, 14.30, 15.30, 16.30, 17.30, 23.33, 0.30 — Новости «2×2». 7.00, 17.33 — Новости «BBC». 7.33 — Мультфильм. 8.00 — Новости «CBS». 8.33 — «Бизнес». 8.43, 10.09, 16.33 — «Афиша». 9.00 — «Вордиэт» (США): «Заповедная Америка». 9.45 — «Видео: последние новости». 10.15, 15.45 — «Магазин 2×2». 10.33, 20.30 — Мультфильм. 11.03 — «Экспресс-камера». 11.08 — «Зеленый коридор». 11.33, 20.45 — «Шансы». Телесериал (Австралия). 12.33 — Новости «ITN». 13.03 — «Берег его жизни». Худ. телефильм. 3-я серия. 14.38 — «Шейп-шоу». 16.00 — «Звездный дождь».

Московская программа. 18.00, 22.00 — Московский телетайп. 18.05 — «Окно». 18.35 — Верность клятве Гиппократа. 18.50 — «Москвичи». 22.30 — «Флаер».

Телеканал «2×2». 23.00 — «Европа плюс». 23.41 — «Невесты империи». Худ. фильм.

4 канал. Останкино. 22.00 — Хоккей. Чемпионат мира. 1/4 финала. Трансляция из Германии.

TV 6. Москва. 19.00, 23.30 — Новости «CNN». 19.30 — Кинотеатр TV 6: «Нога». 21.30 — Золотая фильмотека: «Ангелы с грязными лицами».

Воскресенье
2 мая

1 канал. Останкино. 7.20, 15.00, 0.00 — Новости. 9.30 — Мультфильм «Денвер — последний из динозавров». 10.00 — «Пока все дома». 10.30 — «Берег спасения». Худ. фильм. 11.35 — «Утренняя звезда». 12.25 — Мультсериал «Шекспириада». 12.55 — «Голливудские мечты». Док. фильм. 14.00 — «Пиф и Гекулес». Мультфильм. 15.20 — «Панорама». 16.00 — Мультфильмы: «Каспер и его друзья» (Англия); «Настоящие охотники за привидениями» (США). 16.55 — Хоккей. Чемпионат мира. Финал. 19.35 — «Тишина». Худ. фильм. 1-я серия. 20.50 — Погода. 20.55 — «Майские звезды». Международный фестиваль народного творчества. Трансляция из Кремлевского Дворца съездов. 21.55—Реклама. 22.00 — «Итого». 22.45 — Спортивный уикэнд. 23.00 — Продолжение международного фестиваля «Майские звезды».

Россия. 8.00, 14.00, 20.00, 23.00 — Вести. 9.45 — П. И. Чайковский «Щелкунчик». 11.00 — Лучшие игры НБА. 12.00 — Час фортуны. Телеторгов. 13.15 — Мульти-пульти. 13.25 — Танцевальный марафон. 14.20 — «Не вырубить...». Ведущий — Б. Коптев. 14.35 — «Сарафан». Худ. фильм. 16.10 — «Познер и Донахью». 16.40 — В мире животных. 17.40 — Кино в лицах. 17.55 — «Новые приключения Винни-Пуха». «Черный плащ». Мультфильмы. 18.45 — Великие цирки мира. 19.55, 20.15, 22.55 — Реклама. 20.20 — «Уникальные и оскорбленные». Худ. фильм. 22.00 — «Под небом Испании». Пласидо Доминго и Мстислав Ростропович. 23.20 — Звезды говорят. 23.25 — Спортивная карусель. 23.30 — Телефишка. 23.45 — «Приглашая старых знакомых». 0.45 — Маски-шоу. «Маски в опере».

Телеканал «2×2». 6.30, 7.30, 8.30, 9.30, 10.30, 11.30, 12.30, 13.30, 14.30, 15.30, 16.30, 17.30, 23.33, 0.30 — Новости «2×2». 7.00, 16.30 — Новости «BBC». 7.33, 20.30 — Мультфильм. 9.00 — «Сила Бога сегодня». 10.00 — «Дипломат». Мультфильм. 11.03 — «Экспресс-камера». 11.08 — «Зеленый коридор». 11.33, 20.45 — «Шансы». Телесериал. 12.33 — Новости «ITN». 13.03 — «Афиша». 13.33 — «Пираты XX века». Худ. фильм. 17.03 — «Видео: последние новости». 17.33 — «Огород — круглый год».

Московская программа. 18.50 — «Подмосковье. Русский дом». 20.45—«Мисс-сбербанк». Шоу-программа.

Телеканал «2×2». 23.00 — «Образ моды». 23.41 — Музыкальная программа.

4 канал. Останкино. 11.50, 13.40, 18.55, 22.45 — «Звонок!... 215-00-35». 12.15 — «Путешествие пана Кленсиы». 14.05 — Помоги себе сам. 14.35 — Технодром. 14.45 — В мире животных. 15.25 — «Дядюшка Дудли». Мультфильм. 15.50 — «Ваше взаимо». 16.25 — «Красный космос». Док. фильм. 16.55 — «ТВ-галерея». «Мегамикс». «Выбор-2000». 19.25 — «Жестокий романс». Худ. фильм. 22.05 — Профессионал. 23.20 — «Танцующие рок» (США). Худ. фильм.

TV 6. Москва. 19.00 — Новости «CNN». 19.30 — Мультики TV 6: «Бегз Банни и друзья». 20.00 — Кинотеатр TV 6: «Катафалк». 21.30 — «Золотая фильмотека: «Скарамуш».

Телегид рекомендует

Алло, Петровка, 38! Выхожу на связь. В помощь ежегодной операции «Мак» на этой неделе начинается показ 6-серийной ленты английского режиссера Алестера Ребда «Путь героина»! Фильм снят по заказу IV канала ТВ Великобритании, признанного самым интеллектуальным в мире. Сериал появился у нас благодаря российской корпорации «Видеофильм», заключившей долгосрочный контракт на право реализации кинопродукции этой телекомпании Великобритании.

В орбиту международного наркобизнеса попадают три главных героя: английский министр, неожиданно узнающий, что его дочь наркоманка; респектабельная английская леди, не ведающая до поры, что вышла замуж за немецкого торговца наркотиками; пакистанский крестьянин, вынужденный оставить свой клочок земли с опиумным маком и искать поддержки у наркомафии. Сюжет развивается с чисто английской неторопливостью. В нем легко угадываются наши собственные проблемы. Территория бывшего нашего Отечества готова уже сегодня стать внушительным полигоном международного наркобизнеса. И единственное, что нас до недавнего времени спасало от его тотального вторжения, — это платежеспособность потенциальных потребителей. Но времена и нравы меняются. Путь героина нами еще не пройден. Но это один из возможных маршрутов будущего. Те, кто прошел его, понимают, что там нет победителей. Впереди — тупик. Английская кинолента для нас — возможность заглянуть в наше будущее.

Остается добавить, что «Путь героина» был удостоен в прошлом году «Золотого монитора» за лучший европейский мини-сериал, а чуть раньше американской награды «Эмми». В главных ролях: Билл Патерсон, Линдсей Дункан и Джамаль Шах. (Среда, 1-й канал «Останкино», 21.55).

● *Кадр из фильма «Путь героина».*

ВОЗВРАЩЕНИЕ НИКИТЫ МИХАЛКОВА

Никита Михалков возник на экране неожиданно — никак не объявленный в программе 4-го канала. Ожидался «Вокзал для двоих», и я сидела у телевизора, досадуя, что идет «какой-то» хоккей (когда наконец научатся уважать зрителя — что, разве не знали заранее про хоккей!). Я это к тому говорю, что ведь и Михалкова запросто могли пропустить, и многие пропустили.

Михалков появился на ТВ впервые после его памятного всем скандала с компанией «Останкино». И потому с особенным удовольствием был нам не этот раз в нормальное (не в ночное!) время продемонстрирован кусок из той давней передачи.

Сначала, когда началась беседа Михалкова с ведущим 4-го канала, его, режиссера, лицо на крупных планах просто все каменело от непроходимой незлобивости собеседника. Вдруг назвал себя его, Михалкова, почему-то сыном — он на этих словах с изумленным вскинул брови: сынок! Или еще — когда тот сказал, что всегда представлял себя режиссера Паратовым в белом костюме, с рюмкой водки и в окружении цыган.

Одним словом, благоглупости сыпались как из рога изобилия. И поначалу казалось, что диалог вообще не состоится. К тому же (как довольно часто у этого ведущего) не получился и разговор со зрителями — телефон, сработав один раз, напрочь отказал. Но тогда зачем давать номер телефона? Раз. И два — зачем начинать ответы на вопросы зрителей за пять минут до окончания передачи?

Одним словом, обратной связи не было. Это к вопросу о профессионализме на телевидении.

А что касается самого диалога, то, чувствуется, Никита Сергеевич в какой-то момент, очевидно, скрепился душой и решил: не одни же такой человек на свете, как этот ведущий. Есть в телеаудитории и другие отнюдь не самые глубокомысленные люди, и с ними тоже надо говорить. Ну как с детьми что ли, объяснять им все с самого начала.

И он начал с начала — с религии. Потом перешел к жизни.

Взгляды Михалкова известны, с ними многие не соглашаются, но о них здесь речь. Просто подумалось — побольше бы на телевидении вот таких острых, неожиданных, конфликтных разговоров. О самом главном. О нашем бытие, о творчестве, о художнике, о мечтах, о работе, о вчерашнем и о завтрашнем. О самом главном, одним словом.

Михалков — личность яркая, стремительная. Он обрушивается на вас, как стремнина, и вы стоите, не зная еще — плыть ли дальше или постоять обсохнуть на бережку.

Нет — все-таки плыть.

Валентина ИВАНОВА.

ВОТ «ТЕАТРАЛЬНЫЙ РАЗЪЕЗД»...

Прекрасное название для передачи о театре! Театральный разъезд — это продление спектакля во впечатлении. Спектакль тоже разъезжается — по зрителям, по их домам, разъезжается по городу в слухах и рассказах. Он еще теплый, еще в умсон дышат те, кто был на сцене, и те, кто был в зале, но пуповина уже обрезана: родилась память о спектакле. И телевидение, как никто другой, способно уловить и передать это живое тепло только что случившегося, эти самые яркие образы памяти. Оно способно остановить мгновение.

«Бесы» Санкт-Петербургского Малого драматического театра в постановке Льва Додина уже давно заинтриговали зрительский мир, не имевший счастья познакомиться с этим беспрецедентным зрелищем. Самая продолжительность спектакля — целый день, 9 часов, длительность работы над ним — не год и не два, глубина погружения блестящей труппы театра в бездонность самого черного романа Достоевского — все это притягивало к телепередаче, объявившей «Бесов» в «Театральном разъезде»: хотелось понять, что же представляет собой детище Малого драматического, насколько оно соответствует и ожиданиям, и молве.

Признаться, я почти ничего не поняла про спектакль. Непонятен был и способ подачи материала. Прежде всего удивила анонимность и того, и другого: анонимны персонажи, анонимны актеры, анонимны интервьюируемые и сама ведущая. Из всех представлен был только Л. Додин, с которым автор передачи (Тамара Ебенко) долго разговаривает о том, что, судя по всему, Льву Абрамовичу не очень интересно.

Прав непредставленный Игорь Дмитриев, известный петербургский актер, сказавший, что задумываться зритель должен потом, а в театре — смеяться и плакать. Думаю, что данное высказывание имеет прямое отношение к «Театральному разъезду» как жанру передачи. Здесь важнее всего представить спектакль — по отрывкам, по первым, жадательно эмоциональным, непосредственным отзывам зрителей. Едва ли имело смысл (что справедливо отметил один из опрошенных) беседовать с публикой до начала. Да, рады, что пришли, да, готовы сидеть целый день... Что они еще могли сказать?! Однако и говорившие после не подогрели интереса к спектаклю: все про актуальность, про бесовство да провидческий дар Достоевского. А как это все выглядит на сцене, и те, кто был в зале, но пуповина уже обрезана: родилась память о спектакле. И телевидение, как никто другой, способно уловить и передать это живое тепло только что случившегося, эти самые яркие образы памяти. Оно способно остановить мгновение.

«Бесы» Санкт-Петербургского Малого драматического театра в постановке Льва Додина уже давно заинтриговали зрительский мир, не имевший счастья познакомиться с этим беспрецедентным зрелищем. Самая продолжительность спектакля — целый день, 9 часов, длительность работы над ним — не год и не два, глубина погружения блестящей труппы театра в бездонность самого черного романа Достоевского — все это притягивало к телепередаче, объявившей «Бесов» в «Театральном разъезде»: хотелось понять, что же представляет собой детище Малого драматического, насколько оно соответствует и ожиданиям, и молве.

Признаться, я почти ничего не поняла про спектакль. Непонятен был и способ подачи материала. Прежде всего удивила анонимность и того, и другого: анонимны персонажи, анонимны актеры, анонимны интервьюируемые и сама ведущая. Из всех представлен был только Л. Додин, с которым автор передачи (Тамара Ебенко) долго разговаривает о том, что, судя по всему, Льву Абрамовичу не очень интересно.

Прав непредставленный Игорь Дмитриев, известный петербургский актер, сказавший, что задумываться зритель должен потом, а в театре — смеяться и плакать. Думаю, что данное высказывание имеет прямое отношение к «Театральному разъезду» как жанру передачи. Здесь важнее всего представить спектакль — по отрывкам, по первым, жадательно эмоциональным, непосредственным отзывам зрителей. Едва ли имело смысл (что справедливо отметил один из опрошенных) беседовать с

И. МЯГКОВА.

ХХ ВЕК. МИФЫ

Надежда ПАВАУСКАЯ, Сергей БЕДНОВ

Ваши пальцы пахнут ладаном...

Тук-тук-тук каблучки. Женщина поднимается по нестесанным еще годами ступеням старинных торговых рядов. Заглядывает в витрины модных магазинов. Улыбается знакомой, кто-то говорит. Это Вера Холодная, первая и самая яркая «звезда» русского кино. У нее недоуменно-утомленные глаза. Она молода. Жить ей остается еще несколько лет. И еще целая вечность до того, когда мы под ее столетия будем смотреть эти кадры.

В начале XX века петербургские студенты, пописывающие в досуге декадентские стихи, гимназистки, без конца перечитывающие сентиментальные мелодramы, вешали над своими столами репродукцию картины Беклина «Остров мертвых». Черными кипарисами, рыжими скалами и серебристой фигуркой Харона на ней завороженная красота модерна, особенно склонная говорить о смерти, зазвучала трагическим предчувствием. Искусство, впитывающее духовное состояние общества куда сильней, чем поверхностные социологические брошюры или идеологические трактаты, уже исповедало перед гибелью один мир и уже рвалось к другому, меняя свои формы, вынашивая мощные ростки авангарда.

В самом конце XX века режиссер Олег Ковалов создал монтажный фильм «Остров мертвых». Он назвал его фантазией на тему картины Арнольда Беклина и посадил королеву экрана Веру Холодной.

Старые хроникальные и игровые кадры часто вводят в соблазн кинематографистов. Ножницы и клей позволяют сделать из них и киноурок по обществоведению о тяжелой жизни при царе, и плач по России, «которую мы потеряли». Олег Ковалов, киновед по образованию, знаток Эйзенштейна, ФЭКСов и, кажется, всех известных монтажных приемов, проделывает со старыми фильмами удивительную вещь. (Кстати, его первая картина «Сады скорпиона» тоже монтажная).

Тук-тук каблучки. Сани по Невскому проехали — снег хрустит. Голуби испуганные шумно брызнули к небу. Вертинский запел. Старые кадры, наполненные шумами, мелодиями, невнятно сказанными словами, гомоном толпы, кадры, осовремененные ритмом (без привычной суетливости Великого немого, но и без его медлительной литературности, отяжеленной цветастыми титрами), вкрапленные тончайшими оттенками голубого, солнечно-желтого, красного, складываются в пронзительный рассказ о том, как люди, живые, еще молодые, утонченные, умные, под музыку декаданса рассаживаются на обширной лодке старика Харона и плывут... Куда ж нам плыть?..

Даже не искушенному во всех премудростях монтажа зрителю некоторые кадры могут понравиться своей изобретательностью и легкостью. У знатоков же они вызовут восхищение. Ресторан. Кинотеатр за столиком. Танцовщица на заднем плане. Наплыв — танцовщица средним планом, почти крупным... Позвольте, какой наплыв! Снималось-то когда! Режиссер и оператор забираются внутрь коротеньких обрезков целлулоидной пленки и начинают с пристрастием изучать их содержимое, натыкаясь порой на подлинные алмазы россыпи. Вот этот наплыв, например. А танцовщица — Анна Павлова!

Одной из монтажных доминант (а их в фильме несколько) через всю картину проходят кадры с набегающими морскими волнами. Тихими и прозрачными. С безмятежно плещущимися в них «звездами» русского немого кино. Или просто отсчитывающими ход времени на пустынном берегу.

Но неожиданно происходит смена ритма. Море взрывается бегущей по пирсу волной из эйзенштейновского «Броненосца...». Кипит вода от людей, прыгающих с тонущего военного корабля. В камеру глядит уже иное в истории не конкретные люди или события, а именно мифы. И потому для него важен в первую очередь свой собственный кинематографический язык. Но если податливое и мягкое дореволюционное кино было благодатным материалом для мифотворчества, то, скажем, кадры Эйзенштейна оказывают неожиданное сопротивление логике режиссерского замысла. Энергетика искусства великого мифотворца отечественного кино оказывается сильней, в кристально чистой структуре монтажного мышления Олега Ковалова появляется инородное тело.

Исследуя мифы и преобразуя их, режиссер прежде всего обращает свой взгляд на их чисто внешние проявления, на их эстетику. И для него равно прекрасными в завершенности своего образа оказываются и томные барышни, и Аэлита, и колонны дворцов, и жерла пушек, и ухоженные гимназисты, и голодные беспризорники... Даже в кадры, казалось бы, беспристрастной хроники он вглядывается дотошно и с явным пристрастием. Отсюда еще один повторяющийся мотив: человек с киноаппаратом. Случайный кинооператор возле киноателье Ханжонкова. И даже — герой мультфильма В. Старевича «Месть кинооператора».

А Вера Холодная... Ее, усыпанную цветами, не дожившую и до тридцати, вынесут в гробу в 19-м году друзья и поклонники. История развивается по спирали. История мифов — тоже. Так в фильме Олега Ковалова спираль совершает этот последний закономерный оборот.

...Снег скрипит под полозьями саней. Тук-тук-тук каблучки. Вера Холодная. Первая «звезда» России.

Звезда над островом мертвых.

РУБИНОВАЯ САЛАМАНДРА

ФЕСТИВАЛИ

Мариам ИГНАТЬЕВА

Последние обороты карусели

В стремительном круженении промчались дни «Нижегородской карусели». Завтра уже состоится гала-концерт — закрытие этого уникального форума. А он действительно уникален: участниками его стали, кроме деятелей искусства и культуры, представители деловых кругов — западные бизнесмены, в том числе и наши бывшие соотечественники. Подобного еще не бывало!

События, как говорится, развивались параллельно — на разных сценических площадках.

◇

Площадь напротив Кремля. «Концертный зал» под открытым небом. Здесь, у подножия монумента «великому патриоту земли» русской Кузьме Минину», залились на разные голоса «Волжские колокольные звоны» ансамбля из Самары. Это «Музыкальное благословение» и концерт из произведений духовной музыки в капелле, в котором выступили прекрасный нижегородский хор мальчиков и (совершенно неожиданно) ансамбль «Русская песня» Надежды Бабкиной — «эпиграф» по всему форуму.

◇

Все на празднике делалось с вдохновением и пылом. Фестиваль и открылся нетрадиционно «просто» — не было ни длинных речей, ни скучных приветствий, ни высоких слов. Единственный обязательный «блок» — перечень спонсоров. Их придется и мне повторить, ведь без спонсоров ничему не бывать нынче. Итак, «Карусель» раскрутилась благодаря Лиге «Российское Отечество», «Московскому фольклорному центру «Русская песня», Ассоциации «Космонавтика — человечеству», Карельскому банку сбербанка России, «Межжномсбербанку» и «Тексобанку». Программа шла «в темпе», и в ней явно сказался характер «хозяйки» праздника, как называют здесь главного организатора «Нижегородской карусели» Надежду Бабкину.

◇

Центральным событием стал конкурс профессиональных певцов и ансамблей «Русская песня-93». Сколько раз уже в отношении «Нижегородской карусели» были повторены слова «аперитив», «в отличие от принятого», «никогда ранее». И здесь тоже новшество: впервые школам академического и народного пения было придано равное значение. Вчера вечером стали известны итоги состязания. Сегодня лауреаты и дипломанты дают концерт в Гербовом зале Нижегородской ярмарки.

◇

Конкурс открывал новые начала, а деловые люди налаживали новые связи. Состоялись их встречи с «хозяевами» города, области, представителями крупных промышленных предприятий, директором Нижегородской ярмарки, которая заработала в эти дни.

Как сказал на пресс-конференции генеральный директор фирмы «Феникс — Москва» Владимир Барковский, кстати, потомок владельца знаменитой в России прозоровской мануфактуры, в Нижнем Новгороде очень много интересных, думающих людей, с которыми можно налаживать деловые контакты. Так что не только по линии культуры, но и по линии бизнеса «Карусель» обещает принести богатые плоды. И остановка «Карусели» — всего лишь «передышка». В будущем году она снова начнет свой бег.

НИЖНИЙ НОВГОРОД.

Игорь СЕМИРЕЧЕНСКИЙ

Реванш мастера

Его полнометражный художественный фильм «Путь царей» поставит в тупик не одну умную голову. Ведь уже мало кто помнит, как во времена оные изрядно претерпел его «Перероссиянин» за непозволительные вольности с отечественной историей. Но тогда хоть среди диссидентов нашел опальный автор сочувствие и поддержку. Теперь же, за годы вынужденного молчания подрастерив последние остатки инстинкта самосохранения, он безмятежно подгадал самое укромное местечко между патриотическим «молотом» и демократической «наковальней».

Полтора часа в пустой белой комнате при помощи двух стульев с высокими спинками перед неподвижной камерой составляется из больших деревянных кубов на шарнирах то одиночный, то парный, то групповой портрет, символизирующий членов последней российской династии. При таком аскетизме художественных средств волнующей «избыточностью» кажутся редкие появления то в платье царицы, то в полковничьей шинели царя, то в сарафане ненецкой аллегорической крестьянки, но — «живьем»! — эпизоды М. Шифферс и уж совсем кинородны вступительный монолог режиссера да несколько впаянных случайных вкрапленных надписей типа «Господин полковник, наденьте шинель».

И это — все, если не считать звукового сопровождения звуковой вокализ, а композиционным приемом — верхние планы макета этой белой комнаты, стены которой постепенно раздвигаются, к финалу недвусмысленно образуя белую свастику на фоне зеленого игрового сукна... Путь царей? А почему бы и нет? Разве после всех подробностей, которые мы узнали наконец о трагедии Ипатьевского дома, не должен при малейшем намеке возникать рефлекторный спазм в горле? Который влаственно слышен у Е. Шифферса в его авторском прологе к фильму? И в противном случае достаточно ли мы выстрадали свое возрождение?

Боюсь, что недостаточно. Боюсь, что все еще не хватит мне для слияния одной-единственной «детали». А именно — образа врага. Одним не хватит «красного» врага, другим — «белого», третьим — «инородца»... Абсолютный же нравственный смысл мученичества постижим лишь безотносительно фигуры мучителя. Дай же нам бог уложиться побыстрей, чем возвращался в кино Евгений Шифферс...

ФЭН-ФАКС

ФАБУЛА ЭТОЙ НЕДЕЛИ

ТЫ И РАДОСТЬ МОЯ, И МОЯ БЕДА

В очередной раз встал вопрос о будущем Старого Арбата. На сей раз в ходе предварительного обсуждения в Мосгорархитектуре. На этой прекрасной московской улице, воспетой поэтами, как, пожалуй, ни на одной другой, отражаются все социальные и идеологические изменения, происходящие в обществе. В свое время он стал широко разрекламированной пешеходной зоной со странными фонарями. «Арбат офонарел» — как говорили тогда старожилы. Зато стало, как на Западе, где в каждом мыслящем городе есть такая пешеходная улица. Потом Арбат оброс ларьками, киосками и грязью. Теперь большую часть их убрали. Что-то будет завтра?..

ПРОДУКТ РАСПАДА

В последнее время театры Московской области соединяли, разъединяли, ликвидировали и т. д. По что-то осталось. И вот вопреки всему этому в Новинске проходит традиционный фестиваль «Подмосковная театральная весна». Надо заметить, что «уцелевшие» и «реорганизованные» играют при полных залах.

НЕ ФОНТАН!

Возобновляются работы по реставрации «Большого каскада» нижнего парка Петродворца. Его осуществляют польские рабочие, потому что своих у нас, видимо, нет. Но поляки, не искушенные в экономике постпланового периода, недоумевают, почему же соглашения по снабжению стройматериалами русской стороной не выполняются.

ЗАГРАНИЦА-ТО НАМ ПОМОЖЕТ. А МЫ ЕЙ?

Идет обсуждение российско-американской программы «Санкт-Петербург, 2003 год: культурная политика и экономическое развитие». То, что культурный и интеллектуальный потенциал северной столицы неисчерпаем, ни у кого не вызывает сомнения. Но неужели в его реализации без заграницы нам никак не обойтись?! Спасибо тем, кто помогает. Но доживем ли мы до тех времен, когда будет принята американо-российская программа развития, скажем, Чикаго?

ЗВУК ВРЕМЕН. МЕДАЛЕЙ ЗВОН

Интересно, будут ли петь на тусовках в полном приходе и с медалями «Защитник свободной России» удостоенные ее Андрей Макаревич, Константин Панфилов («Алиса») и наш старый друг Валера Дысенко и его сотоварищ по «Мистеру Твистеру» Олег Усманов?...

По сообщениям корр. «Культуры» и ИТАР — ТАСС.

Дежурил по ФЭНу С. БЕДНОВ.

ФЭН-ФАКС

Одной «звезды» я повторяю имя

Татьяна МАМАЕВА

В Казани завершился Международный конкурс оперных певцов имени Шаляпина. Обладателем Гран-при (2 тысячи долларов США) и специального приза за лучшее исполнение произведения из репертуара Шаляпина стал солист Санкт-Петербургского театра оперы и балета имени М. П. Мусоргского Владимир Зенкин. Первую премию разделили П. Данилюк (Нижний Новгород) и А. Абдразаков (Уфа), награжденный также специальным призом (тысяча американских долларов) бразильской меценаткой Хеленой Оливейра. Второе место жюри «не заполнило», а на третье поставило» Н. Вишнякова (Воронеж) и В. Кожакару (Кишинев).

Итак, на оперном небосклоне взошли новые «звезды», просияли на казанскую публику и отправились петь по домам.

КАЗАНЬ.

◇

Наталья ЕГОРОВА

Еще оставалось два дня до закрытия шаляпинского конкурса в Казани, а Москва уже объявила о проведении своего, тоже шаляпинского. Он пройдет с 17 по 22 мая благодаря совместным усилиям Ассоциации лауреатов Международного конкурса имени Чайковского, импресарской фирмы «Русское искусство» и Дома-музея Шаляпина.

Басам, недовольным своими результатами на казанском состязании, прямой резон отправляться в Москву. Почему только басам? Потому что в московском конкурсе могут принимать участие только они. Это не единственное его отличие от казанского, на котором состязаются, не претендуя на Гран-при, и тенора, и баритоны. Москва зато предлагает весьма разнообразный (в основном шаляпинский) репертуар: и оперные арии, и русские народные песни, и русскую церковную музыку, которую участникам предстоит исполнить в сопровождении хора издательского отдела Московской Патриархии. Наконец, Москва снимает возрастной ценз.

«ВТОРАЯ ПРЕМЬЕРА»

Валентина ИВАНОВА

Без бабочек и декольте

Сама не видела, но слышала от жаждущей билетика гражданки — какие парни просили три тысячи за два билета! Не на оперу, не на балет, не на рок, на — кино!

Вот что, пожалуй, и было самым примечательным в фестивале «Вторая премьера», проходившем в Киноцентре. Билеты спрашивали еж от метро. Я такого не видывала много лет.

Недавно, например, была на американской «Горькой луне» Романа Поланского — эротическое кино. Заплатила в кассе двести, в большом зале сидели человек сто от силы.

И вдруг на отечественное кино — и негде сесть аккредитованным журналистам. Стулья ставили в прохода.

И еще немножко — но чем-то другом, как в свое время назывался чешский фильм Веры Хитиловой. Вот о чем. На закрытии фестиваля на сцене были режиссеры, сценаристы, актеры, но все почему-то без бабочек. И без декольте. И без досин или чего там еще полагается. Стояли скромненько в свитерах и шарфах — в дорожном шарфе, например, был и победитель конкурса «Кино для своих» молодой режиссер Иван Охлобыстин. Я потому об этом говорю, что это такой контраст разным там «Никам» и «Оскам», в кино-то, пожалуй, здесь поинтересней, чем там. Я, конечно, понимаю — деньги не те. Но, может быть, это и хорошо? Что обошлись мы, наконец, без девочек без юбок, но зато с ногами и всем прочим!

Итак, первый приз по «Кино для своих», как уже говорилось, получил фильм «Арбитр» Ивана Охлобыстина. А по большому залу победителем стала картина Янниса Стрейча (Латвия) — «Дитя человеческое». И это еще раз подтвердило, что кино отчаянно сопротивляется невзыскательно суверенитетов: на фестивале мы видели и литовские, и латышские, и туркменские, и грузинские картины.

А вот смокингов не было, уж извините.

УНИВЕРСИТЕТЫ

Динара ФАТКУЛИНА

Рождение «альма матер»

Недавно состоялась презентация Московского колледжа современного искусства.

Почти двести студентов на конкурсной основе были приняты первыми еще в июне 1992 года. За четыре года обучения в шести мастерских колледжа готовят актеров, журналистов, кинорежиссеров, режиссеров и менеджеров шоу-программ, дизайнеров-сценографов и хореографов.

Платные негосударственные учебные заведения все еще не привычны для нас и вызывают (часто вполне обоснованное) недоверие. Поэтому, если и обращают абитуриенты на новоявленные учебные заведения внимание, то только, что называется, «на всякий пожарный случай». И плетется унылая молодежь поступать в незаконные университеты, «завалив» или «недобрав».

Но в колледж современного искусства пришли преподавать люди талантливые и известные, и хотя бы уже поэтому достойные доверия: режиссер-документалист МГУ Марина Голдовская, актеры Наталья Варлей, Василий Лановой и Владимир Носик, обозреватель «Московского комсомольца» Александр Аронов, детская писательница Марина Москвина и многие другие.

При колледже нет еще общежитий и не введены пока стипендии, но учатся в нем не только москвичи.

Колледж и примыкающий к нему лицей — результат идеи непрерывности обучения и ранней специализации — содержатся не средства от собственной коммерческой деятельности и на средства поддержки спонсоров: Московской ассоциации независимых творческих объединений и Российского балета на льду.

И, наконец, цель обучения в колледже. Цель смелая, новаторская и рискованная — создание своего универсального театра.

И хотя универсальность никогда не являлась гарантией качества, может быть, сегодняшние студенты Московского колледжа современного искусства не через десять, так через несколько десятков лет будут гордиться, что стояли когда-то у самых истоков возрождения авторитетного учебного заведения и театра, знаменитого своими спектаклями, актерами, режиссерами и драматургами.

Танго в лавке с корицей

В конце апреля в Санкт-Петербурге, а 2—5 мая в Москве (в помещении Театра имени Евг. Вахтангова) Российский национальный центр Международного института театра и Немецкий культурный центр имени Гете покажут спектакль, произведший в Берлине настоящий фурор. Достаточно консервативные театральные круги Германии не могли не признать, что театр Креатур, собранный и возглавляемый поляком Анджеем Вороном, и два его спектакля («Конец Богадельни» по рассказу И. Бабеля и привозимый в Россию — «Лавка с корицей») — одно из самых ярких явлений современного искусства Берлина.

«Лавка с корицей» поставлена по рассказам польского еврея Бруно Шульца, убитого в гетто в 1942 году. Пьеса включила в себя подробные и фейерические воспоминания автора о себе и о своем детстве. Действие наполнено жизнью и событиями: разговоры, танцы, совращения, пистолетные выстрелы, объяснения в любви.

Заучит прекрасное танго Януша Стоклоса в стиле ретро. И чуть-чуть пахнет корицей, продаваемой в лавке.

С. Н.

ВАЖНЕЙШЕЕ ИЗ ИСКУССТВ

ЕЩЕ ОДИН ФЕСТИВАЛЬ

станет доступен нашим кинематографистам. Какой именно — это стало ясно в центре искусств «Столица» (Центральный дом художника), где первым фильмом как раз и пошел наш «Сондрио — город фестивалей». А пробиться туда было весьма не просто, поскольку тематика этого, уже в шестой раз прошедшего в Италии кинофестиваля — парни и заповедники мира. Как заботимся мы о нашем природном богатстве, мы, увы, знаем. А как надо о нем заботиться — это и увидели москвичи в фильмах «Большой лес Наледонии» (Великобритания), «Фламинго — последний танец» (Новая Зеландия), «Нижберри — страна Ванджинных» (Австралия)... Всего десять лент, а наша — одиннадцатая, благодаря которой мы скорее всего и примем полноправное участие в этом фестивале этим летом.

«СМОТРИТЕ, КТО ПРИШЕЛ!» —

это только первая часть задуманного в столичном Киноцентре широкомасштабного смотра молодого кино. Под эгидой Ассоциации молодых режиссеров Союза кинематографистов России увидим мы первые работы и совсем не известных, и таких прославившихся режиссеров, как Негреба, Ковалов, Фомин... «Поколение девяностых» — так называется вся программа, которая продолжится в мае и июне программами выпускников ВГИКа. Спросите, кто же платит? Да сам Киномузей и выкручивается, растягивая свое 40-процентное финансирование из Роскино еще и на поддержку молодняк, которой до киномузейных коллекций еще ох как далеко. Но если не поддерживать, то ведь и — никогда?

НАШИ ВОСЕМЬДЕСЯТ ИЗ СТА —

такой счет отечественного кинематографа и изобретению братьев Люмьер. Впрочем, даже больше — восемьдесят два из ста возможных будет насчитывать летопись российского кино к 1995 году, когда пробьет вон пикир. Потому и решили пышно отпраздновать в киноведцентре «Москва» 80-летие первого русского кинотеатра. Его заслуга, этого бывшего Дома Ханжонкова, где сохранились даже перекрытия фундамент и стены, в том, что Россия вошла в число первых кинострран наряду с Францией, Германией, Англией и США... А отметить праздник решили первыми лентами наших великих кинорежиссеров Василия Шукшина, Андрея Тарковского, дипломными работами Никиты Михалкова, актера Леонида Куравлева и других нынешних корифеев. Тут же — выставки графики и живописи, а также фотографий об истории кино в России. И, разумеется, не обошлось без непревзойденного Шарло, чей смех сквозь слезы нам нельзя более соответствовал нынешнему празднику кино.

И. СЕМИН.

ВАШЕ ЗДОРОВЬЕ!

Эдуард ГРАФОВ

Это не его песни, это наши песни

Александр Городницкий подался в юбиляры

Все-таки странное это дело. Долгие годы дружить с обыкновенным, надежным человеком. Просто звонить от нечего делать ему по телефону. Просто бродить с ним по переулкам, заходить в баню, гонять количества водки. При случае орать друг на друга.

А человек этот — легенда! И какой-нибудь знакомый у тебя недоверчиво спрашивает: «Ты действительно знаком с Городницким?»

Я вот что подумал. Возьмем какого-нибудь очень талантливого поэта. И представьте, что его нигде не публикуют, а к телевидению и близко не подпускают. Ведь никто, кроме родственников и соседей, про этого поэта и не узнает. А Городницкий именно в таких вот своеобразных обстоятельствах сразу, почти с первых шагов, стал прославленным поэтом, автором знаменитых песен.

Ну кто, даже из нынешних «крокеров», не знает «Кожаные куртки», «А я иду по деревянным городам», «Снег над палаткой кружится»? Так вот, написаны они были еще в конце 50-х—начале 60-х годов. В ряду замечательных имен «шестидесятников» — Окуджавы, Высоцкого, Кима — стоит имя Александра Городницкого. Не каждому поэту довелось войти строкой в эпоху.

И вот что любопытно. Для меня гораздо бесценнее его известности его «неизвестность». Он, пожалуй, достиг наивысшего признания — некоторые его песни считаются народными. Например, «От злой тоски...» или «Над Канадой небо синее» точно ушли в фольклор. Дескать, какой-то хороший человек сочинил, разве обыкновенный поэт, мол, так напишет? Городницкому в одном из его таежных странствований даже показали всеми чтимую могилу человека, который написал «От злой тоски не матерюсь». Автору оставалось о своем авторстве только умолчать, а то, как он сказал, недолго было и по шее схлопотать за кощунственное самозванство.

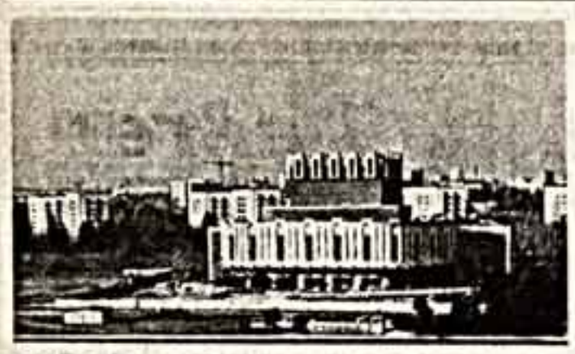
В песнях Городницкого такая щемящая простота, что кажется, будто ты сам их написал. Это объясняется не только редким талантом. Он жил и живет подлинную жизнь. Я прочитал его мемуарную книгу «И вблизи, и вдали». Александр Иванович Герцен на вопрос: «Кто имеет право писать свои воспоминания» ответил: «Всякий. Потому что никто их не обязан читать». Так вот, я все 464 страницы прочитал залпом. Воистину исповедь поколения! И становится понятным, почему он писал именно такие песни и почему они так нам дороги. Принимаю упрек за вычурность фразы, но песни ему продиктовала жизнь. И какая! Чего только ему на роду не было написано! Помимо радостей.

Почтительно склонимся пред седой головой члена-корреспондента Академии наук Александра Моисеевича Городницкого. Но путь к этому высокому званию прошел не он, а Алик Городницкий, бывалый, надежный геолог, обожаемый друзьями. Прошел в непрерывных тяготах таежных экспедиций. И то, что не раз смотрел смерти в глаза,— отнюдь не поэтическая фигура. Да, спускаться в океанские пучины в поисках Атлантиды — дело, конечно, романтичное. Но для него — это работа. Работа у него такая.

Получилось так, что у меня есть некоторое количество прославленных друзей. Но завидую я только Городницкому. И именно потому, что понимаю — я бы так не смог. Меня бы ни на такую жизнь, ни на такие песни не хватило.

До сих пор не пропускаю ни одного его творческого вечера. И каждый раз с волнением ожидаю, когда зал поднимется, как один, и огромным, могучим хором самозабвенно запоет «Атланты держат небо». И я, который не способен запомнить слов ни одной песни, стою вместе со всеми и пою, как могу, эту гимн молодости, эту клятву на верность.

Ну, какое признание для поэта дороже?! А то, что геологу жюбы 60 лет,— это недоразумение. Тектоническая ошибка веков и эпох.



ТЕАТР НА ОКРАИНЕ

Звучит мелодичный третий звонок, в зале гаснут фантастические люстры, открывается занавес, звучит божественная музыка Чайковского. И зрители переносятся в волшебный мир вечно прекрасной сказки о всепобеждающей любви. Мы привыкли, что такую красоту можно увидеть лишь на сценах Большого театра, Кремлевского Дворца съездов или Театра им. К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко. Вы удивитесь, но все это происходит далеко от центра столицы — в новом прекрасном здании театра в Кузьминках. Это «Лебединое озеро» танцует коллектив Московского государственного театра «Русский балет» под руководством Вячеслава Гордеева.

Много ли в столице отдаленных районов, которые могут похвастать такими театрами? Правда, строился театр довольно долго и мучительно, но зато удался на славу. Будучи «очагом культуры» района, своеобразным Домом искусств, он явился и градостроительной доминантой, завершившей архитектурный ансамбль большой площади у метро «Кузьминки».

Торжественное сооружение видно издалека: по обе стороны центрального входа «расцвели» два фантастических «дерева» с кирпичными «стволами» и с романтическими гроздьями светильников. Полукруглой формы фасад максимально раскрыт в окружающую городскую среду. Мощный выносной козырек с выразительными консолями над входом, контраст широких окон вестибюля и вертикальных линий окон фойе второго этажа создают неповторимый эффект. Особенно красиво здание вечером, когда горят окна, светильники, и благодаря удачному подсвету театр смотрится на фоне темного неба как волшебный сказочный дворец.

Он весь, как монолит, у него нет заднего (в традиционном понимании) фасада. Он одинаково привлекателен и красив со всех сторон — и со стороны белокаменного фасада, и с противоположной кирпичной части.

В театре предусмотрены два зрительных зала: основной и малый. Причем у малого имеется свой вход и гардероб. Со временем здесь планируется организовать детский театр.

Театр был открыт совсем недавно, в феврале. Беседуя с заместителем директора театра Николаем Столяровым, я попросила его немного рассказать об истории и первых шагах театра.

— Сейчас в здании работают два творческих коллектива: Московский государственный драматический театр (главный режиссер Рубен Вартанетов) и Московский государственный театр «Русский балет» (художественный руководитель-директор Вячеслав Гордеев). В будущем Дом искусств намерен устраивать выставки, организовать музей театра. На сцене будут выступать театральные коллективы Московской области. Большую помощь в оснащении здания оказывают администрация области и «губернатор» Московской области А. Тяжлов, а также областной Комитет по культуре и туризму. Налажены тесные связи с префектурой и муниципалитетом, проводятся работы по благоустройству сквера перед театром.

Самое любопытное, что при возведении здания театра использованы исключительно отечественные строительные и отделочные материалы, нет ничего зарубежного.

Хочется назвать авторов: В. Воробьев, В. Синицына, В. Павлов, М. Алексеев, В. Трошин. Соавторы — архитекторы В. Коршунова, Л. Фадеева, инженер Л. Песегова. Архитекторы, в свою очередь, благодарны строителям Мособлстроя, которые своей добросовестной кропотливой работой помогли воплотить в жизнь замысел зодчих.

Относительно здания есть много смелых идей. Одна из них — создать синтетический театр «Аполлон», где бы в одном спектакле можно было совмещать различные жанры сценического искусства: балет, мюзикл, драму. В настоящее время ведется работа по созданию музея театра, библиотеки театральной литературы. На спектакли регулярно приглашаются дети из дома-интерната, пенсионеры-ветераны. Хочется поздравить жителей района Кузьминки — им повезло!

М. ЕВСЕЕВА.

● *Здание театра в Кузьминках.*

ЧЕЛОВЕК «ТОГО ВРЕМЕНИ»

ИГОРЬ ГОСТЕВ И ЕГО НОВЫЙ ФИЛЬМ «СЕРЫЕ ВОЛКИ»

— Я — человек «того времени»,— начал разговор кинорежиссер Игорь Гостев.

«То время» — так мы называем сегодня годы, которые, как спрометчиво казалось нам еще год-два тому назад, бесповоротно занесены историей в свой «черный список». Но не так все просто. Ведь «те годы» — это тоже жизнь великого народа, неимоверно трудная, полная несвободы, породившая отвратительную «совковую» психологию, но — и прекрасная, как всякая живая человеческая жизнь. И, как в любой исторический отрезок времени, в «те годы» были попытки подлинного созидания, попытки что-то круто изменить в такой сложной жизни огромной страны. Одной из таких попыток явился и XX съезд коммунистов. У власти уже два года стоял Никита Хрущев...

— Я много раз видел Хрущева в жизни, в приватной, теплой обстановке, — говорит Игорь Гостев.— Хотя близко с ним знаком не был.

Новый фильм Игоря Гостева «Серые волки» воскрешает события той осени 1964 года, когда была резко свернута задуманная Никитой Хрущевым реформа и огромная страна, вздохнувшая было свободно, стряхнув сталинскую диктатуру, снова поползла вниз...

— Как лично вами тогда было воспринято известие о снятии Хрущева?

Игорь Гостев задумывается.

— Знаете, никак. Я работал. Был очень занят тогда. Не могу даже сказать, что помню чьи-то бурные реакции на это событие. Это сейчас общество до предела политизировано, а тогда оно ведь не было таким. Да и формулировка, с которой его сняли: «в связи с уходом на пенсию» — не очень насторожила.

Я понял, какая это была глыба, только уже собирая материал для картины «Серые волки». Сценарий мы писали «итальянским способом» — собирались компанией и обсуждали материалы. Драматургически все проработал Владимир Валуцкий, диалоги написал Валентин Алахнович, основным же автором был Александр Лапшин. Импульсом к созданию фильма послужила публикация в «Огоньке» воспоминаний Сергея Хрущева. Это сын Никиты Сергеевича, крупный ученый-кибернетик, он сейчас работает по контракту в Америке. Из его рук, а также из предоставленных им еще не опубликованных мемуаров отца мы получили массу ценнейших документальных свидетельств. А название — знаете, как оно родилось? Это ведь почти анекдотично. Мы когда-то с Вадимом Трункиным собирались писать сценарий о покушении турецкой мафии на римского папу. Организация, готовившая покушение, называлась «Серые волки». Но сценарий не получился, а когда я подумал о фильме, раскрывающем детали заговора против Хрущева, то вспомнил: «Серые волки»!

— Стало быть, все увиденное на экране имело место в действительности!

— Да. Ну, мы заменили какие-то фамилии — правда, очень немногие. Но абсолютное большинство фактов имело место в действительности. При этом я хочу подчеркнуть, что мы ни в коем случае не претендовали на строгую документальность — нет, мы всего лишь изложили свою, авторскую концепцию событий.

— Начинали вы как документалист...

— Не просто как документалист. В 1945 году я вернулся с фронта, был там ранен. Вылечившись, я пришел поступать во ВГИК — просто потому, что туда поступал мой школьный друг. Я поступил тогда на экономический факультет и окончив его, был направлен на «Союздетфильм» — так тогда называлась нынешняя Студия имени Горького. Потом «Союздетфильм» ликвидировали, а меня перевели на работу в группу специальных съемок. Это была группа операторов, снимавших закрытую правительственную тематику. Я проработал там четырнадцать лет. Снимали мы все — от первых испытаний атомной и водородной бомб в 1948 году до полета в космос Юрия Гагарина. По долгу службы мне приходилось быть в курсе многого того, до чего не была допущена даже курировавшая нас непосредственно Екатерина Фурцева. Консультировали нас такие крупнейшие ученые, как Курчатов, Сахаров, Векслер, Харитон... Это была прекрасная школа для меня, и сегодня, когда меня спрашивают о моих истоках как художника, я всегда отвечаю, что вышел из документалистики.

— И все-таки настал день, когда вы решили попробовать свои силы в игровом кинематографе.

— А меня он всегда интересовал. Потому-то я и пошел снова учиться во ВГИК — на сей раз на режиссерский факультет, к А. Б. Столперу. Конечно, я уже знал многие секреты режиссуры. Но мне хотелось пройти хорошую школу...

— Но документалистикой вы ведь с тех пор не занимались.

— Ну, как я сейчас понимаю, для моего ухода была еще одна причина. Всю нашу работу операторов объединения курировала хорошо известная организация. Не могу сказать, что это меня сильно огорчало, но и совсем уж не радовало. И вот однажды, помню, снимали мы испытания атомной бомбы на Новой Земле. Это было страшно. Я хотел было снять председателя Госкомитета по испытаниям. А он не захотел! И объяснил: «Я не хочу через несколько лет предстать перед трибуналом в Нюрнбергском процессе». После этого что-то во мне надломилось. Я понял, что не могу больше этим заниматься. Но уйти на «использование атомной энергии в мирных целях» было не так-то просто — я, как говорится, слишком много знал. Уехал в Ленинград, писал там сценарии. Там мне дали работу — на фильме Михаила Ершова «Родная кровь», потом я снял по своему сценарию детектив «Меченый атом».

— Но если судить по вашим следующим фильмам, вас очень привлекала военная тема!

— Совершенно верно. Мне больше всего хотелось снять что-нибудь о войне. Но до трилогии о войне я снял еще около десяти игровых короткометражек, некоторые получили призы на фестивале короткометражных фильмов в Загребе, работал вторым режиссером. Потом мне передали постановку, от которой отказался другой режиссер. Это была экранизация книги Семена Цвигуна «Мы вернемся». Сценарий мне резко не понравился. Я набрался мужества и сказал: хочу поговорить с автором! Мне эту встречу устроили, я привез Цвигуну свои сценарные разработки и честно сказал, что книга мне нравится, а сценарий нет и я хотел бы быть поближе к книге. Цвигун со мной согласился...

— Но сценарий всей трилогии писал ведь не он!

— Нет. Сценарий всех трех фильмов — «Фронт без флангов», «Фронт за линией фронта» и «Фронт в тылу врага» — писал Вадим Трункин. Цвигун, кстати, был против создания и второго, и третьего фильмов — он считал, что нужно остановиться на истории 41-го года, на истории окружения. Собственно, первая картина, по-моему, на самом деле лучшая. Она получила главный приз на кинофестивале в Дели. Хотя за всю трилогию я получил много призов здесь, в России...

— И затем — вызывавшие споры политические картины... на современные темы — «Европейская история» и «Загон» — и вдруг... «Беспредел»!

— «Беспредел» — это был качественно иной вариант, как бы прорыв в иную проблематику. Нам со сценаристом Л. Никитиным очень помог Вадим Бакатин, он занимал тогда пост министра внутренних дел. Благодаря его разрешению мы объездили около двадцати лагерей в разных концах страны, познакомились с жизнью «зэков» как следует.

— Это было продиктовано вашим пристрастием к документальности!

— А это пристрастие у меня было всегда. Я вообще очень люблю острый материал на документальной основе. Так ведь сделаны и «Серые волки» — основа целиком связана с реальными событиями.

— И тем не менее «Серые волки» — это чисто художественная картина. В ней нет ни одного документального кадра. Почему?

— Мне многие советовали вести в фильм документальные кадры. Я не стал этого делать, меня интересовала не реакция народа, а трагедия крупного политического деятеля, которого все предали. А документальные кадры увели бы меня в сторону от задачи, от концепции.

— Как вам работалось с Романом Быковым?

— Прекрасно! Я долго не мог уговорить его сниматься, а сначала долго не мог сам решиться. Когда я сказал ему, что хочу его попробовать на Хрущева, он сказал: ты сошел с ума! Ведь за Быковым тянется репутация Айболита, мастера детского кинематографа. Исторически личностей он, за исключением гротесковой роли в фильме Сергея Овчарова «Окно», никогда не играл. Я сказал ему: ты можешь не быть похожим на Хрущева, но не будь Быковым! А сейчас я думаю, что в моем фильме он сыграл одну из лучших своих ролей. Я вообще очень люблю снимать хороших актеров и делаю ставку не на одного героя, а на актерский ансамбль. Между прочим, для Александра Белявского мое предложение сыграть Брежнева было такой же неожиданностью. А по-моему, сыграл он превосходно. Мы привыкли видеть Брежнева старым маразматиком. А он таким был только в последние годы. В 1964 году это был молодой, полный сил мужик. Таким его и надо было играть...

— В фильме намеренно не просматривается моральное отношение к происходящему!

— Я никого не осуждаю. Принципиально. Тот же Леонид Ильич — я никогда не поставлю его рядом с Хрущевым, он куда мальчик, но и тут упрощать нельзя. Он же по-настоящему воевал, по-настоящему военный человек. А руководить при Сталине такой областью, как Днепропетровская,— это значило ходить по острию ножа. А потом взял да и всех обыграл...

— А могли бы вы рассказать поподробнее, что вы думаете о Хрущеве?

— Говорю вам, это был великий реформатор. В отличие от всех остальных он старался облегчить жизнь народа. Сейчас мы все позабыли, что он сократил армию на два миллиона человек, чтобы перевести эти деньги на сельское хозяйство, что он отменил льготы партаппаратчикам, хотел разогнать весь партаппарат. Сколько врагов себе нажил! Все они возле него сидели как на угольях. Все боялись. Это был человек-ртуть. А Карибский кризис! Ведь мир был на грани войны. Представьте себе, что бы на его месте натворил Брежнев! До сих пор ругаем «хрущобы» — да, плохенькие квартирки, плохенькие домишки, но ведь все-таки лучше, чем житься в подвалах общежитий! А это сделал он, Хрущев. Не самая главная его заслуга — это, конечно, XX съезд, освобождение миллионов. А сейчас всё это заслоняется тем, что он не любил интеллигенцию, разогнал выставку в Манеже. Кстати, под конец жизни он как бы прозрел, принимал у себя на даче Евтушенко, Вознесенского, Неизвестного. Кстати, памятник Неизвестного на могиле Хрущева — это, по-моему, художественно точно воспроизведенный его облик.

Видите ли, мы судим с позиций своего времени и многого не видим. Впрочем, история всегда субъективна...

— И последний вопрос. Довольны ли вы своей судьбой?

— Да. Я очень рад, что мне присвоено звание народного артиста России. Я знаю, что есть люди, которые говорят, что звания им не нужны, но хватает их имени, но почему-то они сразу умолкают, как только это звание получают. Я очень рад, что картину «Серые волки» будут показывать на майском кинофестивале в Каннах. Это моя двадцатая картина, и у меня снова много творческих планов...

Беседу вел Д. САВОСИН.

Был ли болен дирижер?

Уже провожая меня к лифту, когда магнитофон был выключен, когда, казалось бы, многое было сказано, он признался: «Я счастливый человек. Если бы мне пришлось начать жизнь сначала, я бы все повторил. Все. Я ни о чем не жалею».

Судьба Рудольфа Баршая поразительно похожа на десятки других музыкантских судеб, тех, кто не побоялся сделать этот шаг — уехать. Его имя было одним из первых в череде имен, покинувших страну в годы застоя. Сбежал от несвободы, бюрократизма, глупости. А как еще можно назвать чиновничий страх перед заграницей, незуитское примучивание тех, кто, может быть, никогда и не решился уехать, остаться там и оставить здесь то, что было дорого.

— Меня пригласили дирижировать Лондонским филармоническим оркестром,— рассказывает Рудольф Борисович.— Но импресарио, который организовывал эти гастроли и приехал в Москву, сказали, что я болен. Случайно он оказался у меня на репетиции. Он подбежал ко мне и спрашивает: «Вы больны?» «Нет»,— отвечаю я. «Поехали в аэропорт, надо срочно лететь в Лондон».— «Я не могу, у меня даже паспорта нет»,— говорю. «Да вы что! На вас же все билеты проданы». И убежал в Министерство культуры. Не помню точно, к какому начальству: «Баршай не болен». «Болен», — отвечают ему. «Нет, не болен. Я только что был на его репетициях». «Нет, он болен. Мы лучше знаем». Так тогда моя поездка и сорвалась.

Жизнь здесь, Баршай был невыездным. Оркестр гастролировал без него, а он перед гастролями натаскивал музыкантов на выступления без дирижера. Конечно, так долго продолжаться не могло. Уехав, Баршай обрел все. Ему действительно, наверное, не о чем жалеть. Он работал с лучшими оркестрами — Лондонским филармоническим, Берлинским филармоническим, практически со всеми английскими, многими немецкими, три года — с оркестром в Ванкувере, несколько лет — постоянным приглашенным дирижером оркестра Национаь де Франс. Он подданный Ее Величества Королевы Великобритании, живет в Швейцарии, в деревне с громким названием Рамлинсбург.

— Когда мы там поселились, там было всего триста шестьдесят жителей. С нами триста шестьдесят два. Прекрасное место! Почему я его выбрал? Меня пригласили швейцарские друзья, которые живут в Базеле. Это в центре Европы, здесь все близко. До Лондона, куда я езжу раз сорок в год, час лета. И потом это место очень напомнило мне мою родину. Я ведь родился на Северном Кавказе. Мои предки были казаками. Так вот, это место в Швейцарии похоже на места под Железноводском. Мы купили там кусочек земли, построили дом.

Он свободен. И все-таки Баршай не мог спокойно отреагировать на вопрос, почему уехал. Конечно, сегодня можно было бы уже об этом не спрашивать. Постепенно становится нормой нашей жизни, когда люди могут работать там, где они хотят и где их хотят. Нет, Баршай действительно ни о чем не жалеет. Но точно знаю, что, несмотря на все сложности и глупые перипетии судьбы невыездного музыканта, годы работы с Московским камерным оркестром для него самые дорогие. Недаром ведь он так и не захотел подолгу работать ни с одним другим камерным оркестром (полтора года он был художественным руководителем Израильского камерного, Камерного оркестра Европы, который организовал Клаудио Аббадо), а потом и вовсе ушел в большие оркестры. Он очень звал Борноуский симфонический оркестр, с которым он проработал шесть лет. И все же в конце концов пришел к выводу, что лучше быть свободным, не связанным ни с одним оркестром в качестве худрука.

— Понимаете, я решил освободиться, чтобы принимать все интересные предложения, которые поступают. Но, конечно, в этом есть и свои минусы. Свои идеи, идеалы не передашь, когда нет чего-то постоянного.

Московский период был классическим по завершенности воплощения идей и идеалов. Баршай не только основал первый в СССР камерный оркестр, но и создал замечательные образцы исполнения Моцарта, Гайдна, Вивальди, Шостаковича. Сегодня невозможно представить себе нашу музыкальную жизнь без камерных оркестров, пожалуй, самого популярного вида исполнительского творчества среди публики. Но начиналось все с памятного концерта Московского камерного оркестра, который состоялся весной пятьдесят шестого. Это было начало.

Баршай всегда был идеальным дирижером. Не случайно после его отъезда из Союза оркестр тихо-тихо чах. Баршай был не только «первой любовью» оркестра, его основоположником. В нем соединялось все — любовь и послушание, авторитет, воля и человечность. Таких отношений, как с ним, больше у оркестра быть просто не могло. Если бы даже пришел дирижировать гений. Баршай был идеальным дирижером.

Он таким и остался. Он приехал в Москву, в Россию, когда, казалось бы, все наши «бывшие» здесь уже перебывали. И хоть он и говорит, что причина одна — занятость, все же есть в нем самом некая естественная логика, которая и привела его в Россию тогда, когда схлынул дешевый ажиотаж, сопровождавший все без исключения гастроли «наших оттуда». Афиш, как водится у нас, не было.

— Узнаю Москву,— обронил Баршай.

И все же яблоку на концертах упасть было негде.

Да, Москва есть Москва. Но Баршай есть Баршай. Он всегда из всех возможных вариантов выбирал самые сложные. На вопрос, почему же он не приехал с одним из западных оркестров, он ответил:

— Зачем, если в России есть такие прекрасные коллективы, как Большой симфонический оркестр «Останкино» и Российский национальный симфонический, которым руководит Плетнев.

И программу Баршай выбрал посложнее — редко звучащую у нас Девятую симфонию Малера и Торжественную мессу Бетховена. Вот так. Кланяться перед публикой он не будет. И все равно его любят все. И публика. И музыканты. Правда, он ведь счастливый человек.

Вера КОЛОСОВА.

● *Рудольф Баршай.*

Фото А. Абазы.

ГОРИЗОНТЫ

В составе последнего Верховного Совета, тогда еще единого и могучего Советского Союза, оказалось беспрецедентное число деятелей изобразительного искусства. Избранные самими художниками высшие руководители их творческого союза впервые за всю историю нашего государства получили возможности почти ежедневных личных контактов с высшими руководителями последнего. Если не кривить душой, то все мы прекрасно знаем, что именно у нас подобные возможности могли бы оказать весьма существенное влияние на формирование важнейших для искусства, судьбоносных, как тогда говорили, законодательных актов. И ведь нужно было совсем немного прозорливости и предвидения, чтобы загодя обеспечить художникам необходимый минимум социальных гарантий на период грядущих, а ныне уже обрушившихся на нас перемен, чтобы «провести» решения, которые могли бы затем стать прообразом аналогичных уложений для любой из составных частей распавшейся сверхдержавы.

Увы. Рядом с кормилом почему-то очень часто отходит на дальний план забота наших избранников об интересах тех, кем они были непосредственно избраны. Мэтры не стали исключением из этой банальности: мы не единожды лицезрели на телеэкранах пламенные выступления начальников от художества, но вещали они совсем не о том, для защиты чего, собственно, получили от художников свои полномочия...

А потом время словно ускорило свой бег, и вот уже нет ни былого Союза республик, ни былого Союза художников. Руководители оного «по принципиальным соображениям» удалились в отставку, и все заверения о личной ответственности, как водится, остались только пустыми, просто так сказанными когда-то словами. Роскошный особняк, где слова эти произносились, перешел во владение организации, к прежним художественным структурам отношения не имеющей, столичная, самая мощная художественная организация передала свои помещения в аренду структурам сугубо коммерческим и отнюдь не художественным, нет уже, разумеется, и подобия тех возможностей влияния на государственные институты, которые были, кажется, еще так недавно. Иные из ораторов бывших наглухо замолчали, другие рассуждают теперь в интервью о своих взаимоотношениях с иностранными предпринимателями, а между тем здешнее, домашнее положение художников, можно сказать, уникально среди прочих специалистов.

Это положение людей на толкучке. Положение людей, брошенных на произвол судьбы по профессиональному признаку — в том и состоит уникальность.

Как бы мы к тому ни стремились, у нас пока все-таки не Запад. Любой специалист у нас где-то работает и, соответственно, получает зарплату. Гарантирована пенсия пенсионерам, стипендия — студентам, временно не работающие в некоторых пор имеют пособие. Художнику не гарантировано ничего, он не имеет права даже на статус безработного, поскольку числится в некой организации, однако организация эта не обеспечивает ему ни рубля. Да, он может продавать свои произведения — но много ли покупателей? Да, можно апеллировать к заграница — но у многих ли есть с ней личные связи? Можно быть мастером, участвовать в самых престижных выставках, иметь монографии о своем творчестве и пребывать при этом в состоянии полной незащищенности от превратностей рыночной конъюнктуры, в состоянии, едва ли не убийственном для людей, десятилетиями опиравшихся на достаточно солидную базу творческого коллектива, членство в котором, стоит заметить, всегда было результатом серьезнейшего профессионального отбора. И надо ли доказывать, что сегодня, при нынешних темпах инфляции и ценах на художественные материалы такие, в общем-то, обычные для творчества ситуации, как непопадание в моду, как неудача, как временный спад или снижение «продуктивности» по каким-либо житейским причинам, означают для художника что-то поистине страшное?..

В данном случае, впрочем, речь не об этом. Она о том, что роль тех новых, все еще не привычных для нас образований, которые мы готовы с долей пренебрежения рассматривать лишь как порождения бизнеса от культуры, сегодня гораздо значительнее, чем проблемы купли-продажи. Те самые, в частности, художественные галереи, о которых стало уже привычным слышать, что-де «как грибы», что-де «базар» и «наживка», становятся по существу главной опорой выживания творческой личности, а соответственно и всей нашей художественной культуры в целом. Более того, их деятельность — это уже теперь, сегодня звено искусства как такового. Для примера тут достаточно взглянуть хотя бы только на апрельские экспозиции одного только Центрального дома художника.

Вот, скажем, та из них, что развернута уже в фойе главного этажа — выставка, организованная галереей Марата Гельмана. Не без иронии названа она тривиально: «VII Съезду депутатов России посвящается». И в самом деле — демонстрируется здесь, по су-

ИЗО-НОВОСТИ

Недавно был ограблен музей знаменитого своими ювелирами аула Кубачи (Дагестан). Похищено много ценных вещей, среди них сабля, принадлежавшая Надир-шаху.

Сотрудники петербургского управления Министерства безопасности задержали контрабандистов, пытавшихся переправить через границу России с Эстонией иконы XVIII—XIX вв., предметы культа, художественные изделия из золота и серебра.

ГИЛЬДИЯ ХУДОЖНИКОВ КИНО

В России появилась Гильдия художников кино, которая устроила свою выставку в Республиканском фильмоцентре во время апрельских киноторгов. Задача выставки: показать своих авторов — от студентов ВГИКа до известных художников, предложить свои цены, которые варьируются от 10.000 до 250.000 рублей. Гильдия вывозила за границу выставку «Художники театра, кино и телевидения», прошедшую довольно успешно, так как сорок процентов работ было продано. Сегодня продавать картины трудно и на Западе, и у нас. Но главная трудность Гильдии художников кино России — налоги. В 1992 году она, как коммерческая структура, перечислила в бюджет 50% своих доходов.

ОГРАБЛЕННЫЕ МУЗЕИ

Сегодня не новость грабежи художественных ценностей. Статистика просто удручающая: если в 80-х в год регистрировались сотни хищений, то в 90-х счет пошел на тысячи. За последние годы ограблены музеи Москвы, Санкт-Петербурга, Звенигорода, Серпухова, Калининграда...

А вот примеры новых ограблений: из музея г. Сочи преступники вынесли картины Айвазовского, Коровина, Поленова.

НОВЫЙ ЖУРНАЛ

У Общества коллекционеров появился свой журнал. Он называется так же, как и старое издание 20-х годов,— «Среди коллекционеров», которое за четыре года своего существования стало известно по всей России и за рубежом. Сегодня эти старые выпуски — раритет, который не встретишь и в антикварных лавках. Пока новый журнал скромно оформлен и выходит в виде книжицы в мягкой обложке с черно-белыми иллюстрациями. Его сотрудники, видимо, богатые духом люди, задумавшие журнал в то время, когда закрываются даже те издания по искусству, которые имели уже налаженное производство. Это журнал энтузиастов для энтузиастов.

КНИГА О РОДЕНЕ

Еще не улетучился запах типографской краски со страниц книги, только что появившейся на прилавках магазинов,— Д. Вейс «Нагим пришел я» (М., Республика, 1993). Это переведенный с английского увлекательнейший роман о жизни и творчестве французского скульптора Огюста Родена, а по сути дела со страниц книги предстают события, истории, нравы художественной элиты Парижа эпохи Родена.

Н. ДАНИЛЕВИЧ.

Под сводами кирхи

Признаться, не ожидал от сдержанных поморов таких аплодисментов. И уж совсем не укладывались в стереотипный образ крики «браво!» в зале после исполнения «Вивальди-оркестром», выступавшим в те дни в Архангельске, «Времен года» Антонио Вивальди, сочинения, ставшего своего рода визитной карточкой ансамбля.

«Времена года» — в наше безвременье? Что должна вызывать музыка гения барокко в измученной душе россиянина? Мелодии, искрящиеся, как бенгальские свечи, идиллические, пасторальные картины. Жанровые сценки, достойные фламандской кисти. Казалось бы, все настолько далеко от нашей действительности. И, оказывается, так близко. Так созвучно сегодняшнему мироощущению.

Два дня под древними сводами бывшего евангелического храма, а ныне концертного зала Архангельской областной филармонии, витал дух великого итальянца. Изящное, напоминающее корабль, здание восемнадцатого века — свидетель истории. Оно пережило пожары, революции, войны. Чего только не устраивали в его добротных стенах: склад, столовую мореходки, спортзал... Его хотели выкупить иностранцы, но городские власти не уступили. И вот храм продолжает служить уже в новом качестве. Предметом особой гордости хранителей зала являются его замечательные акустические свойства и орган немецкой работы, он считается одним из лучших в Европе. Недаром здесь проходит международный семинар органистов. Не перевелись еще среди архангелогородцев ценители настоящей музыки. У зала свой постоянный слушатель. Сюда приходят и семьями. Входная плата пока позволяет. Билет на «Вивальди-оркестр», истати, стоил почти столько же, сколько чашечка кофе в буфете и в семь раз меньше, чем вход в местный Дворец спорта, где на другой день гастролировала Маша Распутина.

Женский оркестр трудно слушать с закрытыми глазами. Его надо еще и видеть. Но успех ансамбля достигается прежде всего профессионализмом. Повседневными, многочасовыми репетициями. Оркестру пошел пятый год. Время, когда пора оглянуться, чтобы выверить путь. «Вивальди» уже добился признания и популярности. Подготовлено 25 программ. Впечатляет география гастролей. Оркестр часто выступает в российской глубинке. Вот и в этом году, кроме Архангельска, еще и Смоленск, и Вологда — гастрольный круиз, обретший форму своеобразных фестивалей, получивших название «Фантазии российских городов». И повсюду его встречает благодарная публика.

Конечно, есть у оркестра свои трудности, но, как утверждает его художественный руководитель Светлана Безродная: «Музыкант не может жить на благостной почве. Ему нужны страдания... А еще — творческая среда, без такой среды талант задыхается». И добавляет: «Мечтаю быть в окружении талантов».

Наступает вечер, и музыканты — красивые девушки в элегантных бело-черных одеждах — занимают места в оркестре. Безродная взмахивает смычком, оркестр берет аккорд, еще один, третий... И в зале-храме божественно звучит музыка. В тот вечер оркестру удавалось почти все. Кажется, сама Екатерина, патрон бывшей кирхи, благоволила к нему. Оркестр бисировал. Когда зрителям все-таки пришлось отпустить музыкантов, и солистке подошел за автографом мальчик лет двенадцати, юный скрипач. Его спросили: «А у тебя есть мечта?». Мальчишка ответил замечательно: «Быть в оркестре».

Наверное, это нечто большее, нежели просто вместе исполнять музыку. Жаль только, что у взрослых это чувство с годами стирается.

К. ШИЛЬНИКОВ.

АРХАНГЕЛЬСК — МОСКВА.

ПРЕМЬЕРЫ

Бедный трубадур!

Семнадцатое оперное дитя Верди, «Трубадур», в прошлом веке оказался самым удачливым. Первая постановка в Риме привела зрителей в восторг. Далее он прошел по многим городам Европы, не миновал и России. Впрочем, русские музыканты отнеслись к нему довольно строго. Как писал А. Серов, либретто «...мастерально... мелодраматических ужасов... значительно превосходит... самые чудовищные пьесы... с адскими интригами, кровавыми развязками, ядами, кинжалами, преступлениями и мщениями всех сортов». А Стасов и Чайковский «легко запоминающуюся музыку» «Трубадура» сочли «простоватой и вульгарной».

Все это вспомнилось на спектакле, показанном на прошлой неделе в Большом театре. Да, оперу эту любят, публика воспринимает ее горячо, как все, что знакомо, что на слуху, ее волнуют «адские интриги и кровавые развязки». Но исполнители должны управляться с ними аккуратнее. Как легко, поддавшись искусу мелодрамы, утратить истинно высокие музыкальные ценности партитуры, как легко «простоватости и вульгарности» принять гипертрофированные формы.

Возобновление «Трубадура» можно считать в какой-то степени премьерой. Спустя 21 год после постановки в Кремлевском Дворце съездов (тогда ее осуществил немецкий режиссер Э. Фишер), она, наконец, нашла свое законное пристанище на «родной» сцене. Освободившись от технической оснащенности КДС, певцы получили возможность слышать собственные голоса, общаться в ансамблях с партнерами, живо откликаться на руку дирижера.

Конечно, механическим переносом обойтись было невозможно: пришлось и декорации переписывать «по размерам», и мизансцены менять и поправлять. В некотором роде премьерным можно считать и итальянский язык. Нынче стало нормой петь на языке оригинала. А помните длительные горячие дискуссии на эту тему, которые велись еще совсем недавно! Сейчас уже ряд спектаклей идет на итальянском, на очереди после «Трубадура» — «Бал-маскарад». Уже переучивают. Смею сказать, что, поскольку большинство певцов в Большом театре страдают одной болезнью — плохой дикцией, не столь уж важно, какие слова произносит солист или хор — все равно их не разобрать. Куда важнее добиться, чтобы звучание музыки было близко к нотному тексту. Вот это задача номер один! Но она-то во многом и не решена.

Неожиданно полезла на первый план оперная вампука. Бедный Манрико (П. Татаров) для большей выразительности переходил то на выкрики, то на говорок, а вот в тональность «попадал» не всегда. В своем мелодраматическом запале срывался (и не раз) на истошный визг З. Смольянинова — Леонора.

Все мизансцены, по существу, выстраивались так, чтобы певцы всегда могли видеть дирижера, а если случалось им куда-то немного удалиться от рампы, в нужную минуту они срочно перестраивались вне зависимости от смысла и содержания эпизода.

Увы, и это не всегда спасало. Много случалось несогласий, «несовпадений» с текстом партитуры и в ариях и тем более в ансамблях. Уж больно много «несчастных случаев», даже если списать все на волнение, сопровождавшее первый показ по существу новой работы. И каких несчастных случаев! В общем-то неплохой певец с очень приличным голосом, В. Редькин умудряется интонационно «перегнать» оркестр на полтона; опытный вроде артист, даже со званием, П. Татаров поет свою заученную арию почти на полтона ниже. Накладка за накладкой и у хора. Пожалуй, только оркестр (дирижер Ф. Мансуров) оказался на высоте. У него все в порядке — и интонационно, и эмоционально, и стилево. Однако одному оркестру не спасти оперный спектакль, особенно такой, как верди-евский «Трубадур», где все должно петься, где голосу — широкий простор, где в сложнейших вокальных ансамблях завязываются и разрубаются запутанные сюжетные узлы.

Мне показалось, что возобновление, да еще капитальное, сделано в спешке. Дай-то Бог, чтобы я не ошиблась: ведь я ни в коей мере не отношусь к «злопыхателям», всегда с радостью отмечающим ошибки и недостатки в главной опере России. Может быть, на то и похож сейчас мой критический запал, ибо зрители принимали горячо, оказались добрыми и отзывчивыми, иной раз даже чересчур: не успевал еще их любимец артист раскрыть рот, а крик «браво» уже разрывал воздух. Были цветы, были аплодисменты — понятно, аура Большого театра, она всегда действует.

Одно только в этой связи показалось удивительным — громкие аплодисменты заведующего оперной труппы Евгения Райкова. Ему-то как раз следовало бы огорчиться за своих подопечных. Не излишнее ли благодушие — публика, мол, нравится, вот и прекрасно!

М. ИГНАТЬЕВА.

Печальный ангел

Думаю, нечасто можно встретить на театральной афише имена Н. Тэффи, А. Аверченко и А. Вертинского — имена поистине замечательные, хотя Тэффи и Аверченко, вместе сотрудничавшие в журнале «Новый Сатирикон» и из эмиграции не вернувшиеся, были долгое время незаслуженно забыты. Объединил их на сей раз спектакль, название которому дала песня А. Вертинского «Желтый ангел». А идет он на Малой сцене Театра имени Моссовета в постановке Андрея Житинкина.

Мы помним обращение этого режиссера в прошлом сезоне к литературе Серебряного века — «Собачьему вальсу» Л. Андреева. То была «поэма одиночества», решенная в импрессионистских тонах, даже с некоторым уклоном в иррациональное, под аккомпанемент мелодий, звучавших и возвышенных, создающих атмосферу обреченности и отрешенности героев от мира, в котором живет предательство. Нынешний подход А. Житинкина к иному пласту литературы имеет совсем другую тональность. Скорее ироничную (близкую Аверченко и Тэффи). Хотя и с некоторым налетом ностальгии и грусти, звучащим в песенной лирике Вертинского:

...Я усталый старый клоун,
Я машу мечом картонным,
И в лучах моей короны
Умирает светоч дня.

Крушение не только идеалов, но всего уклада жизни, вынужденная эмиграция многих и многих представителей русской интеллигенции — все это не могло не сказаться на интонации литературных произведений, рожденных в ту непростую пору. Авторы спектакля подошли к этой теме без модного нынче сокрушительного нигилизма, не с точки зрения своего сегодняшнего превосходства над ее вершителями, а как бы встав рядом с теми, кто жил и творил тогда. С Аверченко, Тэффи, Вертинским...

Предложенный нам сценический симбиоз литературы и музыки привычнее было бы назвать литературно-музыкальной композицией. И все же это — спектакль, хотя по существу он лишен обычной игровой сути, единой сюжетной основы и весь построен на разговорах. Но разыгрываемые перед нами сценки из произведений писателей рождают ощущение непрерывающегося действия.

Исполнителей двое: Ника Дробышева и Анатолий Адоскин (он же автор сценической версии «Желтого ангела»). Дробышева в роли Тэффи и Адоскин в роли Аверченко — лишь условность, всегда меняющаяся. Сейчас — авторы, а через минуту они перевоплощаются в героев своих произведений. В этих перевоплощениях нет фальшивых и пошлых нот — и когда речь идет о Ленине, и когда говорится о русском писателе-эмигранте, постепенно забывающем свой язык и свою родину. Текст легок и изящен. И революционно-эмигрантская тема, такая уже вроде бы изъезженная вдоль и поперек, звучит свежо, с давно забытым терпким языком, присущим только русской интеллигенции той поры.

Сценическая площадка, дабы мы не чувствовали обмана, расположена посередине между двумя небольшими зрительными залами и перегорожена по диагонали фиолетовым газом (художник Мария Рыбасова). Дробышева выполняет весьма замысловатые, почти акробатические этюды на лестнице и на канате с прикрепленными к нему кольцами, проделывает интересную игру с красивыми платками, раскладывая их по сцене, завязывая узлами, неторопливо переобувается в пуанты, словно готовясь встать к балетному станку... Существенная деталь — эта женщина в широченных восточных (константинопольских?) шароварах играет русскими платками!

Ностальгия, грусть, ирония, обрамленные музыкальной лирикой, зовут к сопереживанию, создают тревожно-возвышенный настрой спектакля.

Сочиненный Вертинским желтый ангел, спрыгнувший с догоревшей праздничной елки, словно реет над судьбой всех опальных поневоле. Тех, кто, живя в «дешевом электрическом раю», мужбины, плачет о прошлом и терзается настоящим, стараясь не думать о будущем. И даже тех, кто доволен, уже почти забыл родину и былое и Невский проспект стал путать с Крещатиком.

Ангел жалеет и обнимает в безволии ресторанного певца, «усталого старого клоуна», а герой Адоскина, выходящий сначала в стилизованном клоунско-арлекинском воротнике, в финале снимает его с себя. Ибо сожалеющих и обнимающих на сцене нет. Истинные интеллигенты не считают, что имеют на это право. Быть может, этим правом авторы спектакля предоставляют возможность воспользоваться нам, сегодняшним зрителям? Только имеем ли мы его?

Татьяна МИНАЕВА.

● Сцена из спектакля.

Фото В. Петрусовой.

В Тверском государственном драматическом театре состоялась премьера спектакля «Бесприданница» А. Н. Островского. В этой новой работе главного режиссера В. Ефремовой заняты ведущие артисты театра В. Хонина, Н. Андрианов, А. Чубков, А. Сафронов и другие.

● Сцена из спектакля.

Фото М. Андерсен.

Без любви

Из названия знаменитой пьесы Ю. О'Нила выпало слово «любовь». Злоба жизни, мстительность, вытесняющие светлые чувства, движут героями спектакля петербургского Большого драматического театра имени Г. А. Товстоногова «Под вязами» в постановке Т. Чхеидзе. Величественная природа, окружающая ферму Кэботов, еще привлекает взгляды, но красота уже отравлена духом разрушения.

Эфраим и Абби замерли в золоте пшеницы на фоне ослепительно-голубого неба, словно позируя для роскошного портрета. Они женились на ферму как победители-хозяева.

Долгий неподвижный начальный кадр задаст статику всей постановке. Нарочитая традиционность режиссерских приемов, симметрия мизансцен и сценографического решения: слева — кухня, справа — спальня (художник Г. Алекси-Месхишвили), отчетливая доходчивость символов (белое и черное платья Абби, комната покойной матери Эбина, поднимающаяся из люка, словно могильный холм), сокращение пьесы на целую треть, почти однозначная четкость образов подчеркнут прямолинейность и чудовищность рассказываемой истории. «Под вязами» — спектакль о существовании в преддверии конца, о распаде основ, незыблемость которых казалась вечной.

Каждый из трех героев ощущает себя властителем маленького государства-фермы. Эфраим как создатель, Абби — хищная завоевательница, Эбин — несправедливо обделенный наследник. На маленькой территории столкнулись деспотизм и порок. Эбин (В. Самер) — жалкое, забитое существо, пытающееся оспаривать свои права, но не имеющее сил на протест, способное лишь на ожесточение, стал игрушкой-волаком, перебрасываемым Эфраимом и Абби.

Привыкший все подчинять своей воле, Эфраим Кэбот в исполнении К. Лаврова не подозревает о скорой гибели устоев, им же заложенных. Спокойная, уверенная сила, умение повелевать и приказывать сочетаются в этом могучем старике с доверчивостью, опьяненной обманом. Мощный темперамент актера прерывается в торжествующем танце на столе в сцене праздника в честь рождения ребенка. Эфраим Лаврова не слышит издевательств изгоняющихся гостей, не замечает, что золотые колосья стали сухой соломой, чья бесполезная спелость — зыбкая видимость достатка. «Непонимание» — любимое слово Эфраима, но он не жалуется, а скорее, наслаждается тем, что его не понимают, упивается своей отделенностью от мира обыкновенных, приближающей его к небесам. Он самозабвенно погружается в молитвы и воспоминания, озаряющие его глаза.

Абби Е. Поповой — воплощение бездушной жестокости. Актриса выговаривает текст с усердием переводчика-синхронista, голос застрял на одном пронзительном металлическом звуке, боясь отклониться хотя бы на тон от выбранного регистра. Пластика Поповой «говорит» гораздо выразительнее ее речи. Молодая хозяйка дразнит и искушает Эбина вольными изгибами стройного сильного тела, дерзкими вскидываниями гордой головы, вызывающими взмахами белокурых кудрей. Развязность сменится скупостью движений подавленной Абби-матери, чей позор осмеян соседями. Сдержанность взорвется преступлением — убийством своего и Эбина ребенка.

Символом умершей чистоты видится комната-могила матери Эбина.

Чувство собственничества обитателей фермы гипертрофировано. «Спалил бы дом, посевы, деревья, все до последней былинки. По крайней мере знал бы, что все погибло со мной и никому не достанется то, что я потом и кровью здесь создал»,— заявляет Эфраим Кэбот. Жестоко расправляется жизнью своего младенца Абби. Месть, приводящая к убийству невинной жертвы, обнажает агонию извращенного сознания.

Финал спектакля вернет композицию начала. Небо и поле поглотят опустошенных героев. Тревожная серая мгла заставит испуганно оглянуться уходящих в небытие Эбина и Абби, содрогнуться содеянному. Земля, на которую ступила женщина-детоубийца, уже никогда ничего не создаст. Поэтому-то и ушло из названия спектакля такое светлое и чистое слово — «любовь».

Е. ГУБАЙДУЛЛИНА.

«ГЛЯЖУ ЗА ТЕМНУЮ ВУАЛЬ...»

«Посвящение» — так назывался вечер в Концертном зале имени П. И. Чайковского, задуманный и проведенный художественным руководителем Московского хореографического театра «Балет России» Борисом Мягковым. Посвящался он Рахманинову. Хореографические опусы на его музыку, фортепианные произведения в интерпретации талантливого молодого пианиста С. Главатских, Вокализ в исполнении певицы В. Плахотной, а еще стихи Бунина, взволнованно прочитанные артистом Нового театра С. Казаковым, — вот такой «набор». Но если вы думаете, что это был обычный концерт, в котором одни номера просто сменяли другие, то ошибаетесь.

Б. Мягков сумел так построить и режиссерски организовать программу, что она стала своеобразным спектаклем-дифирамбом, музыкально-пластическим панегириком Сергею Васильевичу Рахманинову. Не было объявлений ведущего, поклонов, все возникало и длилось на одном дыхании. Вечер воссоздавал особую атмосферу искусства Рахманинова, который жил и творил как бы в «эпицентре» русской культуры, он преклонялся перед Чайковским, нежно любил Чехова и Бунина, был связан творческой дружбой с Шаляпиным, с корифеями Художественного театра.

Хореографические опусы Мягкова представляют собой интересную и серьезную попытку пластического воплощения музыки Рахманинова. Чуткость хореографа заключается в том, что он обращается к традиции русской хореографии, избегая сложных, изощренных модернистских построений. Следует вспомнить, что сам Рахманинов, не имея репутацию «новатора», «модерниста», продолжал и развивал глубокие традиции русской музыки, и эта позиция не сулила большого «шума» вокруг его имени.

Мягков «говорит» на языке хореографической классики, но как бы освобожденной от жесткого канона, от всякой парадности, создающей образ естественного порыва, правдивого чувства, искреннего душевного взлета. У него обретают выразительность такие простые средства, как стремительные, легкие пробеги, трепетные соединения рук, задумчивые паузы, невысокие целомудренные поддержки. Впечатлению помогают простые белоснежные костюмы, лишенные каких-либо украшений. Пластические монологи, дуэты, развернутые композиции, протяженные, кантиленные, «мелодичные» танцевальные фразы и движения вызывают в воображении поэзию дворянских усадеб, бензину чеховского цветущего вишневого сада, очарование полотен Борисова-Мусатова, графики Добужинского, скульптур Матвеева. Возникает мир воспоминаний или мечты.

Хореограф создает как бы пластический «портрет» творчества Рахманинова. М. Добужинский писал в своих воспоминаниях о композиторе: «Пожалуй, лучший портрет Рахманинова — небольшой, чрезвычайно тонкий и строгий и в то же время как бы «завуалированный» рисунок К. Сомова». В композициях Мягкова присутствуют эта «завуалированность», лирическая дымка, придающая тонкость рисунку его танцевальных воплощений, может быть, иногда однообразных, но, несомненно, обаятельных в своей неприхотливой, но красивой простоте.

Танцовщикам, объединенным единым стилем спектакля, порой не хватает необходимой здесь одухотворенности, но исполнение Т. Рыжовой, М. Рост, М. Негробова, Н. Церингера, А. Галкина несет в себе признаки артистичности, которых требует эта «несложная» хореография.

Рахманинов говорил: «Есть еще кое-что, что так же важно, как ноты, и это — душа, и еще: «Музыка должна идти от сердца». Хореография Мягкова идет от сердца.

Б. ЛЬВОВ-АНОХИН.

ТОЛКУЧКИ

ществу, род искусства, откровенно политизированного, отражающего в той или иной мере воззрения определенной части творческой интеллигенции на современную нам общественную ситуацию. Кто-то раздаст эти воззрения, будет солидарен с саркастической, ернической даже оценкой художниками случившегося на съезде, кто-то будет им возражать — важно иное: сам факт, что и в условиях рынка художественное творчество словно бы заново обретает привычное для него поле для прямого участия в происходящем вокруг.

А рядом — выставка совершенно иная. Галерея, представляющая ее, именует себя «Нео-шаг» и декларирует поиск новых шагов, новых путей самой отечественной живописи — вне зависимости от меры актуальности ее сюжетов и тем. Любопытно при этом, что новое видится здесь таковым уже по отношению к тому, что мы по инерции принимаем за авангардное. Там, в фойе, еще «концепт», «инсталляции» и прочая, прочая, еще некое шоу-зрелище, немыслимое вчера, только приобщающее нас к тому художественному языку, на котором уже довольно давно изъясняется чуть не полмира,— здесь, в залах, «нормальная живопись». Совсем не такая, как бывшая у нас нормативной, но и бесконечно далекая от моды на радикальное отрицание традиционной изобразительности. «Хорошо забытое старое»? Почему бы и нет: так или иначе, но подобное направление творческих исканий существует в сегодняшнем художественном процессе, и опять-таки благо, что есть возможность достаточно концентрированного его выражения.

Насколько сообщается она с задачами сугубо коммерческими? Однозначно тут не ответишь. Скажем, на выставке, устроенной галереей «Айдан», демонстрируется произведение, являющее собой добрую сотню помещенных под потолок над чисто белой стеной одинаковых табличек со словами «новая работа», исполненных, правда, во всем мыслимом разнообразии шрифтового искусства. Трудно представить себе покупателя, который приобретет это произведение для украшения малогабаритной квартиры. Но, с другой стороны, здесь же захвалены как некий товар и зримые доказательства права на существование живописи, начисто отвергающей работу с цветом: «Айдан» показывает на этот раз почти исключительно черно-белые полотна, порой виртуозные, изысканные, вполне «покупабельные».

Галерея, которая называется «Крымский вал», в аннотации к экспозиции «Санкт-Петербург в Москве» без обиняков указывает, что ее основная цель — продвижение отечественного искусства на международный художественный рынок. Но даже она — как о том красноречиво свидетельствует характер показанного — исповедует, проводит в жизнь строго определенную эстетическую платформу: вариации постмодернистского толка. Еще более «продажный» вид имеет выставка Олега Федорова, устроенная галереей «Акция»,— это почти салон, пряные ландшафтики и «натюрмортики для населения». Однако и это позиция, программа, если угодно, творческое кредо владельцев данного предприятия.

Или экспозиция наивного искусства, которую предлагает галерея, принадлежащая известному художнику-примитивисту Леониду Пурыгину. Конечно же, и тут очень многое ориентировано на извлечение прибыли — трезвый расчет на любителей экзотики очевиден. И вместе с тем нельзя не увидеть и на этой выставке направленный творческий акт, утверждение в калейдоскопе искусства конкретных, четко обозначенных ценностей. Не меценатство тут и не спонсорство получается — продолжение «иным путем» того же, во что верит, что делает в собственном творчестве сам «представитель артбизнеса».

Но довольно примеров. Они взяты действительно как примеры, могли быть и другие, более располагающие к подробному анализу, к оценочным категориям, которые отвечали бы вкусам, более любезным сердцу того или иного читателя. В конце концов сегодняшние галереи и в самом деле разнолики, очень неравноценны, помимо настоящих профессионалов, руководят ими подчас люди совершенно случайные. Дело не в этом. Важно, что галереи эти берут на себя сегодня значительную долю ответственности за судьбы нашей художественной культуры. Важно, что полный вакуум чувства подобной ответственности, наверное, невозможен в принципе. Да и вообще ответственность за что-либо, за настоящее и будущее того или иного явления, по-видимому, имеет свойство к перераспределению: когда ее недостает на уровне универсальном, всеохватывающем, она переходит в совокупность каких-то частных слагаемых, в то, что достижимо через личную инициативу, пускай и не вполне самозабвенно-альтруистическую. Слава Богу, что это так — иначе мы уже ныне имели бы «художественную жизнь», лишь подобную той, что булькает у подножия Дома художника, где идет «дикая» торговля дешевкой в золоченых рамах, ни к искусству, ни к мало-мальски просвещенному вкусу не имеющей никакого касательства.

И все-таки вопрос о горизонтах «толкучки» в нашем искусстве остается открытым. Изобилие проблем, решение которых жизненно необходимо для полноценного функционирования отечественной культуры, заведомо неподъемно для организаций, подобных художественным галереям,— они неизбежно субъективны, да и возможности их достаточно ограничены. Во всяком случае в настоящее время. И рассчитывать сейчас только на них так же безответственно, как уповать на скорейшее поголовное благосостояние граждан только через их сотрудничество с зарождающимся отечественным бизнесом.

От забот о судьбах художественного творчества пока что никуда не уйти и на уровне общенациональном, общезначимом, государственном. Забот не абстрактных — «моральных», «идейных» и тому подобное — не таких, что достигают обычно лишь администрации важных учреждений, а вполне осязаемых конкретной творческой личностью. Ясно при этом, что наиболее трудно ныне в искусстве тем, чье творчество не ориентировано лишь на доходы, тем, кто, собственно, делает искусство как таковое. Этих людей, по масштабам страны и даже одного города, не так много: с момента образования Союза художников большинство их объединено именно в этой профессиональной организации, равно далекой как от безмятежного любительства и графоманства, так и от порядков и нравов торгового предприятия. Со временем, разумеется, ситуация станет иной, и эти люди, с одной стороны, приспособятся к условиям, в которых с ранней юности обратаются их зарубежные коллеги (да уже и наши молодые художники также), с другой — так или иначе попадут под опеку локальных рыночных структур, подобных тем, о которых шла речь.

Пока, однако, и то, и другое лишь в зачатке, лишь в перспективе, и реальные трудности переходного периода могут оказаться катастрофичными по последствиям. Для многого и для многих. Из нашего искусства уже выпадают целые звенья, исчезают из поля зрения, утрачивают творческую энергию талантливейшие художники. По существу, вопрос о формах посильной для страны, пускай минимальной, но надежной и персональной поддержки действующих лиц нашей культуры становится сегодня центральным для тех, кто так или иначе соприкасается с ее будущим. Для одних это составляет прямую должностную обязанность, другие, действуя на самом верху, не раз говорили о своей приверженности к понятию «культура», а иные даже об индивидуальной склонности к рисованию. Какова же в отличие от предшественников мера их личной ответственности перед духовными перспективами нации — об этом скажет уже ближайшее будущее.

Т. РЫХЛОВА.

КИНО: ПРОЦЕСС ПОШЕЛ?..

...ПЯТЫЙ АКТ

Мы, помнится, размышляли о том, что обучиться грамотному киноязыку и набить руку в формальном профессионализме намного легче, чем воспитать способность и самостоятельному художественному мышлению. Каждый день посылает новые примеры. Да ведь какие показательные!

Борис Бланк — знаменитость. Как художник-постановщик, он участвовал во многих десятках картин, в том числе и в создании шедевров отечественной классики. Теперь самолично взялся за режиссуру. И что же — оказался режиссером на уровне. Эффектно строит кадр, изобретательно разводит мизансцены, удачно монтирует.

Виктор Мережко... Это имя вообще на слуху. За спиной — полсотни поставленных сценариев, если не больше. Уже снимается сам, и, знаете, не хуже некоторых артистов,— даже когда озвучен чужими голосами. О «Киноплаторме» нечего и говорить — тут Виктор Иванович выказывает таланты и психолога, и эксперта, и дипломата, и в какой-то степени рекламного авторитета. Всё — по делу. Всё — нравится зрителю.

И вот собираются два этих профессионала вместе, и рождается у них мысль, которая до того никому не приходила в голову и, я думаю, никогда не придет: а что если действие «Трех сестер» перенести в 1918 год?

Сначала немного хроники и очень много разъясняющих титров.

Хроника абсолютно ничего не значит, но кое-что обозначает. С ее помощью обычно в игровой сюжет врываются надличные, вселенские силы: война, революция... Ну так получите ожидаемое и распишитесь. Вот вам траншеи, выстрелы, трупы, вот вам толпы, одетые в серые солдатские шинели, вот митинги и свержение памятников.

Застенчивый писатель, певец сумерек, четырнадцать лет покоится в могиле. Мир ему. А война — нам. Поскольку книги переживают великих авторов, драмы, запечатленные Чеховым, волнуют и сейчас. Давайте оттеним скандалы в одном семействе приметами всеобщей российской катастрофы... Дадим титр: «1918 год. Крым».

Пьеса, хоть и писалась в Ялте, ничего собственно крымского не содержит, ни в приметах природы, ни в подробностях быта. Вокзал в пяти верстах от города — прямая деталь географии Таганрога. Но фильму важен именно Крым — опять-таки символическим смыслом. Этакий оазис, куда пока что не добрались ни красные, ни зеленые. Если Василий Аксенов накатал роман о Крыме, превращенном в остров, то почему бы нам не увидеть здесь отстойник прошлой, поверженной культуры, последний полустанок перед эмиграцией? Тем красочнее, мужественнее, тем восхитительнее прозвучит навязчивый рефрен: «В Москву, в Москву, в Москву!»

В какую, пардон, Москву? Прямехонько на Лубянку, что ли?

Во время оно я смотрел чеховского «Медведя» в постановке провинциального театра. Если помните, герой с ухватками мужлана требует долг с покойника, нисколько не снисходя к трауру вдовы. Выставить его нельзя: он рычит, что без денег не уедет и плюхается на диван. «Вы селы?» — изумлена хозяйка. В спектакле, который я видел, было крошечное добавление. Бесцеремонный гость сначала швырял на диван фотокарточку покойного, в темном картонном паспарту, а затем уже опускался сверху и еще порывал в знак крайнего хамства. «Вы... се-ли?» — блеяла хозяйка на грани обморока. «Сел!» — «Се-ли?..» — «Сел!» Несмотря на такое святотатство, все оканчивалось, как предписано, поцелуем.

Первая пытка, которой подвергли Чехова в фильме «Если бы знать», ведется по тому же рецепту. Персонажи обмениваются чеховскими фразами, но в таком контексте и при таком окружении, что все звучит или нелепо, или чудовищно.

На тусклом фоне глухого быта неловкие шутки и выходки Соленого можно объяснить плохим воспитанием, болезненной неуверенностью в себе, гордыней без выхода. В фильме перед нами хладнокровная скотина с лицом дегенерата, с тяжелым взглядом вполне созревшего палача из контрразведки. Да и кому под стать шутки про зажаренного ребенка в разгар гражданской войны, где справа, слева, отовсюду — кровь и боль, осиротевшие, если не искалеченные дети!

Названо время другого цвета, не такого, как на переломе веков. И, сунув в это жуткое время героев, пусть даже безвременья, наши два Сократа угощают нас абсурдным, совсем не смешным капустником. Если сейчас Чебутыкину все равно, одним бароном больше или меньше, если сегодня полковник Вершинин прекраснодушно болтает лирическую чушь, то, черт нас дери, за что же Антон Павлович любил своих героев?

Но Бланк и Мережко, кажется, тоже их любят,— и это самое интересное в их клиническом эксперименте.

Второй способ вздернуть Чехова на дыбу — «развить» и «домыслить» его.

Известно по всем книжкам искусствоведов, что Наташа — воплощение пошлости, и пошлость съела, подчинила, заразила Андрея. Ну-ка, переведем на наш язык! Для нас, граждан СНГ, ничего нет пошлее буфетчицы. Готово! Пусть Наташа заведует привокзальным буфетом, а Андрюша, приверженец скрипки, играет в здешнем оркестре. Наташа «повзала за продуктами»,— так Мережко дополняет Чехова. Завидное, не правда ли, чувство стиля! Протопопов, по талантливой догадке, «получает продукты» из спецраспределителя. Разумеется, доктор Чебутыкин, чтобы как-то жить, торгует коканном. Все так в тоне, так натурально, что, кажется, вот-вот распахнется дверь и войдет еще один чеховский персонаж по фамилии Фрунзе, чтобы прекратить это безобразие.

Ну и, конечно, поправили классика в его общеизвестном ханжестве. В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и расстегнутая одежда, и обнаженная грудь,— как у Ольги в ее снятии с гимназистом, прямо тут же, в бурьяне, недалеко от вокзала. Впрочем, на каждой из трех сестер лежит печать чарующей сексуальной озабоченности. Что бы они ни изрекали, глаза говорят: хочу — и все.

Приятель предлагал мне название для рецензии: «Четыре акта трех сестер».

Всего огорчительнее пятый акт — тот, которому подвергли писателя.

Если бы знать... Если бы знать, что возможна такая духовная некрофилия,— глядишь, злосчастные «Три сестры» не вышли бы из-под пера.

Виктор ДЕМИН.

P. S. И все-таки почему 1918-й? Почему, например, не 1937-й? Кажусь, куда логичнее получалось: Протопопов—фюрер из местного ЧК, Наташа — сексотка, Андрей перекинулся в «спецы», Тузенбах кокнули свои же недобитые белогвардейцы, за то, что слишком много болтает,— зато с каждым арестом очередного родича освобождается новая жилплощадь для Бобика...

Бр-р-р! Боюсь продолжать. Поймают на слове и поставят.

P. P. S. Говорят, в Венгрии экранизировали «Трех сестер», перенеся действие в 1990 год, в военный поселок наших войск на территории этой страны. И по отзывам, представьте себе, фильм получился замечательным. Без коканна, без «половухи», без надрывной скрипки в привокзальном буфете.

Бывает же!

В. Д.

СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ ПРЕССА

БЕЗ ССЫЛОК НА ПРЕЗИДЕНТА

Стивен Коэн о проблеме помощи России

В пользу оказания «широкомасштабной помощи России» высказался известный американский ученый, директор программы русских исследований Принстонского университета профессор Стивен Коэн. В опубликованном интервью газете «Монд» он отмечает, что обещанная президентом США Б. Клинтоном в ходе встречи в верхах в Ванкувере помощь России в размере 1,6 млрд. долларов «не сможет оказать существенного воздействия на экономическое положение в России» и является скорее политическим актом поддержки российского президента в преддверии референдума 25 апреля. С. Коэн отмечает в этой связи, что, судя по данным последних опросов, население США в большинстве своем негативно относится к расширению масштабов помощи России, и в этих условиях помощь должна исходить не от США, а от всех стран «семерки».

По мнению американского политолога, всем странам Запада необходимо существенно расширить объем помощи России, сопровождая ее меньшими условиями. В противном случае, отмечает он, может произойти то же, что произошло в июле 1991 года, когда западная помощь была обещана, но практически так и не была предоставлена бывшему СССР. Если бы два года назад бывший президент СССР возвратился в Москву с более конкретными обязательствами со стороны Запада, то августовского путча могло бы не произойти, считает С. Коэн. В течение последних двух лет Запад дает России множество обещаний и советов, но мало конкретной помощи, и россияне уже устали ждать. Первыми результатами такого разочарования может оказаться то, что для многих граждан России, лишившихся своих сбережений и оказавшихся за чертой бедности, их беды начнут ассоциироваться с Соединенными Штатами, на которые они возложат ответственность за последствия шоковой терапии в России. Преодолеть эту негативную тенденцию можно лишь за счет резкого — до 20—30 млрд. долларов — увеличения объема помощи России, не делая при этом акцента на том, что эта помощь является поддержкой лично президента России.

«Сложности, которые переживает сейчас Борис Ельцин, во многом объясняются провалом его экономической программы»,— отмечает С. Коэн. По его мнению, кризис в России не ограничивается конфронтацией между «президентом-демократом и парламентариями-коммунистами», между реформаторами и консерваторами. В основе разногласий — разные подходы к процессу реформ, и, как считает американский профессор, «существовали лучшие пути постепенных преобразований в стране, чем тот, который избрал президент России и поддержали Соединенные Штаты». В любом случае, указывает С. Коэн, россияне сами должны определить, какой тип реформ больше им подходит, не оглядываясь при этом на США и не слишком прислушиваясь к советам различных международных финансовых организаций, чьи эксперты не могут адекватно оценивать обстановку в России. (ИТАР—ТАСС)

ПАРИЖ.

НАШИ ЗА ГРАНИЦЕЙ

Новый успех Хворостовского

Замечательный баритон Дмитрий Хворостовский — уже сложившийся артист в расцвете молодого магнетически притягательного таланта. Такую восторженную оценку дала «Сан-Франциско кроникл» дебюту российского певца на сцене концертного зала «Дэвис-холл».

30-летний сибиряк, отмечает газета, исполнил прекрасные, проникновенные романсы Чайковского, Рахманинова и Мусоргского «завиколепно поставленным голосом необыкновенной глубины. Он раскрыл, окрасил и оттенил чувства, значимость и поэзию этих романсов. В каждом из них он сумел передать всю полноту чувств, не впадая при этом в сентиментальность и мелодраматичность, столь соблазнительные в таком репертуаре. Это — проявление подлинных эстетичности и зрелости».

Высокой оценки удостоился и аккомпаниатор Михаил Аркадьев, который «продемонстрировал замечательную, безупречную технику».

(ИТАР—ТАСС)

САН-ФРАНЦИСКО.

«Князь Игорь» в победном походе

Мировая премьера новой редакции оперы Александра Бородина «Князь Игорь» состоялась в итальянской столице в Большом зале Национальной музыкальной академии «Санта Чечилиа».

Солисты, оркестр и хор Мариинского театра оперы и балета из Санкт-Петербурга показали «Князя Игоря» в концертном исполнении. Постановщик оперы — художественный руководитель и главный дирижер театра Валерий Гергиев. Зрители, до отказа заполнившие зал академии, следили за текстом по итальянскому переводу, специально выполненному для премьеры живущим в Риме русским музыкантом Валерием Воскобойниковым.

Успех превзошел все ожидания. Сегодня, когда так склен интерес к нашей стране, опера Бородина, прославляющая Русь и ее свободолюбивые традиции, прозвучала весьма современно и мощно. Громом аплодисментов приветствовала публика великолепный хор и слаженный оркестр Мариинского театра под управлением Валерия Гергиева. Долго вызывали солистов — баса Булата Минжилкиева, создавшего запоминающийся образ Кончака, сопрано Валентину Цыдыпову, спевшую партию Ярославны, исполнителя заглавной роли Николая Путилина.

Нынешние зарубежные гастроли прославленного коллектива начались в Палермо, на Сицилии, с показа оперы Римского-Корсакова «Садко». Турне будет продолжено на концертных сценах Австрии, Англии, Голландии, США, Швеции и Японии.

(ИТАР—ТАСС)

РИМ.

ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

СНЫ О РОССИИ

«Великие события: Россия в 90-е годы» — так называется грандиозная телевизионная серия, о создании которой объявлено в субботу вечером на проходящем в этом городе на юге Франции международном рынке телепрограмм «МИП — ТВ-93». Цель этой серии — показать различные аспекты российской жизни через взгляд 6 выдающихся режиссеров мирового художественного кино.

Работа является плодом коллективных усилий компаний и талантов различных стран. Финансируется проект «Чекко филмз» (Италия), распространением программы будет заниматься «Уорлдвижн Энтерпрайсиз» (США), в ее создании непосредственное участие приняла Российская государственная телерадиокомпания, которой принадлежат права на трансляцию фильма в бывшем Советском Союзе.

Наш проект можно считать новаторским, да и само событие, которому он посвящен, грандиозно, рассказывает исполнительный вице-президент «Уорлдвижн Энтерпрайсиз» Берт Коэн. Сами того не сознавая, мы живем в историческую эпоху, символом которой стали события в России. Будущее России отразится на будущем всей планеты. Для того, чтобы найти достойное отражение этой эпохи, мы решили поступить необычно: поручить 6 выдающимся режиссерам из 6 разных стран создать по собственному желанию часовой телефильм. Этот проект стал примером всемирного сотрудничества, закладывающего основу новой формы телевидения, которое не только сможет информировать, но и сближать народы разных стран.

«Великие события: Россия в 90-е годы» будет состоять из 6 отдельных документальных фильмов. Режиссер Питер Богданович (США) работает над лентой «Русские женщины». Жан-Люк Годар (Швейцария) занимается прошлым России и тем влиянием, которое история страны оказывает на ее народ. «Вера и суеверия» — так назвал свою серию Вернер Херцог (ФРГ), а свой час Нобухико Обаяси (Япония) отдал детям. Наконец, две последние серии посвящены русскому искусству, прежде всего музыкальному (Кен Рассел, Великобритания) и такому загадочному для всех иностранцев понятию, как русская душа, о которой будет снимать фильм Лина Вертмюллер (Италия). Для соединения воедино этих шести неверлика разнородных и окрашенных индивидуальным восприятием фильмов, для общего представления серии создатели программы привлекают перо писателя Юрия Нагибина.

Проект был задуман 5 лет назад, подготовительная работа началась 3 года назад, все съемки завершатся в середине текущего года, а на экраны он выйдет в 1994 году. Всего в производство инвестировано 12 млн. долларов.

Предложение снять такой фильм в условиях полной свободы творчества было невероятно заманчиво, вспоминает Кен Рассел. Сейчас Россия — самое интересное место в мире, ее люди получили все права, которых были лишены, и я хотел это показать в фильме, посвященном музыке. Во время работы я чувствовал себя немного, как Алиса в стране чудес, сразу не мог понять, почему и что там происходит. Я до такой степени загорелся Россией, что теперь хочу снять там еще один документальный фильм и один художественный, подхватывает Вернер Херцог.

Я всегда испытывал страсть к России, сказал в беседе с корр. ИТАР — ТАСС Лина Вертмюллер. Через русскую культуру мне был понятен ее мир, я многие годы думала о России, о русской душе. Русские мне кажутся похожими на наших неаполитанцев: в них бывает столько отчаяния, столько бессознательного юмора, иронии, стремления открыть свою душу. Сейчас события развиваются очень быстро, Россия вызывает огромный интерес, но мне не кажется, что фильмы, которые будут сделаны в рамках этой программы, устареют: журналисты фиксируют повседневность, кинематографисты заглядывают дальше. Я еще не приступила к съемкам и думаю, что эта работа будет особенной и полной неожиданностей.

Н. ЕРМАКОВ.

КАНН.

НА РАЗНЫХ ШИРОТАХ

ОВАЦИИ ЮНЫМ

Известных австрийских деятелей культуры и искусства собрал Российский культурный и торговый центр в Вене, где с большим успехом прошел концерт юных музыкантов из Казани, Кемерова, Нижнего Новгорода, представляющих международную благотворительную программу «Новые имена». Под сводами старинного особняка на Брамс-платц разливались волшебные звуки флейты, звучали произведения Чайковского, Баха, Рахманинова, Шопена, виртуозно исполненные юными пианистами, скрипачами. Зал с восторгом чествовал молодые таланты, которые подарили благодарной австрийской публике минуты истинного наслаждения, сделав этот вечер ярким и запоминающимся.

Музыканты, находившиеся в Австрии по приглашению Министерства культуры и образования Альпийской республики, выступили также в Венском международном центре, в концертных залах австрийской столицы, и везде их встречали овациями, букетами цветов.

ВЕНА.

КРАСНЫЙ СВЕТ В XXI ВЕК

Только 10 процентов древних памятников европейской архитектуры доживут до 2000 года, считают эксперты итальянской неправительственной организации «ИКРОМ», которая занимается проблемами сохранения классических произведений искусства.

Основная причина грядущей неминуемой гибели многих выдающихся свидетельств древней культуры — загрязнение окружающей среды в больших городах. Эта проблема не знает границ и одинаково актуальна для памятников былого величия Древнего Рима, для испанских соборов и французских замков.

Кислотные дожди, загрязнение воздуха парами бензина и другими токсичными отходами привели к тому, что на наших глазах разрушаются неповторимые творения человеческого гения. В Италии к памятникам, находящимся в зоне наибольшего риска, относятся, например, колонна Траяна в Риме, знаменитые кони на венецианской площади Св. Марка и ажурный средневековый собор города Орвието.

Причинами разрушения памятников становятся и вибрация, и птичий помет, и действия человека, как в случае с римским Колизеем, из стен которого на протяжении нескольких веков брали каменные плиты для строительства других зданий.

По мнению директора итальянского НИИ атмосферного загрязнения Иво Аллегрини, требуется срочно принять специальную программу лечения пострадавших памятников с использованием целого комплекса мер по их очистке и консервации. Ни в коем случае нельзя одевать их, как предлагают некоторые, в защитные колпаки из органического стекла или плексигласа, заявил ученый в интервью информационному агентству АНСА.

РИМ.

Своими руками

Джина Лоллобриджида и сама считает себя счастливой. А с точки зрения простых смертных она просто любимица фортуны. Эту красивую женщину природа одарила многими талантами — она киноэзвезда, скульптор, фотограф, дизайнер, наконец, хорошая мать. Недавно она стала кавалером высшего французского ордена Почетного легиона. Свой римский особняк Джина декорировала по своему вкусу, а он у нее безупречный, да и средств хватило. Среди обстановки большого, уютного дома жного места занимают произведения, созданные ее руками.

● *Джина Лоллобриджида в уголке особняка на фоне своих картин и фотографий. Над ее головой — портрет любимого сына Милко.*

Фото из журнала «Пари-матч».

ВЕСНОЙ В ПХЕНЬЯНЕ

В столице КНДР в разгаре «Апрельская весна» — традиционный международный художественный фестиваль дружбы. В лучших залах Пхеньяна выступают артисты из стран всех континентов, лауреаты различных конкурсов, известные художественные труппы. Много коллективов, представляющих корейцев, проживающих за рубежом — в Японии, Китае, США, Казахстане и др. Многие из них — традиционные участники фестиваля, который проводится каждый год по случаю дня рождения «великого вождя» Ким Ир Сена (15 апреля президенту КНДР исполнился 81 год).

«Театры битком набиты публикой», констатирует печать, с удовлетворением отмечая, что в репертуар артистов вошли художественные произведения, посвященные Ким Ир Сену и Трудовой партии Кореи. Кроме того, фестиваль призван содействовать укреплению культурных связей и сотрудничества между деятелями искусства.

Среди гостей — несколько коллективов из СНГ, в частности Российский ансамбль фольклорных песен и пляски, украинский ансамбль народных песен и плясок «Калинка», коллективы из Беларуси и Молдовы, демонстрирующие не только искусство своих стран. «Артисты из России отлично исполняют корейскую «Песню о пожелании вождю», а солист из «Калинки» — песню «Будем следовать только за вождем», отмечают газеты.

Корейские зрители, которых совсем не балуют концертами зарубежных артистов, очень тепло принимают гостей. По вечерам пхеньянцы собираются у телевизоров, радуясь удачным номерам иностранцев.

ПХЕНЬЯН.

По сообщениям корреспондентов «Культуры» и ИТАР—ТАСС.

ОПАСНЫЕ СЪЕМКИ

С неожиданными трудностями столкнулась съемочная группа нового фильма Ал Пачино «Путь Карлито», которая в настоящее время ведет натурные съемки в Нью-Йорке. Им запретили снимать в подземке, без которой американцам представить себе крупнейший город США не менее трудно, чем без небоскребов Манхэттена.

Как утверждает городское транспортное управление, съемочная группа забыла, что находится не на съемочной площадке в одном из павильонов Голливуда. По словам сотрудников нью-йоркского метро, киношники бесцеремонно сняли мешавший им металлический столб, просверлили дырки в потолке.

Продюсер фильма Мартин Бергман с возмущением отвергает эти претензии. «Это нью-йоркская съемочная группа,— заявил он.— В нашем контракте оговорено, что мы ремонтируем все, что повредили».

НЬЮ-ЙОРК.

СМЕРТЬ «СОРОКАПЯТКИ»

Во Франции пластинки в 45 оборотов в минуту, как говорится, «приказали долго жить»: французские производители приняли решение прекратить с мая их выпуск. Причина проста—сокращение спроса в пользу лазерных компакт-дисков.

В прошлом году, свидетельствует статистика, во Франции было продано 5,1 млн. таких пластинок против 75,7 млн. компакт-дисков. Правда, пластинок в 33 оборота было продано еще меньше — всего 200 тыс., но официально их производство пока не прекращается.

Серж де Пуа, генеральный директор компании «Мулаж э прессаж де л'Уэст», которая ежедневно выпускает 280 тыс. компакт-дисков и 20 тыс. виниловых пластинок, считает, что «с виниклом заканчивают несколько преждевременно, поскольку спрос на них еще остается и далеко не у всех есть аппаратура для компакт-дисков».

Однако с ним не согласен Оливье Монфор, заместитель директора крупнейшего столичного магазина «Виржини, торгующего книгами, музыкальными дисками и видеокассетами. Молодежь 15—20 лет, говорит он, в последние три года явно отдает предпочтение компакт-дискам, которые продаются в нашем магазине десятками тысяч в месяц.

Быть может, заместитель директора «Виржини» и прав, но в соседней Германии и Великобритании, судя по местной печати, «хоронить» виниловые пластинки пока не торопятся. Более того, в Японии, как сообщают, в прошлом году продажа виниловых пластинок даже несколько увеличилась...

ПАРИЖ.

ПЕРО ЖАР-ПТИЦЫ

Не каждому музыканту выпадает такая удача: взять в руки скрипку Страдивари, прикоснуться к ней смычком и услышать пение старинного инструмента. Синяя птица такого счастья закружилась над Максимом Венгеровым, нашим восемнадцатилетним соотечественником, который вот уже несколько лет живет в Париже. Практически мальчиком он уехал туда вместе с группой таких же талантливых ребят и сразу обратил там на себя внимание.

Недавно в знаменитом концертном зале Плейель Максим Венгеров дал концерт, на котором играл произведения Брамса. Звучно пела скрипка Страдивари в сопровождении оркестра под управлением великого Клаудио Аббадо. В зале был, как говорится, весь Париж, прежде всего музыканты, а также влиятельные персоны: банкиры — чета Ротшильдов, промышленные короли, принцессы Орлеанские.

Все это случилось благодаря известному меценату Бернару Арно, который не пожалел денег на организацию такого удачного сочетания молодости музыканта и вечного благородства Страдивари.

● *Максим Венгеров и чета Арно.*

Фото из журнала «Пари-матч».

ДИСКУССИИ

Кризис в исторической науке: реальный или мнимый

СВЯЩЕННЫЕ КОРОВЫ

Что же такое все-таки история? Встала ли она на путь истинный за последние годы, когда, казалось бы, созданы все условия для объективной, добросовестной оценки пройденного Россией пути? Как вести себя ученым сегодня, когда поникла львиная голова Маркса, опустилась призывная рука Ильича?

Недавно в Москве международной научной конференцией «Россия в XX веке: судьбы исторической науки», организованной по инициативе Института российской истории при Российской Академии наук, эти и другие вопросы поднимались, как никогда, остро и открыто. Многими докладчиками и выступавшими делалась попытка дать более или менее объективный ответ на вопрос: что же произошло с исторической наукой, попавшей в круговерть постперестроечных лет?

Действительно, открытие новых источников и архивных документов не могло не потрясти основы общественного мировоззрения. Потрясти весьма болезненно. Общество было смущено, растревожено тем, что открылось в прошлом. Как отмечали в своих выступлениях многие участники конференции, 1987—1989 годы ознаменовались высоким, беспрецедентным подъемом интереса к истории, и она явилась острейшим элементом политической борьбы.

Из всего полемического многоцветья, представленного на конференции, особенно выделялся вопрос о методологическом кризисе исторической науки в России, который, хочешь не хочешь, впрямую или опосредованно затрагивает и зарубежных ученых, занимающихся проблемами российской истории. То, что советская историческая наука в кризисе, стало ясно в 1985 году. Тогда представлялось очевидным, что марксистские положения не смогли дать научного объяснения бесчисленным зигзагам истории. Кажущаяся простота общественно-политических формаций обернулась запутанностью, усложненностью, стала неисчерпаемым источником догматизма. Советская история, абсолютизировавшая классовую борьбу, засушила исторический процесс, изображала его спрямленным, черно-белым, отодвигая на задний план разные проявления человеческой деятельности и создавая патовые ситуации для науки. Превращение марксизма в общегосударственное мировоззрение сделало его неприкасаемым для критики, привело к окостенению его постулатов. Историческая наука понесла невосполнимые утраты: утратила народное доверие.

Критикуя ситуацию того времени, некоторые ученые, участвовавшие в конференции, в частности Ю. Поляков, подчеркивали: нелепо было бы в новых условиях отлучать марксизм от исторической науки, как это сейчас часто делается. Ученый высказал свою убежденность в том, что марксизм, утеряв свою исключительность, государственный статус, непременно сохранится как одно из направлений мировой, общественной мысли. Глупо было делать из марксизма священную корову. Но не менее глупо видеть в нем колорадского жука на ниве исторической науки.

В самом деле, в противном случае всю доперестроечную историографию пришлось бы считать достойной мусорной свалки — все, что за десятилетия накоплено поколениями видных ученых. Но кто из нынешних, постперестроечных авторитетов взял бы на себя смелость отвергать множество достойных исследований, где налицо глубокий анализ истории, живая авторская мысль, где дано объективное решение узловых проблем!

«Новое» в истории во многом связано с крайней политизацией науки, переходящей в конъюнктурщину. Право ученого пойти на любой политический митинг, но науке там делать нечего. Политизация истории сегодня часто бывает замешена на воинствующем дилетантизме.

Ныне многие ошибочно считают, что межа в истории проходит между консерваторами и «прогрессистами». Есть, конечно, в науке и те, и другие. Но главная борьба ведется между тенденциозным, упрощенческим взглядом на отметание всего, что не укладывается в русло нынешних политических течений, и стремлением продолжить традиции мировой науки в творческом изучении истории и преодолении «нового» догматизма.

В связи с поднимавшимися на конференции проблемами было интересно узнать точку зрения на происходящие в нашей стране изменения со стороны. Одним из интересных собеседников нашего корреспондента в кулуарах конференции оказался известный британский ученый, доктор Пол ДЬЮКС, автор популярной на Западе книги «История России: средневековая, новая, современная», выдержавшей два издания.

— Насколько нам известно, первое издание вашей книги вышло в середине 70-х годов, когда в нашем государстве пышно цвел, как сейчас говорят, тоталитаризм, а мировая политика и история во многом определялись противостоянием двух систем: «империей зла», как ее определил некогда президент Рейган, и остальным миром, где вовсю царили свобода и демократия.

— Я не пользуюсь термином «тоталитаризм». Тот режим, который был у вас, можно определить несколькими словами: национально-административная, военная командная система. Режиму очень хотелось бы стать тоталитарным, но это было невозможно сделать. Теперь, когда ваша страна обладает высокоразвитой техникой, созданной в «тоталитарные» времена, установить истинно тоталитарный режим можно. Но сделать это ранее? Сомневаюсь. Особенно в 30-х годах. Тогда, кстати, одному из наших британских дипломатов очень захотелось попутешествовать по Советскому Союзу. Из Москвы пришел ответ: нельзя! Но ему очень хотелось, и в конце концов он получил приглашение на бал в британском посольстве в Москве. Повеселившись на балу, он сразу поехал путешествовать по России. Когда различные органы спрашивали официальное разрешение во время его поездки, он показывал приглашение на бал, и его свободно пропускали.

— Вы думаете, это случилось из-за невежества и ограниченности властей или в глубинах тогдашней государственной бюрократическо-полицейской системы были всетаки призрачные зачатки демократии?

— Это можно объяснить одновременно многими причинами, в том числе и названными вами.

— Когда вы писали свою книгу, в России была одна расстановка сил, сейчас — другая. Какие перемены произошли в ваших взглядах как ученого за это время?

— Второе издание моей книги я выпустил совсем недавно. К сожалению, оно вышло до августа 1991 года, и в книге, конечно, есть некоторые суждения в отношении перестройки и гласности, о которых я сейчас жалею. Как у вас, в России, так и у нас, на Западе, преувеличивали значение перестройки и гласности в плане положительного влияния на жизнь людей. Я уважал Горбачева, до некоторой степени уважаю и сейчас, но не так, как раньше. Однако, несмотря на все происходящее в вашей стране, я все же не думаю, что произошел некий исторический коллапс. Эволюционный процесс продолжается, только никто не знает, в каком направлении он идет. Мне кажется, сейчас мы наблюдаем некоторые крайности, «выплески», и рано или поздно произойдет возвращение к центру этого эволюционного процесса.

— Но все же как вы воспринимаете события в России эмоционально, по-человечески?

— Трудно сказать, где во мне кончается человек и начинается историк. Дух ученого крепко гнездится в эмоциональной сфере человеческого бытия. Невозможно отделить одно от другого. Но я все же скажу: мне лично стало легче во время пребывания в России. Я приезжаю сюда, может быть, раз в восемнадцатый. И вот представьте: где-то четырнадцать визитов были крайне странными и неприятными. Я сидел целыми днями в гостинице в полном одиночестве. Поговорить было не с кем, за исключением, может быть, западных коллег. Мне было ужасно скучно, и пребывание в Союзе более двух недель начинало казаться пыткой. Внезапно двери открылись—и на всех нас пахнуло свежим воздухом и светом. Это открытие оказалось чудной вещью — не только в научном, но и в человеческом смысле.

И вам, западным ученым, трудно поверить, что СССР все же распался. Теперь трудно поверить и то, что примерно тридцати поколениям студентов из года в год я постоянно говорил: «Не бойтесь (или, наоборот, бойтесь), Советский Союз будет нашим приятным соседом по планете вечно». Представьте, какую промывку мозгов мы устраивали подрастающему поколению в течение десятилетий! Но мы, еще не успев понять, что случилось, спешим с выводами. Вспомним, что лишь в 40-х годах, спустя три десятилетия после установления советской власти, британские ученые впервые стали пользоваться термином «советский» в научных трудах и в общении между собой. Но сегодня ни дня не повременили, чтобы отказаться от термина «советский» в научных обществах, хотя это отнюдь не отражает реальной расстановки сил.

В Глазго издавался очень интересный журнал о вашей стране под названием «Совьет стадис». Теперь он называется «Юроэшен энд ейшен стадис» («Евро-азиатские исследования»). Что значит это название? О чем

12 МАЯ — В ПАРИЖ, НА СУД

Ирина Щукина предъявляет счет

Ей 78 лет, из них только три прожиты на родине, остальные — в эмиграции. Но воспоминания о том времени, когда московский дом ее отца, великого русского мецената Сергея Щукина, вмещал в своих стенах богатейшее собрание мастеров новой французской живописи — таких, как Матисс, Моне, Пикассо, Гоген и Сезанн, — сохранились на всю жизнь. Сохранились и чувство обиды на советскую власть, «присвоившую» отцовскую коллекцию, долгое время скрывавшую ее от публики, а затем позволившую произвольно расчленить и надвое. И вот наследница коллекционера сегодня подает во французский суд иск в связи с незаконным, как она считает, нахождением принадлежащих отцу картин в Музее имени А. С. Пушкина в Москве и в петербургском Эрмитаже. Впрочем, об этом наша пресса уже писала. Писала она и о том, что слушание дела назначено на 12 мая. В ожидании решения суда Ирина Щукина на страницах журнала «Парис-матч» рассказывает о своем детстве, об обстоятельствах бегства ее семьи из России, а также объясняет причины, побудившие ее добиваться «восстановления справедливости».

— Вам было всего три года, когда вы уехали из Москвы. Сохранились ли у вас, несмотря на это, воспоминания о картинах из собрания вашего отца?

— Да, и очень отчетливые. Но меня, например, неизгладимый страх мальчиков в красном, играющие в дамки на одном из полотен Матисса... Отец иногда брал меня на руки и носил по всем комнатам, рассказывая про картины, которые там висели.

— Вы помните те два больших холста Анри Матисса, что украшали парадную лестницу?

— Прекрасно помню. На первом были изображены танцующие юноши, которые катали в круг. Мне там очень нравились краски. И, поднимаясь по этой лестнице, я чувствовала себя еще легче, чем обычно. А другое называлось «Музыка». Оно было очень спокойное... Впоследствии я узнала, что отец велел на нем закрасить гущицу причинные места одного из персонажей, а когда Матисс приехал в Москву, извинился перед ним за это, объяснив свой поступок присутствием в доме «совсем молоденьких девиц».

— Ваш отец превратил свой дом в музей?

— Да. По воскресеньям многочисленные толпы самых разных людей приходили туда, чтобы поглядеть на картины. У входа их встречало чучело медведя с подносом, на котором стояли рюмки с водкой и чашки с горячим шоколадом.

— Помните ли вы приход революции?

— Помню себя на большой площади возле нашего дома. Много народа, крики, возбуждение. И вдруг мама подхватывает меня на руки и уносит, закрывая мне глаза рукой, чтобы я не видела, что там творится.

— Именно тогда ваш отец решил покинуть Россию?

— Он был либералом. Важные политические перемены в России на первых порах не вызывали с его стороны протеста. И он даже вошел в комиссию, которой было поручено изучить возможности превращения Кремля в музей. Но затем события приняли дурной оборот. Отец был крупным текстильным промышленником, и его стали попрекать его состоянием. За ним установили слежку, и у него появился страх. А вскоре он был посажен в тюрьму... Однажды утром мама объявила мне, что мы отправляемся в путешествие на поезде. Она надела на меня в дорогу черное платье. Отец в этот момент все еще находился в заключении, но мама пообещала мне, что скоро он к нам приедет. У нас с собой было мало вещей. Я держала в руках тряпичную куклу Тамару. В тот день мама нарядила ее точно так же, как и меня, — в простенькое черное платье. Я обожала свою Тамару и никогда с ней не расставалась. В пути во время проверки на одной из станций какой-то солдат схватил мою куклу за руку и принялся крутить ее у меня над головой. Я стала кричать и плакать. Тогда он швырнул ее мне в лицо. Я приняла ее к себе и бросилась со всех ног от солдата...

— Сколько прошло времени, прежде чем отец смог к вам присоединиться?

— Всего четыре или пять дней. Мы находились к тому моменту в Германии, в Фрайбурге, если не ошибаюсь... Именно там в нашем гостиничном номере в один из вечеров мама положила мою куклу Тамару на стол и у меня на глазах вспорола ей ножом живот. И оттуда, словно внутренности, вывалились драгоценности. Я заплакала.

— Ваша семья надеялась вернуться в Москву?

— Да, родители даже обсуждали планы покупки подарков для всех родных, которые остались дома. Но возвращение все откладывалось. Из Фрайбурга мы переехали в Веймар. Потом отправились во Францию, в Ниццу. Родители сняли там очень красивый дом — благодаря все тем же драгоценностям, а также деньгам, которые отец еще до всех событий поместил в банках Франции и Швейцарии и которые предназначались им для покупки картин.

— Прибыв в Ниццу, ваш отец, наверное, отправился к Матиссу, который в то время та... жил, совсем неподалеку от вас?

— Нет. И тогда Матисс, удивленный, что отец все не идет к нему, сам пришел его навестить. Он рассказал отцу, над чем работает, и пригласил к себе в мастерскую. Но тот отказался. «Потому что,— как он ему объяснил,— у меня нет денег, чтобы купить у вас какую-нибудь из картин». Его интерес и любовь к живописи были неотделимы от возможности обладания этой живописью.

— А что тем временем стало со щукинской коллекцией?

— В 1918 году все входившие в нее картины были реквизированы ленинским декретом, а затем объединены с коллекцией Морозова. Их расценили как произведения декадентской культуры, и лишь отдельные привилегированные люди получали к ним доступ. Когда началась вторая мировая война, вся коллекция была упакована в ящики и отправлена на Урал. По окончании войны все ящики привезли назад. И вот тут-то, в один прекрасный день, было решено раз и навсегда покончить с этой «отравой». Одному высокопоставленному лицу поручается высказать официальное мнение по данному вопросу. Этот так называемый специалист, военный по фамилии Ворошилов, приказывает, чтобы ему открыли несколько ящиков, и, едва ознакомившись с содержимым, выносит свой приговор: «Того, кто повесит хотя бы одну из этих картин, я тоже повешу!». Обжалованию не подлежит.

— И с тех пор о судьбе картин вам ничего не известно?

— Ничего, вплоть до 1954 года, когда во Франции состоялась выставка Пикассо, организованная ассоциацией коммунистического толка «Пансе Франсез». Тогда я и заявила о своих правах: ведь выставленные там картины принадлежали моей семье. Будь жив отец (он умер в 1936 году), он бы поступил точно так же. Но русские быстро отреагировали: холсты тотчас были сняты со стен и отправлены обратно в Москву. Я даже не успела посетить эту выставку, которая продлилась всего два дня.

— Вы продолжаете считать себя владелицей этих произведений?

— Да, и пусть даже мне никогда не удастся выиграть это дело, все равно я должна бороться.

— Вы хотите получить назад своих «матиссов», чтобы повесить их у себя в доме?

— Это было бы совсем неплохо!

— В таком случае вы бы оказались одной из самых богатых женщин в мире...

— Возможно. Но я в это не верю. Мой сын сказал мне, что страховочная стоимость этих картин равняется двум миллиардам долларов. Почему бы мне не получить немножко от этой суммы?.. Некоторые называют нас чудаками из-за того, что мы осмеливаемся заявлять о своих правах. Любопытно, что моего отца тоже считали чудаком, когда он скупал картины Гогена, Матисса, Пикассо. Все эти художники были гениями, и рано или поздно их бы признали. Но отец, покупая у Матисса его работы, дал ему возможность жить весьма прилично, не зная материальных забот.

— Вас удовлетворило бы, если бы вся коллекция отца была собрана в одном месте?

— Да. Ведь когда произошла революция, отец, прежде чем бежать за границу, уже собирался подарить коллекцию Москве. И мне кажется, что та битва, которую я веду, отвечает его пожеланиям, хотя сам он специально никогда мне об этом не говорил. Добавлю, что речь не идет о том, чтобы лишить Россию этого художественного наследия. Сергей Щукин ведь и создал эту коллекцию для своей страны, для России.

— А как случилось, что картины коллекции оказались поделенными между двумя музеями: Эрмитажем и Музеем имени А. С. Пушкина?

— В период «холодной войны» в морозовском особняке в Москве однажды имела место невероятная сцена, в которой участвовали главные хранители обоих этих музеев. И тот, и другой ранее уже сумели убедить власть, что эта так называемая декадентская живопись, возможно, все же представляет некий интерес: с чисто профессиональной точки зрения, в целях изучения природы этого самого декадентства. И оба получили разрешение ею, так сказать, пользоваться. И в тот самый день им по очереди выносили все 350 полотен щукинской коллекции и все 132 морозовской. А хранители по очереди решали: «Тебе... мне... тебе... мне...»

Материал подготовила
Елена КАРАСЕВА.
Фото из журнала «Парис-матч».

«ЗВЕЗДЫ» МИРОВОГО КИНО

Аджани возвращается

Последний раз кинозрители видели ее в фильме «Камилла Клодель» рядом с Жераром Депардье. Она там играла юную талантливую скульпторшу, подругу Огюста Родена, брошенную им, от горя лишившуюся рассудка и насильно помещенную в приют для душевнобольных. Сильная, трагическая роль, принесшая тогда актрисе массу похвал и премию «Сезар» — высшую награду французского кинематографа.

Это было в 1989 году. И с тех пор — ничего. В чем причина столь долгого отсутствия на экране? Критики высказывали предположения, что скорее всего в очень трудном характере и «нестабильности» поведения Аджани. Сама же она не раз упоминала свою взыскательность к сценариям, потребность «если уж играть, то отдавая себя этому без остатка» и выбирая только те роли, где есть отражение ее собственной личности и судьбы.

Прошлым летом у нее состоялась важная встреча — с другой молодой женщиной по имени Филомен Эспозито, начинающим сценаристом и режиссером, автором художественной ленты «Мима». Это произошло в одном гостеприимном парижском доме, где гости чувствовали себя легко и непринужденно, где завязывались интересные знакомства. Слово за слово, выяснилось, что Изабель и Филомен имеют много общего, что у них сходное отношение и к жизни, и к кино, а главное — сходное невезение в жизни. И та, и другая незадолго до этой встречи пережили разрыв с любимым человеком. И та, и другая продолжали находиться под впечатлением пережитого. Но если на Изабель это испытание подействовало опустошающе, то Филомен скорее вдохновило. И еще тут первом же «излиянии души» она стала придумывать вслух эпизоды их будущего фильма. О чем? Ну, конечно же, о несчастной любви! Вот так, почти случайно, родилась идея ленты «Токсичная связь», съемки которой были недавно завершены в Париже.

Ее героиня Пенелопа, взбалмошная и непредсказуемая зануда (по собственному выражению Аджани), как бы работает манекенщицей, а вообще-то мечется, не находя себе места в жизни. Пытается вернуть ушедшую и невозвратную любовь, отыскать родственную душу, даже писать роман. Ее подруга Софи — полная противоположность ей. Она мудра, уравновешена и терпеливо переносит выходки Пенелопы. Мужские персонажи скорее второстепенны и появляются в фильме эпизодически, служа как бы ключами к пониманию характера Пенелопы. А в целом это эксцентричная и, по мнению самих создателей, весьма необычная комедия. Уже сейчас ей прочат успех и уж во всяком случае широкую аудиторию: ведь возвращения Аджани на экран ждут многие. Как бы то ни было, сам съемочный процесс, по признанию актрисы, полностью излечил ее от депрессии и вернул в нормальное русло.

Материал подготовила
Е. ГЕОРГИЕВА.

● *Кадры из фильма «Токсичная связь».*
Фото из журнала «Парис-матч».

ИЗ ЖИЗНИ «ЗВЕЗД»

Пока женат на музыке

Мало про кого сегодня ходит столько легенд, сколько про Майкла Джексона. Уточнить, какая в них доля правды и выдумки, проще всего самому певцу. Что он и сделал в «четверо» американской журналистке О. Уинфри — первом за последние 14 лет телеинтервью, которое певец согласился дать в своем доме и текст которого перепечатал французский еженедельник «Парис-матч».

Какие именно из легенд развенчивает популярнейшая «звезда» эстрады? Ну, во-первых, наиболее нелепую: будто он имеет обыкновение спать в кислородной камере. «В действительности, — объясняет Майкл,— все было вот как. Во время съемок рекламного ролика для фирмы «Пепси-кола» я получил серьезный ожог. В результате мне выплатили многомиллионную страховку, которую я целиком передал на строительство ожогового центра. Посещая этот новый центр, я увидел там кислородную камеру и захотел на себе испытать, что чувствует больной, помещенный туда. Рядом находился фотокорреспондент, который, конечно же, снял меня лежащим в камере, и его снимок пошел гулять по всему свету».

А соответствуют ли истине рассказы о том, что Майкл упорно пытается осветлить свою кожу с помощью каких-то особых средств? Как выясняется, тоже весьма отдаленно. Все дело в некоем наследственном заболевании, которое у Джексона проявилось начиная с 1982 года и выражается в том, что кожа в отдельных местах вдруг становится белой. «С этим ничего невозможно поделать. Я гримирую пигментные пятна, только и всего»,— уточняет Майкл, подчеркивая, что гордится своей принадлежностью к чернокожему меньшинству Америки и далек от мысли «побелеть».

Неизбежным был вопрос и о пластических операциях: их поп-звезде приписываются десятки. «А было всего две,— уверяет сама «звезда».— Я исправлял себе форму носа, это правда, но никогда не трогал ни подбородка, ни губ, ни глаз, ни скул, как писали газеты. Все это басни...». Вообще же пластические операции, по словам Майкла, делает себе едва ли не каждый житель Голливуда, и если бы все его прооперированные хоть раз обитатели уехали одновременно на каникулы, то в киногороде не осталось бы почти ни души.

Есть и более деликатные темы, которые не отличающаяся щепетильностью пресса имеет обыкновение обсуждать во всех подробностях. Они затрагивают личную жизнь Майкла, его отношения с женщинами. Но сам он предпочитает на них не задерживаться и на вопрос журналистки: «Верно ли, что вы все еще девственник?» лаконично отвечает, что он «прежде всего джентльмен». По поводу своей нынешней дружбы с киноактрисой Брук Шилдс Майкл признается, что действительно они много бывают вместе, встречаясь либо у нее, либо у него дома и стараясь не появляться на публике. В Брук он видит сегодня идеал женщины, жены. Однако, что касается перспектив обзаведения нормальной семьей артист, которому за 30, замечает следующее: «Моя жизнь без этого, конечно, была бы неполной, я обожаю детей и семейный очаг. Но в данный момент я женат на... музыке». Ну, а свою любовь к детям пока что он утоляет с помощью разных благотворительных жестов. Потрясающий парк аттракционов, созданный им на территории его ранчо, недалеко от Голливуда, приносит ему много счастья прежде всего именно из-за того, что тем смеются и веселятся ребятишки».

Его собственное детство было, как известно, не очень веселым: с восьми лет он не знал никаких развлечений, только работа и работа. Так решил отец, сформировавший из своих сыновей поп-группу и не дававший никому из них спуску. С Майклом же он обращался особенно жестоко и несправедливо. Об этом тоже много написано. И тут, увы, легенда недалеко ушла от правды, в чем и признается с горечью Джексон.

Материал подготовила
Е. ТАНИНА.

● *Майкл Джексон и Брук Шилдс.*
Фото из журнала «Парис-матч».

НАШ КОММЕНТАРИЙ

И колорадские жуки

«Ей 78 лет, из них только три прожиты на Родине» — с такой преамбулой начинает свое интервью с Ириной Щукиной корреспондент «Парис-матч». Промелькнуло сообщение, что в нынешний холодный и бурный апрель прямая наследница щукинских богатств намеревалась побывать в Москве.

Да, эти 75, прожитые так разно Францией и Россией...

Оставим в стороне красочные описания отъезда от родных пределов, верную службу куклы Тамары. Тут ни прибавить, ни убавить. Обратимся к версии судьбы коллекции живописи ее отца. Она, мягко говоря, неточна. Ирина Сергеевна утверждает, что щукинское собрание, объединенное с морозовским, было расценено как явление сугубо декадентское и доступ к нему имели лишь «привилегированные люди».

Картина реальная гораздо более интересна и содержательна. Коллекция С. И. Щукина явилась основным ядром вновь организованного Государственного Музея Нового Западного Искусства.

В статье, посвященной 15-летию его существования, директор этого замечательного учреждения Б. Н. Терновец писал: «Музей... в Москве пользуется широкой известностью не только в СССР, но и за границей; действительно, ни один из музеев, ни одна из частных галерей, кроме, быть может, Музея-Института Бернса в Филадельфии, не дает столь разнообразной и богатой картины развития французской живописи за последние 50 лет». При этом Терновец делает характерную сноску: «Литература о музее как на русском, так и в иностранной прессе чрезвычайно обширна. Заметим, что вряд ли какому из художественных музеев СССР было уделено столько внимания».

Музей после войны был действительно реформирован. Часть коллекции ушла в Эрмитаж, другая — в Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Эта трагедия была итогом сложной идейно-художественной борьбы, начавшейся за многие десятилетия до печального события. И описываемая выходка Ворошилова принадлежит, скорее всего, к многочисленным апокрифам — не его воля определила результат. Немалую роль сыграла позиция художников, яростно отстаивавших чистоту принципов социалистического реализма.

Как всегда в подобных случаях, началась борьба за возвращение, реабилитацию художественного авангарда в культурном сознании народа. Это была эпопея, которой, уверены, будут посвящать соответствующие труды и исследования. Можно сказать, что через два десятилетия признаки победы обозначились. В 1981-м в ГМИИ им. А. С. Пушкина была показана грандиозная выставка «Москва — Париж», после успеха которой любое попятное движение к академическому обскурантизму стало невозможным.

И что важно отметить, одновременно с осознанием значения французской живописи начала века вырастали в исторической перспективе и гигантские фигуры русских собирателей их творчества. В том числе и Сергея Ивановича Щукина. Его имя в солидных исследованиях, каталожных статьях, книгах, в воспоминаниях. Эра беспокоится Ирина Сергеевна — ее батюшку мы благодарно помним. А вот насчет особняка Трубецких она, пожалуй, права. Военные, расстроившиеся неподалеку, могли бы вернуть культуре историческое здание и обогатить тем самым духовную жизнь столицы.

Итак, 12 мая суд. Он пройдет в Париже. Внимание к нему предполагается исключительное. Как решат мэтры французского правосудия? Ведь один неверный шаг, и потомки Бурбонов могут, пожалуй, потребовать обратно и Версаль, и Лувр, и Фонтенбло...

О. Т.

журнал будет писать? Не лучше было бы оставить прежнее название, хотя бы на время жизни нынешнего поколения ученых? Ведь живы люди, взгляды, привычки, воспитанные «тем» временем.

— А каковы, на ваш взгляд, отношения между историей и культурой России? Существует ли секрет «русской души»?

— У России, несомненно, имеется свой, глубоко оригинальный культурный характер. Но проявляется он, как и во многих других местах, двояко: в наличии двух культур — официальной и народной. Такую двойственность культуры можно увидеть и в Шотландии, где я живу. Город Абердин, очень живой, близкий к природе, к крестьянской культуре. У нас даже есть свои писатели-«деревенщики», как и у вас. Но в России всегда влияние крестьянского начала было сильнее. Ведь до конца 50-х годов большинство народа жило в деревнях, а это довольно редкий случай для страны развитого мира. Кроме того, до некоторой степени я не сомневаюсь в существовании такого особого феномена, как русская душа. Правда, в нем гораздо меньше тайн, чем принято считать.

— Этот термин был изобретен все-таки не учеными, а литераторами. И он в этом смысле несколько метафизичен.

— Да, но и у историков он тоже пользуется популярностью. Особенно, когда они говорят о культуре. Дело в том, что для взаимопонимания необходим некий общий термин. Но не все ваши ученые дули в одну дуду. Павел Флоренский, написавший большую книгу на тему русской истории, сказал, что не верит в святую Россию. Он считал, что русский народ не имел глубокой веры, что это скорее было суеверием, связанным с древнерусской языческой культурой. Я вообще-то согласен с этим. Может быть, потому что я — атеист и мне трудно судить о вере...

— Будучи атеистом, вы, конечно, не отрицаете важную роль православной веры в истории России до 1917 года и некое «религиозное излучение», исходящее от нее, пронизывающее все годы советской власти.

— Безусловно. Но это «излучение» очень трудно проследить и сказать, какова степень его влияния на самом деле. Хотя можно упомянуть о двух особенностях, о которых «принято» умалчивать. Во-первых, к концу царского периода церковь уже была глубоко государственным, сращенным с властью институтом. Во-вторых, я, например, считаю, что православная вера не имела такого живого и самоуглубленного образа мышления, как протестантская или католическая вера. У вас сравнительно мало, в отличие от Запада, интересных философов-богословов. Православная служба, музыка — это немыслимо красиво. Литургия Иоанна Златоуста Рахманинова — гениально! Но о каких традициях серьезного богословия на уровне глубоких исследований может идти речь?

— Ваша родина — Шотландия. В своих же исследованиях вы занимаетесь странами, весьма далекими от вас в географическом отношении. Тому свидетельство — тема вашего доклада на нынешней конференции: «Русско-американская история: от сравнения к сближению». По каким критериям вы соотносите русскую и американскую историю?

— Во всяком случае по критериям, не касающимся политики. Меня очень интересует тема расширения границ европейской цивилизации — в частности, с XVII века по сей день — и ее синхронное влияние на Россию и Америку. В этих далеких друг от друга странах всегда находились люди, которые попадали под влияние европейских авторитетов, делая из европейских идеалов нечто свое. Екатерина II, например (по-моему, очень талантливая женщина), пользовалась «О духе законов» Монтескье для поддержания идеологических основ своего строя просвещенного абсолютизма. За океаном Гамильтон, Медисон и другие государственные мужи брали на вооружение эту книгу, чтобы поддерживать свой конституционный строй. Это похоже на испытание идеи в различных лабораторных условиях. Очень интересно!

Еще пример. Мне удалось проследить, что легендарный кельтский бард Оссиан к концу XVIII века имел большое влияние на поэтов предпушкинской и пушкинской поры. Таких, скажем, как Вяземский. Вместе с тем на его творчество в то же самое время откликались тем или иным образом американские литераторы и государственные деятели.

Вальтер Скотт и сегодня один из самых читаемых, по моим сведениям, писателей в вашей стране. Он повлиял на многих русских писателей XIX века. И в Америке он имел своего «адресата» — Фенимора Купера.

В связи с этим я ставлю вопрос: когда окончилось это влияние и когда американская культура обогнала европейскую, став самодовлеющей? По-моему, этот процесс начал происходить до второй мировой войны и завершился после нее. Но с русской культурой того же самого не случилось. Еще в XIX веке обособление русской и европейской культур было очевидно. Сегодня этого сказать нельзя.

— Вы были чем-нибудь удивлены в ходе нынешней конференции?

— Интересная дискуссия развернулась по вопросу о том, имеет ли место кризис в современной исторической науке. Большинство и ваших, и наших специалистов считают, что кризиса нет в том смысле, что российские ученые могут сейчас нормально мыслить и исполнять свой профессиональный долг. При этом у каждого есть желание найти нечто новое, но не у всех получается. С этой точки зрения, кризис есть. Кроме того, трудности с архивами: имеются еще закрытые фонды, и об этом на конференции тоже шла речь.

— Работа историка питается прежде всего интересом к той стране, которую он изучает. Это естественно. Но обязательно ли при этом сочувствовать ее народу? Любите ли вы Россию, сочувствуете ли вы ее мучительному историческому пути? Или, по-вашему, этот путь был не таким уж мучительным?

— Я люблю русский народ. В студенческие времена жил у русских эмигрантов в Лондоне. У своих русских «отца и матери» я многому научился, в том числе и языку. До сих пор с любовью вспоминаю о них. Я интересуюсь вашей огромной страной, один раз ездил через Сибирь — это грандиозно! Но есть все же нечто общее в национальных типажах русских и шотландцев. Последних всего-то — пять миллионов. Пол-Москвы.

Что касается страдания и воздаяния за него... Представители делегации из Гомеля сказали на конференции, что нет народа в мире, который страдал бы больше, чем белорусы. Им ответили: взгляните на Африку, Сомали, где у людей вообще ничего нет, и они умирают от голода сейчас. Но можно, по-моему, взглянуть на проблему с другой стороны: в Африке не было Чернобыля, и душа не болит, что случится с потомством. А здесь — черная печать на многие годы. Это подумать только: гигантские радиационные заповедники, в которых нельзя появляться столетиями! А потом — Аральское море и другие экологические катастрофы. А если посмотреть на 30-е годы в России, на многомиллионные жертвы во второй мировой войне... Да, можно сказать, история России, хотя бы по сравнению с английской, была не особо счастливой.

Интервью взял
С. ТОЛКАЧЕВ.

Воспоминания

Олег Хомяков

Иван Правов — «человек без правов»

В шестидесятых годах Олег Михайлович Хомяков после окончания ВГИКа работал редактором на Свердловской киностудии и, помимо заключений на сценарии, правки и «доводки» снимающегося кинематериала, пописывал стихи и прозу. Вышло у него несколько книжек, однако литература не стала «делом его жизни».

Еще при знакомстве, в первую нашу встречу, он, «захваченный кином», сказал мне восторженным голосом: «Если меня выгонят с должности, я готов идти в уборщицы, но только в кино, в кино!..»

Когда-то юному поэту, все время стенающему, «поющему» про свои боли, смерти, загробные видения, мудрый русский писатель, уже сблизившийся со всеми этими невеселыми ощущениями, заметил, что всякая мысль, но в первую голову мысль поэтическая — имеет свойство материализоваться и он, молодой поэт, напрасно балуется такими сложными, вечными и загадочными вещами, быть может, существующими «рядом», стало быть, в подсознании, и им ничего не стоит переползти через перегородку и «материализоваться».

Помнится, шутя и тоже весело пересказав это умозаключение Олегу Михайловичу, я добавил: «Хочешь быть уборщицей —«сделаешься ею».

Увы, и места уборщицы не нашлось ему, человеку, беспредельно преданному кино и многое уже умеющему, в отечественном кинематографе. Его выкинули с Одесской киностудии, где он проработал десятки лет после Свердловска, с месячным выходным пособием и тут же о нем забыли. Как это похоже на нас! На нашу современную российскую действительность, хотя и произошло «за границей», которая, впрочем, чрезмерно долго, терпеливо и старательно усваивала наш «передовой опыт».

Ныне Хомяков одиноко живет на родине, в городе Шарье, в отцовском доме и, пользуясь звездной волей, пишет стихи и воспоминания о кино, без которого он жить не мог и не может, печатает все это в местной районной газете и присылает мне — по старой памяти — вырезки из газеты и рукописи. Написал он уже много любопытного о незабвенных — истинно народных артистах — Алейникове, Андрееве Борисе, о Крючкове и о многих других, но интереснейший материал о режиссере и нашем современнике Иване Правове, показалось мне, не должен затеряться в бумажном хламе, и я предлагаю его читателям «Культуры» с уверенностью, что он не только будет душевно воспринят читателем, но что газета продолжит творческое сотрудничество с автором, который многое может и знает.

Виктор АСТАФЬЕВ.

Наверняка мало кому вспомнится... это имя. Однако стоит назвать «Бабы рязанские» да еще Гулю Королеву, как приплывут к вам из самого школьного детства эти светлые чувства, которые только на время спрятались. Вот и судьба этого человека тоже не пропала без следа, хоть и многим этого хотелось. Нашлись добрые люди, и какие!...

«ВО ВЛАСТИ ЗОЛОТА»

Широкий зритель узнал о существовании Свердловской киностудии в 1945 году. Тогда на экраны вышла музыкальная комедия «Сильва» по одноименной оперетте И. Кальмана. Позже об игровых фильмах было сломано бы навсегда забыто: эвакуированные на Урал кинематографисты Москвы, Ленинграда, Одессы разъехались по своим городам. Но кончился в 1953 году период малокартинья, на всплеске как бы заново рождавшегося советского кино обратилось к художественному жанру и уральская студия.

Уже второй ее фильм «Во власти золота», созданный по роману Д. Н. Мамина-Сибиряка, заявил о студии в полный голос. Картина, как говорят прокатчики, пошла, дала кассу.

Кончилось письмом из Америки, на которое отвечал автор этих строк. Фильм приобрел один из нью-йоркских кинотеатров и демонстрировал его в течение целого года. Естественно, на одном сеансе. Вспомним, что это был конец 50-х, случаи закупки иностранными — тем более американскими — продюсерами советских фильмов исчислялись единицами.

В письме заокеанский зритель, явно русского происхождения, писал, что картина вернула ему ощущение России — старой, дореволюционной, погруженной, как Атлантида, на дно океана времени: «Сцену зимнего катания на санках в масленицу весь зал смотрел со слезами на глазах! Очень правдивы все актеры, костюмы, детали. Чудесны жанровые сцены, правдоподобны страсти, искренни цыганские песни... Кто такой Иван Правов, поставивший столь русский национальный фильм? «Свердловск»—не является ли он старым «Екатеринбургом»?»

КЛЮЧЕВОЕ СЛОВО

Что же написать в ответ. Я был тогда слишком молод, жил оглядками на лекционные курсы ВГИКа.

Иван Константинович Правов — как бы второй Иван Пырьев в том именно «русском национальном» жанре (не кино — такого не было в достославное советское время). Что о нем известно? Кроме — ибо некая тайна, или, проще, запрет, лежала в институтскую пору на этом имени.

И. К. Правов окончил в 20-х годах кинотехникум, работал в Москве ассистентом режиссера. Затем в содружестве с Ольгой Преображенской начал ставить фильмы. В немом кино двумя способными, влюбленными в самобытный строй народной жизни режиссерами были сняты «Бабы рязанские», «Тихий Дон». Позже, в звуковом, «Степан Разин», «Парень из тайги». Зрители полюбили эти ленты. А «Тихий Дон» — экранизация первых двух книг романа М. Шолохова, написанных и вышедших к тому времени, считался большой удачей молодого советского кино. Он был куплен многими странами, нес суровую, страстную правду о революции.

Вот, в сущности, и все. Дальше творческий след «русского режиссера» обрывался...

Никто не вспомнит о Правове, возвращаясь к необходимости экранизировать полный «Тихий Дон». К делу приступит С. Герасимов, его киноэпопея станет событием, праздником отечественной кинематографии. О ленте Правова и Преображенской никто не обронит доброго слова.

Успех романа-экранизации Мамина-Сибиряка игнорируется: в журнале «Искусство кино» печатается отрицательная, безапелляционная рецензия «Отцвели уж давно хризантемы в саду...», в которой на фильм навешаны похоронные ярлыки: старомодный, сентиментальный, далекий от норм соцреализма в трактовке классики. Иван Константинович что-то куда-то писал в знак протеста, объяснял эстетику народной мелодрамы чертами русской души, жаждущей страсти, а не чеховских полутонов, которыми увлекалась тогда молодая режиссура, быстро ставшая кастой неприкасаемых. Но все тщетно. Для Москвы, ее кинематографического Олимпа режиссер с фамилией «Правов» как бы не существовал. Или однажды перестал существовать...

В чем дело, черт побери?

Мне, молодому во всех смыслах специалисту, вчера приехавшему по распределению на уральскую студию, вразумляюще пояснили: «Иван Константинович — СИДЕЛ».

ЛЕВ В КЛЕТКЕ

Высокий, даже как бы стесняющийся своего роста и оттого сутулый мужчина, длинные, сильные, крестьянской выделки руки, крупноносое лицо, поредевший чуб желтоватых волос над скошенным лбом, выцветшие, некогда синие глаза. С шеи свисает яркий красный шарф.

— Здравствуйте, Иван Константинович!

Он спросил, протягивая руку: «Новый редактор? Будем знакомы: режиссер Правов — человек без правов... Смеетесь? Это должно было бы быть написано на моей визитной карточке,— резко понизил голос, оглянулся: «Как принято в буржуазном обществе». Но сия надпись будет на надгробном камне. Лучшей эпитафии не придумаешь»...

Спустя неделю после нашего знакомства я принес ему, члену худсовета, сценарий. Он жил в тесной квартире с женой Лидией Старокольцевой, актрисой Тюза. Конечно, снимал ее, писал для нее роли — за машинкой я застал его и в тот день. Забегая вперед, скажем, что все, над чем работал него плана,— провалился в проката, не мог не провалиться.

Но стоило уехать отсюда режиссеру вместе с женой, как на «Мосфильме» он снял отнюдь не плохую по тем временам ленту «Цепная реакция». Там, в эпизоде, где по московским улицам вершит кружение троллейбус, Иван Константинович отважился снять Булата Окуджаву. И многие ходили на фильм, чтобы воочию увидеть всеобщего любимца.

ЭТОТ СУМАСШЕДШИЙ БУЛГАКОВ

«Свою посадку я предощутил еще в 20-х годах, посетив Михаила Булгакова,—рассказывал Иван Константинович. — Мне нужен был сценарий для дипломного фильма. «Сценарист» — не было такого понятия, было «драматург». А кто лучший? Конечно, Булгаков: на «Дни Турбиных» ходила вся Москва. Значит, идем к Булгакову — вместе с оператором. Верно говорят, что чванливы лишь мелкие люди. Михаил Афанасьевич принял нас радушно: угостил чаем, понял и принял наш заказ. «Сюжет, — говорит, — у меня есть. Из зоопарка сбежал удав. Естественно, паника в городе, вся милиция брошена на розыск. Удав замечен на Мясницкой — сел в трамвай «Б». Все пассажиры высыпали. Вагоновожатый заперся в кабине, повел вагон по маршруту. Удав выполз на Каланчевке и пополз в квартиру известного профессора-змеевда. Зоолог впустил гостя, и они о чем-то пошипели на известном им языке. А тут, выломав дверь, является группа поиска. Змеевед заявил милиции, что это полный абсурд, чтобы удав бежал из клетки, ездил на трамвае. «А кто у вас там, за шторой?» — спросил наблюдательный майор. «Никого». «А вы все же посмотрите». «Сами посмотрите» «Нет, вы». «Нет, уж вы!». И вдруг штора сама отодвигается, и из-за нее выходит чекист. В блестящей черной тужурке (из змеиной кожи!) с наганом на поясе. Немая сцена! Если у вас короткометражный фильм, сказал Булгаков, на ней можно кончить».

Мы с оператором переглянулись, мне словно кто-то шепнул на ухо: «Уноси ноги!». По стенке, по стенке (оператор за мной) мы в прихожую, на лестницу и ходу. «Ну гениальный сумасшедший, чего с него возьмешь!».

ЯЗЫК МОЙ — ВРАГ МОЙ

О том, как чекисты 41-го пришли за ним на студию, он рассказывал скупо: «Я не снимал бодрячских фильмов по типу «броня крепка»... Именно те бодрячки, когда был сдан Смоленск, первые запаниковали. Но, признаюсь, когда в Москве объявили осадное положение и при том оборона была возложена на генерала Жукова (Кто такой? Никто из гражданских слыхом о нем не слышал), а не на Ворошилова с «железной рукой» (...и «железной рукой нас к победе ведет Ворошилов» — это ведь песня из фильма «Если завтра война...»), не на Тимошенко, маршала, не на самого Сталина, наконец, — я дрогнул. В монтажной, где мы лепили киноленты, сказал: «Это конец». Ведь все знали, что войск в Москве нет. Чем этот Жуков будет ее держать? Но так случилось, что на следующее утро, когда я шел на работу, я увидел буквально белую реку из дубленых полушубков. Это шли сибирские дивизии, отлично экипированные, прекрасно вооруженные. Я зашел в монтажную и сказал: «Это победа!» Но — поздно. Кто-то вчера «стукнул», и сегодня меня берут. Прямо с «Мосфильма» на Лубянку...»

Я спросил, били ли его на допросах? «Нет. А за что? С какой целью? От «пораженческих настроений» глупо было открещиваться: слово не воробей... Били тех, кто абсолютно никакой вины за собой не чувствовал. Из других выбивали показания, нужные чекистам. Во всем ведь была своя чудовищная логика».

Иван Константинович накрыл подушечкой телефон:

— Чекисты довольно быстро добивались своего: человек не создан для того, чтобы его били. Но чаще люди надламывались задолго до допросов. Воля была парализована самим фактом ареста. Потом хамере: чувство, что ты брошен всеми, навсегда, абсолютно никто тебе не поможет. Лично в «твердокаменных» большевиков, писавших письма Сталину, не встречал, вероятно, были и такие. Но никакие не «твердокаменные» поражали своей стойкостью следователей, а мягкие, тихие люди, верующие, христиане. Чекисты клеймили их «сектантами», «мракобесами», но те лишь смиренно улыбались. Смерть их ничуть не страшила: сын вернется к Отцу. И понятно, никакого одиночества, а... тем более чувства несправедливой обиды для них не существовало ни в камерах, ни на этапе: Бог все видит, Бог все знает, Бог всегда со мной. Истязателям-следователям они в самой деликатной форме умели внушить, что час Страшного Суда придет и для них — и те, как правило, свертывали допрос, кончали ломать комедию.

Иван Константинович на минуту замолкал, потом продолжал: «Здоровья во мне было на пять жизней и сто фильмов. Но когда я в первые четыре месяца сбросил сорок с лишним килограммов, понял: «Конец фильма!» Но опять ошибся! Никудышный из меня пророк... Неожиданно меня освободили. Потому, вероятно, что кинорежиссер. Профессия редкая, на Свердловской киностудии надо было укрепить кадры...

Скучал ли ветеран «Мосфильма» по Москве? Не то слово! И раз, незадолго до смерти Сталина, отважился: снял небольшой фильм, кажется, «Бруцеллез у коров» по заказу Минсельхоза, и сам поехал сдавать его заказчику. Вспоминал: «Как огня боялся вокзала. Но обошлось. Никто не взял за локоть, не отвел в сторону. Иду по улицам, спускаюсь в метро, в глазах слезы. Думаю: они-то, проклятые, и выдадут!.. Однако до сельхозвыставки, где располагался заказчик, доехал благополучно: хвоста точно не было. Пропуск заказан, вхожу в комнату под указанным номером. В ней пусто. Что, думаю, за чертовщина!.. И вдруг — вы не представляете мой испуг — стена раздвигается, как в арабской сказке, и из нее выходит человек в штатском. «Иван Константинович Правов?» «Он самый». «А кто вам разрешил появляться в Москве?» Спустя час я, так и не сдав картины, сидел в поезде и ехал на Урал за счет МГБ. Ехал и думал: это сколько же тысяч (если не миллионов!) людей заняты чекистским «трудом»? В какие миллиарды вылетает содержание этой армии, этих пещер Аладдина? Если «порядок в стране» обходится в столь астрономические цифры, никакие сибирские алмазы ей не помогут, рано или поздно она пойдет по миру»...

НЕСВОБОДА

Двадцатые годы, рассказывал Правов, еще дышали воздухом революции, а всякая революция раскрепощает. Фильм начинал свое шествие к зрителям в душе режиссера. Подавалась заявка в тематический план, писался сценарий, и вот уже включена камера. Тем более никто не вмешивался в творческий процесс. Да, были сомнения, к примеру, справятся ли молодые актеры А. Абрикосов и Э. Цесарская с ролями Григория и Аксиньи в «Тихом Доне». Но достаточно было слов режиссера: «Я в них верю», и актеры утверждены. Шолохов был от обоих в восторге, частенько приезжал на съемки, а к «своей» Аксинье проникся, по свидетельству Правова, глубоким чувством...

Но уже к началу 30-х все оказалось в железных тисках бюрократов. Правда, судьба и их, руководителей кинематографии, в частности, была жестокой. Четыре-пять лет поруководили: пожалуйста, в тюрьму.

В 38-м арестовали Шумяцкого. Не то, что при нем снимались фильмы о Ленине, «Трилогия о Максиме», чекистам было совершенно наплевать. Именно из органов пришел новый председатель по делам кинематографии некто Дукельский. Первое, что он сделал, — начал вызывать режиссеров в кабинет, как на допрос, по одному! И стул — посреди комнаты... Мы с Ольгой Преображенской вошли вдвоем: вместе снимали «Разина». Дукельский хмуро: «Я же велел по одному». «А мы вдвоем,—говорит Ольга. Я поясняю: «Мы работаем вместе, вдвоем». «Как это — два режиссера снимаете одну картину?» «Именно так». «И неужели получается?» «Получается»,— говорю, но сам уже ничего не понимаю: дурдом да и только. Он заглянул в бумагу. На «Разине» отснято чуть не 10.000 метров пленки и требуется еще 4.000. Мол, не потому ли такой перерасход, что вдвоем снимаем? Я пояснил, что полезных метров снято восемьсот... Он не дослушал, взрывается: «А остальные что, бесполезные?». Я начал было вразумлять, что в кино снимают дубли... (У Ольги язык отнялся, глаза из орбит вылезли). Но куда там: Дукельский в тот же день отдал приказ «об отмене и запрещении снимать бесполезные метры».

...Сразу после картины «Во власти золота» Правов написал двухсерийный сценарий «Угрюм-река» по известному роману В. Шишкова. Ни у кого не было сомнений, что фильм обречен на успех. Убежден, что не сомневаюсь в этом и наше киноначальство в Москве. Но, посоветовавшись с ним, директор студии вычеркнул сериал из плана. Многажды битый «помпадурами», Правов снес удар, а мы, молодые вгиковцы, пошли в атаку: «Выходит, что вы, директор студии, абсолютный хозяин-барин этих стен? Чего стоит наше мнение, сценарного отдела?» Директор спокойно повел плечами: «Вы — за, Я — против. Сценарный отдел при мне лишь совещательный орган...» «Значит, у нас никаких прав нет?» «Кроме одного: высказывать свое мнение». «Высказывайте и отправляйтесь ко всем чертям...»

РУССКОЕ КИНО

Шишков, Мельников-Печерский, Короленко, Куприн, Гарин-Михайловский, Пришвин... Кино проходило мимо этих имен, исконных национальных чувств, страстей, как слепой мимо залитой светом витрины. Русский советский режиссер Иван Правов не мог не переживать происходящее страдальчески.

Правов хотел снимать для народа. Строптивый нрав помогал одолеть стадный инстинкт. Еще тогда, в 30-е, он был свободен от иллюзии превосходства американского кино. Не ходил даже на семинар, устроенный на «Мосфильме» под знаком: смотри — учись... у заокеанских фильмов. Но было и в 50-е годы совсем не просто нащупывать, обсуждать, пропагандировать эстетику национального кино. Я убежден, что «Калину красную», как и все творчество В. Шукшина, Правов принял бы восторженно. Беда в том, что и по сей день мы, русские, лучше знаем, что нам чуждо в той же американской эстетике, чем то, что следует ей противопоставить. Чтобы привлечь молодежь (немногим известно, что 80 процентов кинозалов заполняют подростки), чтобы не соваться в безвкусицу анахронизмов, чтобы твердо определиться в главных чертах, составляющих нашу самобытность. Иван Константинович не фонтанировал идеями о природе русского кино. Чувствовалось, что, прожив жизнь в искусстве, он не пришел ни к каким аксиомам. Да, русское кино должно быть страстным. Да, русское кино должно быть чувственным, более восточным, чем западным. (Уверен, семинар по индийскому кино Правов посещал бы исправно). Да, русское кино не должно замыкаться на город: ромашки не растут на асфальте. И еще: «Американцы учитывают рынок, быть немодным для них смертельный грех,— говорил Иван Константинович. — Но вглядитесь внимательно: от нереботанных штампов они не откажутся никогда. Их «стопроцентного парня» вы узнаете в ковбое, в полицейском, в командире подводной лодки, в Спартаке и в Наполеоне! Те же улыбки, те же блестящие зубы, те же узватки и, конечно же, тот же мощный удар в челюсть, когда понадобится. А ведь все это — фальшь... отличительная черта русского кино? Думаю, та, в первую очередь, что оно не делается по шаблону».

Давно завершился земной путь Ивана Константиновича Правова. Есть ли та эпитафия, которую он сам себе предписал, на могильной плите московского кладбища? Мои юношеские всплески надежд Иван Константинович неизменно встречал скептически: мало что изменится к лучшему. Нельзя сказать, что изменения были призрачны. Но милый Иван Константинович! Все там будем: это единственное гарантированное нам право.

● *Иван Правов.*

Фото предоставлено кабинетом отечественного кино ВГИКа.

Книги

Умное слово и кошке приятно?

Мы же знаем, какая заветная мечта у поклонника театра и кино. Ему хочется поговорить.

Поговорить не вообще, а с артистами. Но с ними ведь больше, чем на автограф, и рассчитывать не приходится. И не потому, что они задавали. Просто, если актер начнет разговаривать с каждым зрителем, то ему хотя бы с режиссером некогда будет поговорить.

Вот тут на помощь и приходят журналисты. Они встречаются с артистами и беседуют с ними как бы от имени миллионов зрителей. И потом каждый из нас получает возможность неторопливо пообщаться с любимым артистом.

Ну, а если у зрителя много любимых артистов, то на этот случай существуют книги, в которых собираются эти разговоры. Слово «существуют» я употребил в мечтательном смысле. Лично мне такие книги давненько не попадались. Все больше Анжелики и брошюры с придуточными советами.

А на днях случилось невероятное — прямо но мне в дом пришли Евгений Леонов, Альфред Шнитке, Марк Захаров, Марина Неелова, Екатерина Максимова, Геннадий Хазанов, Элизабет Тейлор, Джейн Фонда, Патриция Каас... То есть тридцать три, да еще каких гостя. Голова кругом пошла!

А все дело в том, что издательство «Искусство» обратилось за помощью к двум замечательным журналистам — Вадиму Вернику и Эдуарду Церковеру. А уж они-то в мир искусства вхожи, они там свои люди. И вы теперь тоже станете там своими. Надо только поспешить успеть купить книгу «Вам рассказывает артист».

Вас ожидают интересные разговоры. И, я бы даже сказал, парадоксальные.

Ну, кто из нас сомневается, что Михаил Ульянов — вылитый маршал Жуков? А сам Михаил Александрович утверждает, что «фотографически не похож на маршала». Я приложил — и впрямь! Поразительный случай перевоплощения. Причем почти совершенно без грима.

А знаете, на что жалуется понизенный спорщик Олег Ефремов? «Мы не умеем спорить. У нас, куда ни посмотри, все оборачивается скандалом». Он не просто жалуется, он это анализирует.

Олега Табакова отличают не только ум и талант, но и редкая в среде его коллег самокритичность. Вот посмотрите, как он живописует свой юношеский портрет: «Такой был, знаете, маленький Молчалин, который четко знал, что можно, чего нельзя. Начитанный юноша из Саратова, неизменно нравившийся всем преподавателям». А что нынче? Я бы обратил внимание на такую его фразу: «Не только понимать, что многим живется куда сложнее, чем мне, а стараться помочь в силу возможностей».

Все-таки с гением трудно разговаривать. Альфред Шнитке своим тихим голосом утверждает: «Любой человек изначально есть все: и гениальный, и еще какой угодно». Ну, насчет «и еще какой угодно» я знаю по себе. Что ж, я готов подождать, когда у меня откроется и гениальность. В конце концов не к спеху.

Впрочем, о тщете данных надежд мне напомнила великая балерина, и тому же самая любимая моя артистка во всем искусстве — Екатерина Максимова. В свое время о Кате ее учительница сказала: «В ней есть все, но чего-то нет». Так что будем скромны. Уж если в Екатерине Максимовой «чего-то нет»!

Между прочим, у великой балерины намечался прелюбопытный коллега — Геннадий Хазанов. После третьего класса он пошел поступать в хореографическое училище Большого театра. Не приняли, сказали: «Ты такой маленький, худенький, слабенький, как ты будешь носить на руках балерину?» Он ответил: «Пусть она меня носит». Что с ним стало потом, вы знаете.

Впрочем, у Михаила Задорнова жизнь сложилась еще круче. Ему, чтобы попасть на эстраду, пришлось 10 лет поработать преподавателем Московского авиационного института. Тоже, знаете, не совсем балет.

У Элизабет Тейлор судьба сложилась несколько уютнее, чем у Хазанова и Задорнова. Во-первых, она красивее. А во-вторых, у нее дома прекрасные условия для отдыха. У нее там есть «подлинники Писсарро, Ренуара, Моне...», которыми она на досуге любуется. И пожалуйста, никаких разговоров о домашнем хозяйстве. Впрочем, и для Джейн Фонды вопросы домашнего хозяйства тоже «хуже касторки».

Зато у Патриции Каас несколько иные настроения: «Выйти замуж в 28 лет и завести троих детей».

...Как видите, разговоры со знаменитыми людьми — дело непростое. Все-таки очень часто они понуждают озадачиваться. Например, каков Роман Виктюк: «Мне кажется, прежде всего нужно вернуться к пониманию той истины, что искусство не принадлежит народу. Искусство не принадлежит никому, лишь самому себе».

Ну, это вам «на засыпку». А если у вас есть желание выяснить отношения с Виктюком пообстоятельнее, то вам надо заглянуть в книгу Вадима Вернника и Эдуарда Церковера «Вам рассказывает артист». Там есть и о чем поспорить, и о чем подумать. Все-таки умное слово даже кошке приятно.

Эдуард ГРАФОВ.

Календарь

Люди. Годы. Жизнь

19 апреля — родился А. Птушко (1900—1973), кинорежиссер, сценарист, художник,

родился В. Каверин (1902—1989), писатель.

Предстоял серьезный экзамен по логике. Студент первого курса Петроградского университета Вениамин Каверин впервые с восторгом прочитал краткое изложение неевклидовой геометрии Лобачевского.

Экзамен успешно сдан, и счастливый юноша шел по улице в прекраснейшем расположении духа. Неожиданно на глаза попалась афиша у Дома литераторов: «Конкурс для начинающих писателей! Пять премий!»

За десять минут молодой человек решил навсегда распрощаться со стихами, которые исправно сочинял каждый день, и заняться прозой. На ходу придумал идею и изобрел название — «Одиннадцатая аксиома». Ведь именно с одиннадцатой аксиомой Евклида когда-то не согласился только что «сданный» Лобачевский. «Великий ученый свел в пространстве параллельные линии, почему бы не свести в пространстве и времени два параллельных сюжета»,— подумал знаток неевклидовой геометрии.

К литературному творчеству подход был вполне научным. Лист бумаги поделен на два столбца. В левом — история монаха, который теряет веру и бежит из монастыря, в правом — история студента, проигравшегося в пух и прах. Действие первого рассказа развивалось в середине XIX века, второго — накануне революции. Текст получился короткий: в конце третьей страницы герои случайно встречались на берегу Невы.

20 апреля — родился Гарольд Ллойд (1893—1971), американский актер,

родился П. Луспекаев (1927—1970), актер театра и кино.

22 апреля — родился Г. Филдинг (1707—1754), английский драматург и романист,

родился В. Набоков (1899—1977), писатель.

В. В. Набоков родился в 1899 году в Санкт-Петербурге. Но с 1919 года для него началась пониженная пора эмиграции. Там, за рубежом, вышли основные его произведения «Другие берега», «Приглашение на казнь», «Дар». Но лишь скандал вокруг романа «Лолита», объявленного порнографическим, парадоксальным образом превратил Набокова в писателя с мировым именем.

Известный английский писатель католик Грэм Грин назвал «Лолиту» одной из лучших книг года. Последовал скандал во Франции, в Англии... В результате «Лолита», изданная наконец в Америке, возглавила список общенациональных бестселлеров в течение нескольких месяцев, пока ее не сменил... «Доктор Живаго».

23 апреля — родился У. Шекспир (1564—1616), английский писатель,

родился П. Урусов (1733—1813), театральный деятель, основатель Большого театра

родился С. Прокофьев (1891—1953), композитор, пианист, дирижер.

24 апреля—родился А. Кторов (1898—1980), актер театра и кино.

Калейдоскоп

ВЕСЕЛЫЕ СВАДЬБЫ

В женихах — сыщик

Знаменитый «полицейский из Беверли-хилз» отныне женат. Его законной женой стала «топ-модель», одна из лучших манекенщиц Соединенных Штатов Николь Митчелл, в тесной дружбе с которой Эдди Мерфи уже провел пять лет(!). Плод этой дружбы — двое детишек. Черный и светлая (Николь — полуангличанка) в черном и белом на своей свадьбе излучали юное счастье, как при первом в жизни поцелуе.

Баптистская церковь в Гарлеме, украшенная немыслимым количеством цветов, была переполнена. Свадьба любимого актера стала зрелищем для тысяч его поклонников на улице. Пятьсот приглашенных на банкет составили «весь Голливуд». Поздравления были не только от друзей-кинематографистов, но и от певцов, спортсменов, бизнесменов-миллионеров. Больше всех радовались дети новобрачных.

Золушка-93

Какое девичье сердце не взволнует сказочная история любви принца и пастушки. История, закончившаяся браком. Золушкой 1993 года назвали в Бразилии Алину Вермелинг, дочь скромного счетовода и поэтессы, которая сумела очаровать богача, красавца и плейбоя Джона Касабланка, владельца огромной фирмы модной одежды «Элита». Уж сколько самых прекрасных и стройных девушек страны и мира прошли перед его глазами, но задержались они на тихой семнадцатилетней Алине. После церемонии венчания в храме XVII века в Рио-де-Жанейро она сказала журналистам, что всю свою жизнь молилась о таком счастье, но не смела думать об осуществлении дерзкой мечты. Теперь у нее фазенда, 300 гектаров земли, арабские скакуны и муж из сказки.

Фото из журнала «Парн-матч».

Моя четвертая мама

Как всегда, обаятельный, только чуть постаревший Тони Куртис встал под венец в четвертый раз. Его счастливая тридцатилетняя невеста, белоснежное подвенечное платье надела в первый раз и очень тихо сказала «да». Свадебное торжество прошло в скромной домашней обстановке на вилле популярного артиста, где по традиции 67-летний молодожен перенес новобрачную через порог на руках. Среди гостей были и шестеро детей Тони. Самая старшая из них Джеми Ли уже привыкла к тому, что ее отец вновь нашел женщину своей мечты. Тем не менее и она была взволнована: когда-то они вместе с отцом прошли по адовым кругам наркомании, вместе сумели вырваться из преисподней. Теперь у нее фазенда. 300 гектаров земли, арабские скакуны и муж из сказки.

УЧРЕДИТЕЛЬ: ЖУРНАЛИСТСКИЙ КОЛЛЕКТИВ ГАЗЕТЫ.

КУЛЬТУРА

Газета зарегистрирована в Министерстве печати и массовой информации РФ Рег. № 1092.

Главный редактор А. А. Беляев.

Редакционная коллегия: С. Н. Беднов, Л. И. Галинский (коммерческий директор), Г. М. Дубасов (зам. главного редактора), О. Т. Иванов (первый зам. главного редактора), Г. М. Кондратенко (экономический директор), А. С. Макаров, И. Б. Медовой, Г. И. Терехова (отв. секретарь), Р. Б. Черный.

НАШ АДРЕС: 101484, ГСП-4, Москва, Новослободская улица, дом 73.

ТЕЛЕФОНЫ: для справок — 214-60-31. Отдел рекламы — 285-77-12.

Издатель — издательство «Пресса».

Типография издательства «Пресса», 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

Мнение авторов не всегда совпадает с позицией редакции.

Индекс 50126. Тираж 75000 экз. Тип. № 11318.

ГАЗЕТА ВЫХОДИТ ПО СУББОТАМ